HX314
.P554

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HX314
.P554

DEMCO

a 00003 052779

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84

Г. В. ПЛЕХАНОВ

HX314
.P554

В ЗАЩИТУ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА

СБОРНИК СТАТЕЙ.

Коммунистич. университет им. Я. М. Свердлова
1-я Библиотека
LV ZASHCHITU REVOLIUTSIONNOGO MARKSIZMA
уч.
Уч. Биб-ка Высшая Школа Пропагандистов при ЦК ВКП (б)
№ 581/4 9713-6
Уч. б-ка ВКСХУ им. Свердлова
№ 1629/3
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА 1922.

Р. Ц. № 1215. МОСКВА. Печ. 10.000 экз.

7-я типография «Моспечать» (бывш. Мамонтова), Филипповск. п., д. 11.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТ РЕДАКЦИИ . . . . . V—VII

Г-н П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития:

Статья первая 1

Статья вторая 32

Статья третья 76

Cant против Канта, или Духовное завещание г. Бернштейна 100

Предисловие к первому русскому изданию Коммунистического манифеста 121

ОТ РЕДАКЦИИ.

Великой заслугой Плеханова в истории европейского и русского социализма, кроме открытия русского рабочего класса и создания русской социал-демократии,—является блестящее обоснование, развитие и популяризация *теоретических,* главным образом, философских и социально-исторических основ марксизма. В этом отношении он занимает несомненно первое место в ряду европейских марксистов, отличаясь большей глубиной мысли и шириной захвата, чем другой выдающийся теоретик и популяризатор марксизма—Карл Каутский.

Обосновывая и развивая взгляды Маркса и Энгельса, Плеханов—так же, как и Каутский доброго старого времени—с особенной настойчивостью и убежденностью отстаивал именно *глубоко-революционную* сторону марксова учения, теорию борьбы классов, которая приведет к грядущему крушению капиталистического строя, и идею пролетарской *диктатуры,* как неизбежного условия введения социализма.

И когда на Западе и в России в конце 90-х и начале 900-х годов выступила целая плеяда «критиков» Маркса, поспешивших сдать в архив идею захвата власти пролетариатом и проведения социального преобразования революционными методами этой власти и проповедывавших идею медленного развития социализма, идею его мирного «врастания» в капиталистическое «общество»,—Плеханов—одновременно с Каутским—выступил против этих «критиков» со всей силой своего революционного, боевого темперамента, со всем своим талантом блестящего полемиста и со всем арсеналом своей огромной и разносторонней эрудиции.

Это было в эпоху «Искры» и «Зари», двух журналов, сыгравших громадную роль в развитии русской общественной мысли и русского сознательного пролетариата. Эти журналы редактировались Плехановым вместе с молодыми, только что появившимися на всероссийской арене вождями российской социал-демократии, в то время единомышленниками—Лениным и Мартовым. В «Заре» были напечатаны важнейшие статьи Плеханова против «критиков» марксизма—Бернштейна и Струве. А в «Искре» он с истинно пророческим предвидением делил всех европейских, в том числе и русских социалистов на социалистическую «Гору» и «Жиронду», т.-е. революционное и умеренное крыло, при чем предсказывал, что во время грядущей социалистической революции отношение между «Горой» или, иначе, якобинцами, к которым он, конечно, причислял и себя, и жирондистами будут такие же, как во время Великой французской революции, т.-е. социалистические якобинцы у власти будут посылать на гильотину социалистических жирондистов.

На 2-м с'езде партии, в 1903 г. Плеханов допускал возможность, что с.-д., находясь у власти, лишат противников из буржуазии и избирательных прав и свобод, т.-е. нарушат принципы формального демократизма, во имя классовой диктатуры пролетариата и «для блага революции».

Но, будучи, таким образом, непримиримым и последовательным революционером в *теории,* Плеханов, когда революционная эпоха пришла на практике, стал, как это позже случилось и с Каутским, колебаться и шататься, утратил столь необходимую всякому истинному вождю твердость и решительность. В частности, уже в 1905—7 г. г. он не раз проявлял ту самую заботу о «едином фронте» с либералами и демократами, над которой всего несколько лет перед тем беспощадно издевался. А его поведение во время войны и революции 1917 г. даже в глазах более левых меньшевиков поставило его вне рядов революционной, интернационалистической социал-демократии.

Но это несчастие, случившееся с великим основателем русского марксизма, нисколько не ослабляет его блестящих заслуг в деле именно *«защиты революционного марксизма»*. Русский большевизм является в значительной мере продолжением и применением на практике тех именно идей Плеханова, обоснованию которых посвящен настоящий сборник.

В него вошло предисловие к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии», написанное в 1900 г., и статьи против Струве и Бернштейна, об'единенные общим назнанием «Критика наших критиков» и напечатанные впервые в 1901 г. в заграничном журанале «Заря».

Содержание этих статей отчасти совпадает с содержанием книги Каутского «*Антибернштейн*», тоже вышедшей недавно в издании «Мосгубиздата». Только, в отличие от Каутского, Плеханов, кроме доказательств исторических, экономических и статистических, дает также философскую критику своих противников и блестящую историческую справку о происхождении и развитии самой теории *борьбы классов,* ставшей центральным местом всего учения Маркса.

В частности, Плеханов показывает, как буржуазия и ее идеологи, признавшие правильность этой теории со всеми ее последствиями всякий раз, когда борьба классов шла на пользу буржуазии, поднимали вопли о безнравственности и прочих грехах этой теории, когда в борьбе страдала буржуазия. Это же относится и к теории исторического насилия и к знаменитому положению «цель оправдывает средства».

«Когда люди,—говорит Плеханов в предисловии к «Манифесту»,—твердо решили во что бы то ни стало достигнуть данной цели,*выбор средств зависит уже не от них самих, а от обстоятельств* *). И именно потому, что социал-демократия не в состоянии предвидеть все те обстоятельства, при которых рабочему классу придется завоевывать свое *господство,* она не может принципиально отказываться от *насильственного способа* действий». (Курсив Плеханова). Вопреки теперешним социалистическим проповедникам «мирного» и «демократического» решения социального вопроса, Плеханов указывает, что «демократическая конституция» не может служить противовесом необходимости революционного насилия. В Америке, «в этой демократической стране освобождение негров могло быть куплено лишь ценою меж-

---

*) Курсив наш. Ср. замечание Чернышевского: «Только энергия может вести к успеху, хотя бы к половинному, если полного успеха почти никогда не дает история: *а энергия состоит в том, чтобы не колеблясь принимать такие меры, какие нужно для успеха*».

доусобия, и нельзя поручиться за то, что американскому пролетариату не придется *насилием* (курсив Плеханова) расчищать себе путь к своему экономическому освобождению».

Поэтому, говорит Плеханов в конце своих статей против Струве, если русские люди, как Струве, тогда (в 1901 г) еще полумарксист и полусоциалист, стояли за «социальную реформу» против социальной революции, то «мы уже знаем, что эта пресловутая реформа не идет дальше штопанья буржуазной общественной «ткани». В том виде, какой придается ей в теории г. Струве, она не только не угрожает господству буржуазии, но, напротив, обещает поддерживать его, содействуя упрочению «социального мира». И если наша крупная буржуазия до сих пор и слышать не хочет об этой «реформе», то это не мешает нашему «неомарксизму» быть лучшим и самым передовым выражением общих социально-политических интересов буржуазного класса, *как целого*... Именно теоретикам нашей мелкой буржуазии будет принадлежать руководящая роль в освободительном движении нашего «среднего класса». Мы нисколько не удивимся, если тот или другой из наших критиков дойдет в этом смысле до *степеней* весьма «*известных*» и *станет, например, во главе наших либералов*».

Эта цитата, написанная совершенно в большевистском духе, оказалась воистину пророческой, прежде всего, по отношению к самому Струве, который уже в следующем 1902 г. стал основателем будущей кадетской партии. Не предвидел Плеханов лишь одного: что в 1914—17 г.г. апостолом «социального мира» станет он сам...

Б. Горев.

В конце книги помещены переводы цитат из иностранных авторов; всюду они отмечены римскими цифрами.

Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Nachdem eine Sache zur Klarheit gediehen ist, finden sich immer gewisse Gegner, die sogleich beflissen sind unter dem Scheine der Neuheit die Sache wieder zu ver. dunkeln und unklar zu machen. Ich bin dieser Art von Gegnern und Gegenreden häufig begegnet. Kuno Fischer I).

Ces messieurs font tous du Marxisme, mais de la sorte que vous avez connu en France, il y a dix ans, et dont Marx disait: tout ce que je sais, c'est que je ne suis pas marxiste, moi! Et probablement, il dirait de ces messieurs ce que Heine disait de ses imitateurs: „J'ai sémé des dragons et j'ai récolté des puces" II).

Из письма Энгельса к П. Лафаргу от 27 окт. 1890 г.

Г. П. Струве давно уже упражняется в «критике» Маркса. Но до недавнего времени его «критические» упражнения не отличались систематичностью: он ограничивался по большей части, или краткими горделивыми заявлениями о том, что он, г. П. Струве, не заражен «ортодоксией» и состоит «под знаком критики», или лаконическими замечаниями на ту тему, что вот в таком-то и таком-то вопросе «ортодоксальные» последователи Маркса ошибаются, а правду говорят «критические» марксисты. Но краткие замечания и лаконические заявления почти ровно ничего не раз'ясняли относительно того, в чем именно коренятся заблуждения «ортодоксальных» марксистов и чем именно доказывается правота г.г. «критиков». По этому поводу можно было лишь строить догадки. Самою вероятною из них представлялась та, что Маркс и его «ортодоксальные» последователи заблуждались потому, что не были осенены благодатью так называемой критической философии, вносящей яркий свет в миросозерцание г. П. Струве и его «критических» единомышленников. Но, хотя эта догадка и была очень вероятна, читатель все-таки имел слишком мало данных для ее проверки. Теперь в нашем распоряжении находятся эти необходимые данные, и мы можем поэтому в свою очередь подвергнуть критике нашего «критика».

В предполагаемых статьях мы хотим разобрать «критический опыт», опубликованный г. П. Струве в Archiv'e Брауна под заглавием «Die Marxsche Theorie der sozialen Entwickelung» [1]) и напечатанную в той же книге Archiv'a рецензию его на известную книгу Э. Бернштейна и на не менее известный ответ Бернштейну Каутского. Этот «критический опыт» и эта не менее «критическая» рецензия очень хорошо характеризуют, как приемы, так и образ мыслей нашего автора.

Г. П. Струве замечает, что он в своем опыте имеет в виду не материалистическое понимание истории во всей его полноте, а «только его специальное применение к развитию от капитализма к социализму». Но если его «критика» непосредственно направляется только *на одну часть* марксовой теории социального развития, то попутно она затрагивает *всю* эту теорию вообще и даже некоторые ее философские посылки. Таким образом, она дает вполне достаточный материал для нашей *критики критика*. Послушаем же г. Струве.

По его словам, разбираемая им часть теории Маркса имеет троякое основание: 1) учение о развитии производительных сил в капиталистическом обществе или, другими словами, «теорию обобществления и концентрации производства и теорию производительной анархии в капиталистическом обществе»; 2) учение об ухудшении положения низших классов общества или «теорию обнищания и теорию экспроприации мелких капиталистов крупными»; наконец, 3) учение о революционной роли пролетариата, т.-е. «теорию социалистической миссии пролетариата, создаваемого развитием капитализма и растущего в ходе этого развития».

Поясняя эту последнюю теорию, г. П. Струве прибавляет: «Пролетариат подвергается обнищанию, но достигает в то же время такой социальной и политической зрелости, которая делает его способным свергнуть капиталистическую систему путем активной борьбы классов и заменить ее социалистической системой».

Что же думает наш критик об этом трояком основании марксовой теории?

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, верно ли определил Маркс *относительное* значение каждой из указываемых им тенденций, г. П. Струве признает, что эти тенденции действительно существовали в капиталистическом обществе первой половины девятнадцатого века: теория обнищания являлась простым констатированием действительности; развитие производительных сил било в глаза; революционные порывы пролетариата,—начиная стихийными вспышками и кончая коммунистическим движением,—были вопросами дня. Но, по мнению нашего критика, Маркс сильно ошибался, утверждая, что указанные им тенденции вели *к социализму*. Это его утверждение не имело никакой реальной основы и было простой *утопией* [2]). Торжество социализма оставалось совершенно невозможным до тех пор, пока обнищание народных масс было неоспоримым фактом. Обнищание рабочих несовместимо с такою зрелостью этого класса, которая сделала бы его способным совершить социалистический переворот. Поэтому фактическое положение дел не оставляло в сороковых годах никакого места для чуждого утопий социального оптимизма: если бы капитализму действительно пред-

---

[1]) Braun's Archiv. XIV Band, 5 und 6 Heft.

[2]) Курсив наш.

стояло потерпеть крушение, то некому было бы взяться за возведение на его развалинах здания социализма. И если Маркс был тем не менее совершенно чужд всякого пессимизма, то это об'ясняется именно неосновательностью его социально-политического миросозерцания. «*Настоятельная психологическая потребность доказать историческую необходимость экономического порядка, основанного на коллективизме,*—говорит г. П. Струве,—*вынудила в сороковых годах социалиста Маркса вывести* (deduziren) *социализм из более, чем недостаточных посылок*» [1]).

Впоследствии Маркс существенно изменил,—по мнению г. П. Струве,—свой пессимистический взгляд на положение рабочего класса в капиталистическом обществе, но все-таки не отказался от него целиком и вполне сознательно. Вопиющее противоречие между обнищанием рабочего класса—с одной стороны и развитием общества в направлении к социализму—с другой осталось для него незаметным. «Это реальное противоречие даже приобретало в его глазах законный вид, представляясь ему диалектическим противоречием, стремящимся к своему разрешению» [2]). В виду этой странной психологической аберрации неудивительно, что г. П. Струве увидел себя вынужденным обратить свое внимание на «учение о развитии посредством роста противоречий» (durch Steigerung der Widersprüche) и подвергнуть это учение внимательному разбору.

II.

Наш критик «берет» два, находящиеся во взаимном антагонизме, явления: A и B и рассуждает следующим образом.

Если рост противоречия действительно имеет здесь место, то развитие противоречащих один другому моментов выразится такою формулой:

Формула I, которую г. П. Струве называет формулой противоречия:

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
4 A	4 B
5 A	5 B
6 A	6 B
. . .	. . .
n A	n B

Каждое из двух явлений A и B растет путем накопления однородных элементов (Häufung des Gleichartigen); одновременно с этим и благодаря этому растет также и существующее между ними противоречие, которое и устраняется, наконец, победой сильнейшего явления над слабейшим: n A уничтожает n B.

Но,—по замечанию г. П. Струве,—мы можем представить себе, что в социальной действительности существуют противоречия совсем другого рода, выражаемые совсем иною формулой.

Формула II, которую мы предлагаем назвать формулой притупленного противоречия:

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B

[1]) Archiv, XIV Band, 5 und 6 Heft. S. 62. Курсив наш.

[2]) Там же, стр. 663—664.

4 A 2 B
5 A B
6 A 0 B [1])

В каждом из случаев, выражаемых этими двумя формулами, между А и В есть *взаимодействие*. Но между тем, как в первом случае рост А неизменно обусловливает собою также рост В, т.-е., следовательно, и *обострение противоречия* между этими двумя явлениями, во втором—действие постоянно растущего А только сначала вызывает увеличение коэффициента В, а затем, *перейдя известный предел,* ведет уже к его уменьшению, а значит и *к ослаблению* указанного *противоречия*. Таким образом противоречие постепенно разрешается здесь посредством «*притупления*» (durch «Abstumpfung») [2]).

Г. П. Струве об'являет «баснословной» ту мысль, что «социальное развитие в своих решительных поворотах совершается исключительно по первой формуле». Но кем и когда была высказана эта «догма»? У г. П. Струве выходит, будто за нее держатся все «ортодоксальные» марксисты. Это совсем неверно. Мы думаем, что вряд ли кто из серьезных последователей Маркса согласится признать правильной «первую формулу» г. П. Струве. А не признавая правильность той или другой формулы, нельзя, конечно, и утверждать, что именно («исключительно») по этой формуле совершается историческое движение. Г. П. Струве слишком поторопился наградить «баснословной догмой» своих «ортодоксальных противников».

Ниже, в предпоследней главе этой статьи, мы подробно разберем первую формулу г. П. Струве и покажем ее ошибочность. Теперь же мы приглашаем читателя обратить внимание на вторую его формулу.

Она должна выражать взаимодействие между А и В. Но взаимодействие предполагает как действие А на В, так и обратное действие В на А. Г. П. Струве не говорит, в чем заключается это последнее; он ограничивается тем, что определяет действие А на В. Мы узнали из самой формулы и из сопровождающих ее об'яснений, что вплоть до известного предела возрастание А обусловливает собою также и *рост В*, а потом, *за этим пределом,* ведет, напротив, к *уменьшению В*. Что же это означает? Это означает то, что указанный предел является пунктом, перейдя который, *действие А на В превращается в прямую свою противоположность*. Вторая формула г. П. Струве может поэтому служить недурным, так сказать, алгебраическим примером того *перехода количественных изменений в качественные,* который на каждом шагу встречается и в природе, и в общественной жизни и который тем не менее относится нашими «критиками» (из лагеря «теоретиков познания») к числу «баснословных догм», выдуманных Гегелем и взятых на веру Марксом и его «ортодоксальными» учениками.

Пригласив читателя запомнить этот пример, который очень пригодится нам вспоследствии, мы идем далее.

Наш критик замечает, что рассмотрение «формулы противоречия» приобретает особенный интерес при сопоставлении ее с основной идеей материалистического об'яснения истории. Это справедливо по многим причинам и, между прочим, потому, что, будучи сделано г. П. Струве, указанное сопоставление показывает нам, правильно ли понимает он критикуемого им писателя.

---

[1]) У г. П. Струве в подлиннике стоит не нуль В, а «kein B». Читатель понимает, что это—одно и тоже.

[2]) Слово Abstumpfung поставлено во вносные знаки самим г. П. Струве.

Сопоставление это начинается у г. П. Струве цитатой из так часто цитируемого и, вероятно, всем уже известного теперь предисловия к «Zur Kritik der politischen Oekonomie» Маркса. «Способ производства материальной жизни вообще обуславливает собою процессы социальной, политической и духовной жизни... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в столкновение с существующими отношениями производства или,—говоря юридическим языком,—с имущественными отношениями, внутри которых до тех пор совершалось их развитие. Из форм, способствующих развитию производительных сил, эти отношения превращаются в тормазы этого развития. Тогда наступает эпоха общественного переворота. С изменением экономического основания изменяется, более или менее быстро, вся возвышающаяся на нем огромная надстройка [1])... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все те производительные силы, которым она предоставляет достаточный простор, и новые, высшие отношения производства никогда не занимают места старых раньше, чем выработаются в недрах старого общества материальные условия их существования».

Сделав эту цитату, г. П. Струве принимается ее комментировать. «Здесь ясно выражена,—говорит он,—идея постоянной *приспособленности* (Angepasstsein) [2]) права и политических учреждений к хозяйству, как *нормальной формы их сосуществования* [3]). Несоответствие правовых отношений хозяйственным есть противоречие. Им вынуждается приспособление права к хозяйству. У Маркса коренным противоречием выставляется противоречие производительных сил отношениям производства (имущественным отношениям). Приспособление отношений производства к производительным силам составляет содержание социальной революции. Во всем этом изложении есть у Маркса та неясность, что, с одной стороны, материальные силы, а, с другой, отношения производства, которые представляют собою не что иное, как абстрактную совокупность конкретных хозяйственных, или, выражаясь юридически, правовых отношений, являются своего рода самостоятельными сущностями или «вещами». Только благодаря этой неясности можно говорить о противоречии или о приспособлении всех, целиком (en bloc) взятых производительных сил всем целиком взятым правовым отношениям и представлять себе социальную революцию, как коллизию (все равно: длящуюся один момент, или более или менее продолжительное время) между этими двумя сущностями. Ясно, что общественное развитие может быть рассматриваемо, как длящийся процесс разнообразных коллизий и приспособлений. Маркс, повидимому, признавал правильным оба способа понимания социальной революции, не замечая их несовместимости. Что касается, в частности, будущего общественного переворота, то Маркс представлял его себе, как могучее столкновение хозяйства с правом, неизбежно завершающееся решительным событием или общественным переворотом, собственно так называемым. Таким образом в марксовой теории социального развития все вращается вокруг отношения или, если угодно, противоречия между хозяй-

---

[1]) Здесь г. П. Струве поясняет в скобках, что надстройку составляют правовые и политические учреждения, которым соответствуют определенные формы общественного сознания.

[2]) Курсив г. П. Струве.

[3]) Курсив г. П. Струве.

ством и правом. Маркс рассматривал хозяйство, как причину, а право, как следствие». [1]).

Этот комментарий отличается, как мы увидим, чрезвычайным богатством теоретического содержания [2]). Мы отметим в нем на первый раз следующие два пункта. По мнению г. П. Струве, Маркс:

1) считал *коренным* то противоречие, которое неизбежно возникает в прогрессирующем обществе между производительными силами—с одной стороны, имущественными отношениями—с другой;

2) представлял себе социальную революцию, как могучее столкновение хозяйства с правом, вследствие чего все вращается в его теории вокруг отношения между правом и хозяйством.

Справедливо ли это мнение г. П. Струве? Другими словами, верно ли понял и правильно ли изложил он теорию Маркса?

Что касается первого пункта, то он безусловно прав: противоречию между производительными силами общества и его имущественными отношениями действительно всегда принадлежало центральное место в марксовой теории социального развития. В подтверждение этого, а вернее сказать—для лучшего уяснения читателю мысли Маркса,—мы кроме цитированного г. П. Струве предисловия к «Zur Kritik der politischen Oekonomie», укажем на следующее место из «*Манифеста коммунистической партии*»:

«Мы видели, стало быть, что средства производства и сообщения, которые послужили основанием для могущества буржуазии, получили начало еще в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и сообщения, условия, среди которых совершались производство и обмен в феодальном обществе, феодальная организация земледелия и промышленности, словом, феодальные имущественные отношения оказались несоответствующими вызванным к жизни производительным силам. Эти отношения стесняли производство, а не облегчали его. Они сделались его цепями. Их нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровергнуты. Место их заняла свободная конкуренция с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством буржуазии».

Дело, как видите, совершенно ясно: социальная революция, означавшая падение *феодального* и торжество *буржуазного* хозяйственного порядка, представлялась Марксу и изображалась им, как *столкновение* (или противоречие) *между производительными силами, выросшими в недрах феодального общества, и свойственными этому обществу имущественными отношениями или—что то же—феодальной организацией земледелия и промышленности*. А если вы захотите хорошо выяснить себе, как представлялось Марксу и как изображалось им то изменение общественных отношений, делу которого он сам служил всем сердцем и всем помышлением и которое приведет к замене *буржуазного* хозяйственного порядка коллективистским, то прочтите вот эту страницу:

«Современное буржуазное общество с его имущественными отношениями, с его организацией производства и обмена, как бы волшебством

---

[1]) Ibid., S. 666—667.

[2]) Конечно, богатство богатству рознь. Г. П. Струве богат, главным образом, на заблуждения, а такому богатству завидовать не приходится.

создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, это общество находится в положении волшебника, который не в состоянии справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. В продолжение последних десятилетий история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения производительных сил против современной организации производства, против тех имущественных отношений, которые являются условиями жизни для буржуазии и для ее господства»...

«Находящиеся в его (буржуазного общества) распоряжении производительные силы не способствуют уже сохранению буржуазных имущественных отношений; напротив, они стали слишком велики для этих отношений, они встречают в них препятствие. Буржуазные отношения оказываются слишком узкими для того, чтобы вместить созданное ими богатство» (там же, стр. 8—9).

Устранение буржуазных имущественных отношений и составляет историческую миссию пролетариата.

Если бы кто-нибудь захотел проследить эту основную мысль марксовой теории общественного развития в других его сочинениях, то мы указали бы ему на *«Нищету философии»* и на 420—421 страницы второй части третьего тома «Капитала» [1]).

Итак, никакое сомнение невозможно: в марксовой теории социального развития все вращается вокруг *противоречия между производительными силами общества и его имущественными отношениями.* Но если это вполне ясно и совершенно несомненно, то спрашивается, на каком же основании г. П. Струве утверждает (см. выше, пункт второй), что Маркс представлял себе устранение капиталистических производственных отношений, как могучее *столкновение между хозяйством и правом?* Разве это второе столкновение тождественно по своему смыслу с первым? Разве противоречие *производительных* сил общества его *имущественным отношениям* имеет совершенно такое же значение, как и противоречие между *хозяйством и правом?*

Чтобы ответить на этот вопрос, имеющий для нас *«коренную» важность,* необходимо прежде всего выяснить себе, какое *понятие* связывается у нашего критика *со словом хозяйство.* А это можно сделать, разумеется, не иначе, как на основании его же, разбираемого здесь, «критического опыта».

Анализируя взгляд Штаммлера на отношение права к хозяйству, г. П. Струве говорит между прочим, следующее: «К сожалению, понятие хозяйства (хозяйственного порядка, отношений производства) совсем не покрывается тем, что мы отмечаем, как «хозяйственный» элемент в отдельных социальных явлениях. *Хозяйство есть, например, капиталистический хозяйственный порядок»* [2])...

Несколькими строками ниже мы встречаемся с афоризмом, гласящим, что *«в хозяйстве уже заключается право* и vice versa (in der Wirthschaft ist das Recht und vice versa enthalten)» [3]). Наконец, еще через несколько строк мы наталкиваемся на такое рассуждение: «То обстоятельство, что у

---

[1]) Мы потому указываем на немецкий подлинник, что русский перевод его сделан неудовлетворительно. Указываемое нами место занимает 733 страницу русского издания третьего тома.

[2]) Ibid., S. 668, курсив наш.

[3]) Ibid., S. 669, курсив опять наш.

меня нет хлеба... не составляет никакого правового отношения между мною и моими согражданами... и пусть не возражают мне, что при другом общественном устройстве целесообразное правовое регулирование устранило бы феномен безработицы. Это показывает только, что этот экономический феномен зависит от данного *хозяйственного или, иначе, правового порядка,* взятого во всей его совокупности» и т. д. [1]).

Из этих об'яснений видно, что слово *хозяйство* имеет у нашего критика тот же самый смысл, что и термин *хозяйственный* (например, капиталистический) *порядок* или термин *производственные отношения.* Но мы уже знаем, что производственные отношения,—или хозяйственный порядок, или экономическая структура,—на юридическом языке называются *имущественными отношениями.* На это указывает и сам Маркс, о теории которого идет речь в настоящее время, и г. П. Струве, подвергающий эту теорию своему разбору [2]). Очень хорошо. Заметим это и спросим себя: какой же вид принимает марксова теория общественного развития в изложении его критика? А на этот вопрос возможен только один ответ: *в изложении г. П. Струве выходит, что в этой теории все вращается вокруг противоречия между имущественными отношениями данного общества и его правом.* А это, будучи выражено другими словами, означает, что, по Марксу, сущность современного, так называемого, социального вопроса заключается в противоречии между имущественными отношениями, например, нынешней буржуазной Франции и ее Code Civil. А если вы захотите выразить эту мысль еще иначе, то вы можете сказать еще так: противоречие между имущественными отношениями нынешней буржуазной Франции и ее Code Civil составляет «das Fortleitende», т.-е. то противоречие, которое ведет эту страну вперед и приближает ее к новому общественному порядку. Это совершенно логично и неизбежно выходит из слов г. П. Струве и вместе с тем это представляет собою такую удивительную, такую неудобосказуемую, короче— такую *«баснословную» догму,* что если бы «критический опыт» г. П. Струве застал Маркса в живых и если бы автор «Капитала» дал себе труд ознакомиться с содержанием этого невероятного опыта, то ему оставалось бы только развести в недоумении руками и воскликнуть, несколько изменяя слова героя в некрасовской поэме *«Суд»:*

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что критик мой сказал,
Своей я мысли не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючий—и притом
Наполовину с дурманом.

---

[1]) Ibid., S. 669—670, курсив наш.

[2]) Для большей точности выразимся так: по Марксу, *известная часть* производственных отношений составляет то, что юрист назвал бы *имущественными отношениями.* Ниже мы увидим, почему это название неприменимо ко всей совокупности производственных отношений.

III.

И пусть снисходительный читатель не думает, что мы ловим г. критика на случайных описках. Нет, совсем нет! Указанный нами чудовищный промах повторяется чуть не на каждой странице «опыта» и составляет тот логический центр, вокруг которого *«вращается» почти все содержание* придуманной г. П. Струве *«критики»* ортодоксального марксизма. Вот, например, через несколько страниц после цитированного нами комментария, г. П. Струве категорически заявляет: «Переворот, устраняющий противоречие, во всяком случае логически необходим для марксовой теории постоянно усиливающегося противоречия между хозяйством и правом» [1]). Эти слова показывают, что г. П. Струве не только «упорствует» в своем непостижимом заблуждении, но и кладет его в основу своей «критики»: он собирается оспаривать марксову мысль указанием на то, что между правом и хозяйством (т.-е. имущественными отношениями, экономической структурой) существенного противоречия быть не может. Не меньшее «упорство» в заблуждении обнаруживается и нижеследующей аргументацией, которую наш «критик» считает неотразимой и победоносной:

«То, что, по примеру Маркса, называется отношениями производства, логически и исторически уже заключает в себе правовое регулирование имущественных отношений. Уже по одному этому логически невозможно, оставаясь на марксовой точке зрения, говорить о противоречивом развитии производственных отношений и правового порядка (да кто же говорит об этом, кроме вас, о, строгий критик! Ведь у Маркса-то речь идет о противоречии между *производительными силами* и имущественными отношениями. Вы сами, в начале вашего комментария, *«отметили»*,—правда, без *«особенной силы»*—это, действительно достойное замечание, *«обстоятельство»*. Как же вы вдруг позабыли о нем, когда вам понадобилось «критиковать» теорию Маркса?—*Г. П.)*. Но еще много важнее то, что признание подобного развития фактически и безусловно исключает всякое реалистически понимаемое воздействие хозяйственных явлений на правовой порядок (откуда взялись у вас хозяйственные явления, г. П. Струве? Ведь у вас шла речь о *производственных* отношениях или, иначе, о *хозяйстве*, и вы сами справедливо говорите, что понятие *хозяйство* совсем не покрывается тем, что мы называем *хозяйственным* элементом в *общественных явлениях*.—*Г. П.)*. Ибо подумайте: производственные отношения (г. «критик» опять, sans crier gare, возвращается к производственным отношениям, понятие о которых, по его собственному замечанию, совсем не покрывается понятием: хозяйственные явления *Г. П.)*, становящиеся все более и более социалистическими, порождают классовую борьбу; классовая борьба—социальные реформы, а эти последние будто бы обостряют капиталистический характер общества. Итак, производственные отношения, становящиеся все более социалистическими, порождают правовой порядок, становящийся все более капиталистическим. Воздействие экономии на право

---

[1]) Ibid., S. 673.

не только не порождает никакого взаимного при способления между ними, но все более усиливает существующее между ними противоречие» [1]).

Часть этой тирады, следующая за словами: «*ибо подумайте*» написана, очевидно, для того, чтобы «с особенной силой отметить» нелогичность «ортодоксальных» последователей Маркса, признающих диалектический закон развития. Но здесь наш критик опять навязывает «ортодоксальным» марксистам «совершенно баснословную догму», и опять его изложение превращает в «ячмень наполовину с дурманом» чрезвычайно ценное теоретическое зерно марксовой теории социального развития. «*Ибо подумайте!*» Когда Маркс и его «ортодоксальные» последователи говорят о постоянно растущем теперь противоречии между *производительными силами* капиталистического общества и его *производственными отношениями*,—они под этими последними понимают буржуазные *имущественные отношения*, как это особенно ясно показывают сделанные нами выше цитаты и как это признает сам г. П. Струве. Вот почему ни Марксу, ни его «ортодоксальным» последователям никогда не приходило и никогда не могло притти в голову утверждать,—как это приписывает им г. П. Струве,—что производственные отношения буржуазного общества все более и более становятся социалистическими. Кто сказал бы это, тот тем самым высказал бы ту мысль,—достойную разве лишь какого-нибудь новейшего Бастиа,—что *имущественные отношения*, свойственные капиталистическому обществу и горячо отстаиваемые буржуазией, все более и более приближаются к социалистическому идеалу [2]).

Г. П. Струве называет книгу «*К вопросу о развитии монитического взгляда на историю*» самым лучшим изложением философско-исторических основ ортодоксального марксизма. По его же словам, наши «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» написаны совершенно в духе этой книги. Пусть же читатель потрудится пересмотреть эти книги и пусть он сам решит, есть ли в них хоть что-либо похожее на то, что приписывает «ортодоксальным» ученикам Маркса наш странный «критик»!

Изо всего этого следует тот неизбежный вывод, что в «критическом» походе г. П. Струве ему служит операционным базисом колоссальное, поистине невероятное, *непонимание Маркса*. Славный поход! Глубокая «критика»! Интересный «критик»!

Литературная известность г. П. Струве начинается с осени 1894 г., когда вышла в свет его, наделавшая много шума книга: «*Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России*». В этой тяжеловесно написанной и местами наивной, но в общем все-таки дельной книге одновременно выступали,

Обнявшись, будто две сестры

и причудливо переплетаясь одна с другою, две теории: во-первых, теория Маркса и «ортодоксальных» марксистов, а во-вторых, теория Брентано и его школы. И это смешанное, эклектическое содержание книги в значи-

---

[1]) Ibid., S. 676—677.

[2]) Этой неудобосказуемой путанице полезно противопоставить собственные слова Маркса: «Ни одна общественная формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которым она предоставляет достаточно простора, *и новые, высшие отношения производства никогда не занимают места старых раньше, чем выработаются в недрах старого общества материальные условия их существования* (Zur Krifik etc., Vorwort. курсив наш.

тельной степени оправдывало, как упреки, сыпавшиеся на ее автора со стороны некоторых «ортодоксальных» марксистов, так и ожидания, возлагавшиеся на него другими, не менее «ортодоксальными» последователями Маркса: упрекавших раздражал *брентанизм,* а люди, возлагавшие ожидания на г. П. Струве, надеялись, что эта буржуазная теория будет мало-по-малу побеждена в его взглядах присутствовавшим в них элементом *марксизма.* Пишущий эти строки принадлежал к числу ожидавших. Его ожидания не были, правда, очень велики: он никогда не считал г. П. Струве человеком, способным обогатить теорию Маркса значительным теоретическим вкладом; но он все-таки надеялся, во-первых, на то, что брентанизм г. П. Струве скоро будет побежден его марксизмом, а, во-вторых, на то, что автор *«Критических заметок»* способен правильно понимать автора «Капитала». Теперь оказывается, что мы ошиблись в обоих случаях: марксизм уже теперь уступает, во взглядах г. П. Струве, свое место своему старому соседу—брентанизму, а, кроме того, наш «критик» обнаружил совершенное непонимание самых коренных, самых важных положений исторического материализма. В этом последнем отношении он очень далеко ушел назад, что об'ясняется, конечно, влиянием того же брентанизма. В виду всего этого, нам остается лишь открыто признаться в своей ошибке и сказать в свое оправдание, как говаривал Еврипид: «Многое делают боги против ожидания; не исполняется ими то, чего мы ждали, а с другой стороны, они находят средство осуществить неожиданное».

IV.

Мы видели: нам невозможно было ошибиться насчет смысла, в котором г. П. Струве употребляет слово *хозяйство,* так как он сам постарался точно определить этот смысл. Но предположим тем не менее, что мы неправильно его поняли, и что указанным словом наш критик обозначает не тот или другой *(«например капиталистический»)* хозяйственный порядок, не производственные (имущественные) отношения, свойственные данному обществу, а именно тот *хозяйственный элемент в социальных явлениях,* понятие о котором, по его собственному правильному замечанию, совсем не покрывается понятием *хозяйство.* Куда приведет нас такое предположение? [1]).

Раз приняв его, мы естественно должны принять также иное толкование тех слов г. П. Струве, что в марксовой теории социального развития все вращается вокруг противоречия между хозяйством и правом. Мы обязаны теперь допустить, что основой этой теории он считает учение о противоречии (отношении) между *хозяйственными явлениями,* имеющими место в данном обществе, и свойственным этому обществу *правом.* Это противоречие и должно быть признано теперь тем центром, вокруг которого *«все вращается»* в марксовой теории.

---

[1]) Мы делаем это предположение на основании следующих слов г. П. Струве: Jedenfalls aber ist für die Marxsche Theorie die Annahme einer Steigerung der Widersprüche zwischen den ökonomischen Phanomenen und Rechtsnormen charakteristisch!" (Ibid., S. 671). III) Здесь центральным пунктом марксовой теории является стало быть противоречие между *„правовыми нормами"* и *„хозяйственными явлениями"*, понятие о которых *не* покрывается понятием *хозяйство.*

Возьмем же *капиталистическое общество* и посмотрим, в какой мере и при каких условиях противоречие между совершающимися в нем хозяйственными явлениями и его правом может явиться причиной, толкающей вперед его развитие.

Предположим, что в нашем капиталистическом обществе существует так называемая *разрешительная* система учреждения акционерных обществ. Известно, что эта система отличается многими неудобствами, стесняющими развитие акционерных компаний, а, следовательно, и крупного производства, которое так нуждается теперь в ассоциации капиталов, принадлежащих отдельным лицам. Поэтому в нашем обществе рано или поздно возникает *противоречие* между *хозяйственным явлением*—ростом крупного производства, нуждающегося в развитии акционерных компаний,—и *правом*—неудобным законодательством, регулирующим учреждение этих компаний. Такое противоречие может быть устранено только одним путем: путем уничтожения разрешительной системы и замены ее так называемой *явочной* системой, несравненно более удобной. И, конечно, явочная система,—именно, как несравненно более удобная,—рано или поздно будет принята законодателем. Приспособление правовой нормы к хозяйственному явлению произойдет здесь, можно сказать, само собою, и нужно быть, по французскому выражению, fou à lier, чтобы заводить речь о каких-нибудь коренных изменениях общественного порядка там, где развитие общественной жизни выдвигает *только* противоречия этого рода.

Но чем же отличается этот род противоречий? Тем, что хозяйственные явления, противоречащие *буржуазному праву,* нисколько не противоречат, однако, *экономической основе этого права,* т.-е. *имущественным отношениям капиталистического общества.*

Теперь спрашивается: говорил ли когда-нибудь сам Маркс или кто-нибудь из его «ортодоксальных» последователей, что коренные изменения общественного строя вызываются противоречиями этого рода? Нет, этого не говорили ни Маркс, ни его ученики. По Марксу (мы указывали на это уже много раз, но вынуждены опять повторить это), коренные общественные переустройства подготовляются и делаются неизбежными благодаря противоречию между *производительными силами общества* и теми его *имущественными отношениями, на основе* которых *держится* свойственное этому обществу *право. Это* противоречие принадлежит совершенно к другому (несравненно более опасному) роду; с появлением *этого* противоречия начинается эпоха коренного общественного переустройства. Топить его в неопределенных и потому бессодержательных разглагольствованиях о противоречии между хозяйственными явлениями и правовыми учреждениями и о приспособлении права к хозяйству—значит, не выяснять вопрос, а запутывать и затемнять его до последней степени. И по-истине нужен весь, «целиком взятый», «kritischer Geist» господина П. Струве, чтобы хоть на минуту вообразить, будто подобное запутывание и затемнение вопроса равносильно дальнейшему поступательному движению «реалистической» мысли, лежащей в основе марксизма, как исторической теории. Это не только не *поступательное движение,* но даже и не *моцион мысли* (как говаривал покойный А. С. Хомяков), а просто-на-просто беспорядочная и бессодержательная, а потому совершенно бесплодная и бесполезная *теоретическая суета вокруг пустого места.* Подобная суета может доставить величайшее

наслаждение людям, о которых говорит Куно Фишер словами, поставленными нами в эпиграфе, но *для науки* она хуже, чем ничего, для нее она— *огромный шаг назад, отрицательное явление.*

Что право, свойственное данному обществу, вырастает на основе его экономической структуры (имущественных отношений), это категорически говорит сам Маркс [1]). И это можно подтвердить целым рядом самых *неоспоримых примеров.* Кто не знает теперь, что имущественные отношения диких охотничьих племен насквозь пропитаны коммунизмом и что *на основе этих коммунистических отношений вырастает соответствующее им обычное право?* Кому неизвестно, что на почве феодальных имущественных отношений (на основе «феодальной организации земледелия и промышленности») *выросла целая система правовых учреждений, получавших свои питательные соки из этой почвы и исчезнувших вместе с нею?* Кто не слыхал о том, что современное *буржуазное право,* например, уже упомянутый выше Code Civil, выросло на почве *буржуазных имущественных отношений?* Сам г. П. Струве, комментируя Маркса (см. выше, примечание на стр. 5), называет *надстройкой правовые* и политические отношения, возникающие на *основе* данной экономической структуры, или данных имущественных отношений. И сам же г. П. Струве признал, что *коренным противоречием,* указываемым марксовой теорией социального развития, является противоречие между производительными силами общества и его имущественными отношениями. Почему же он немедленно забывает об этом *коренном противоречии* и подменяет его второстепенным противоречием между теми хозяйственными явлениями, которые совершаются внутри данной экономической структуры, и правом, которому эта структура служит, по выражению Маркса, реальным базисом? Чем может оправдать он такую подмену?

Возьмите *кризисы,* на которые Маркс указывает, как на явление, служащее наиболее ярким подтверждением той мысли, что производительные силы буржуазного общества переросли свойственные ему *имущественные отношения,* или *его экономическую структуру,* и скажите, читатель, противоречит ли это хозяйственное явление *праву,* выросшему на почве буржуазных имущественных отношений, например, хоть *французскому кодексу 1804-го года?* Наивный и смешной вопрос! *Кризисы* так же мало противоречат *гражданскому праву* буржуазного общества, как *вексельный курс*— его *уголовному* праву. Не кризисы противоречат Code Civil, а производительные силы противоречат экономической структуре («имущественным отношениям»), *лежащей в основе этого кодекса.* Но что же означают эти слова: производительные силы буржуазного общества противоречат его экономической структуре, его имущественным отношениям? Они означают, что эти отношения препятствуют применению этих сил во всем их об'еме, и что когда эти силы получают широкое применение, они нарушают правильный ход народного хозяйства. Выходит стало быть, что чем более развиты производительные силы общества, тем опаснее становится для него их полное применение. И это противоречие не может быть устранено до тех пор, пока продолжают

---

[1]) «Совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, *реальный базис,* на котором возвышается юридическая и политическая надстройка (Zur Krifik etc., Vorwort; курсив наш).

существовать буржуазные имущественные отношения [1]). Для его устранения необходимо устранение *буржуазных* имущественных отношений и замена их *новыми,* имеющими совершенно другой характер. Такой смысл имеет указание Маркса. Приведенное им в пример хозяйственное явление указывает на узость тех рамок (тех имущественных отношений), в которых заключена хозяйственная жизнь буржуазного общества и которые легли в основу буржуазного права. А его «критик» обходит молчанием (точнее: совершенно забывает, раз упомянув о нем) как раз то самое противоречие, которое он считал коренной причиной общественных переворотов, и наивно замечает потом, что собственная теория Маркса,—будучи правильно понята, не оставляет места для общественного переворота, а предполагает «постоянную приспособленность права к хозяйству, как нормальную форму их сосуществования». В виду такой критики невольно вспоминаешь слова Крылова: *слона-то ты и не приметил.*

V.

Выходит, что в каком бы из двух возможных смыслов мы ни понимали слова г. П. Струве о том противоречии между *правом и хозяйством,* которое, по его словам, составляет теоретический центр марксовой теории общественного развития, мы все-таки должны признать, что он совершенно ошибочно *понимает* или совсем неверно *излагает* эту теорию. Но его ошибка так груба и так неожиданна, что мы еще раз спрашиваем себя: нет ли тут какого-нибудь недоразумения? И не был ли г. П. Струве введен в ошибку каким-нибудь выражением Маркса или Энгельса, неправильно им *понятым* или неправильно примененным самими основателями научного социализма?

Давайте вместе искать, читатель. Вы помните, вероятно, то место в знаменитой брошюре Энгельса «*Развитие научного социализма*», где говорится об основном противоречии нынешнего способа производства. Прежде, в средние века, *производитель* был также и *собственником* орудий труда и *присваивал* себе, за ничтожными исключениями, *лишь продукт своего соб-*

---

[1]) Здесь полезно оговориться. В последнее время многие г.г. «критики» (в их числе г. Туган-Барановский) указывали на то, что кризисы утратили теперь ту острую форму, какую они имели прежде, и что поэтому они уже не играют теперь той роли в развитии общественной жизни, которая не без основания приписывалась им Марксом. На это мы ответим вот что. Какова бы ни была теперь *форма* указанного Марксом явления, *сущность* его осталась неизменной. Это явление вызывается противоречием между производительными силами общества и его имущественными отношениями. Так называемые англичанами trade depressions *по форме очень* не похожи на кризисы в собственном смысле этого слова, но *по существу* они имеют совершенно то же значение. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться хотя бы, например, с выводами, к которым пришла английская королевская комиссия, назначенная для исследования причин застоя в торговле и промышленности «During the past 40 years,—читаем мы в записке, составленной некоторыми членами этой комиссии, разошедшимися во мнениях с ее большинством, during the past 40 years a great change has been wrought in the circumstances of all civilized communities by the application of mechanical and scientific aids to the production and transport of commodities, the world over... The great difficulty consists no longer as of old, in the scarcity and dearness of the necessaries and conveniences of life, but in the struggle for an adequate share of that employment which affords to the great bulk of the population their only means of obtaining a title to a sufficiency of those necessaries and conveniences, however plentiful and cheap they may be... The growing difficulty (the struggle for an adequate

ственного труда; в настоящее время собственник орудий труда, *капиталист,* продолжает присваивать в свою *частную собственность* продукты, производимые на фабрике соединенным, *общественным трудом* его рабочих. «Средства производства и продукты по существу своему стали общественными; но они были подчинены форме присвоения, основанной на частном, единичном производстве, свойственном тому времени, когда каждый владел своим собственным продуктом и сам выносил его на рынок». Отсюда противоречие между способом производства и способом присвоения: «новая форма производства подчинялась старой форме присвоения, несмотря на то, что совершенно разрушила ее основание». И это коренное противоречие заключает в себе зародыш всех противоречий нынешнего общества.

На первый раз «критическому» уму, цепляющемуся за слова и не проникающему до обозначаемого ими содержания, может показаться, пожалуй, что противоречие, указываемое здесь Энгельсом, и есть то противоречие между хозяйством и правом, о котором толкует г. П. Струве. Но достаточно самого небольшого усилия, чтобы понять, до какой степени это неверно.

Говоря об общественном производстве, противоречащем индивидуальному присвоению, Энгельс имеет в виду современную механическую мастерскую, в которой труд рабочих об'единяется в одно стройное целое и продукты которой являются поэтому плодами *общественного труда.* Но организация труда в современной механической мастерской определяется нынешним состоянием *техники* и характеризует собою *состояние производительных сил, а вовсе не хозяйственный порядок, нынешнего* (капиталистического) *общества,* который характеризуется прежде всего и, главным образом, свойственными ему *имущественными отношениями,* т.-е., следовательно, и принадлежностью механической мастерской не об'единенным в ней рабочим, а капиталисту, эксплоатирующему этих рабочих. Таким образом, и противоречие между *общественным* трудом на фабрике и *индивидуальным* присвоением этой фабрики есть уже хорошо знакомое нам противоречие между производительными силами капиталистического общества и его имущественными отношениями. Это очень хорошо раз'яснено у самого Энгельса. «Точно так же, как мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла

---

share of employment in presence of the abundance and cheapness of commodities) finds its expression in the system of tariffs, export bounties, and other commercial restrictions, adopted and maintained by all civilized nations except our own.» (Final Report of the Royal commission etc., p. LV; ср. также стр. LXIV). «Производительные силы цивилизованных обществ так развиты теперь, что людям, не имеющим другого товара, кроме своей рабочей силы, становится очень трудно найти себе *занятие, т.-е. продать эту силу* и тем приобрести средства для покупки приготовляемых теперь в изобилии дешевых *продуктов. Затруднение* порождается *избытком; бедность—богатством.* Это как раз то противоречие, на которое указывали Маркс и Энгельс, говоря о кризисах. Разница лишь в том, что, по мнению составителей цитированной нами записки, это противоречие возникло в последние 40 лет, а по мнению авторов «Манифеста»—ранее. И не подумайте, что большинство королевской комиссии отрицает существование этого противоречия. Нет, большинство выражает тот же взгляд на этот предмет, как и меньшинство; только оно выражается иначе: «The world's capacity of production,—говорит оно,—will naturally be in excess of its ordinary requirements» L. c. p. XVII—IV-a). Это совершенно равносильно той мысли, что trade depressions вызываются, как вызывались кризисы, несоответствием между потребительной способностью рынка и современными производительными силами. Но потребительная способность рынка ограничивается именно имущественными отношениями современного общества. Значит, мы опять сталкиваемся с коренным противоречием этого общества,—противоречием между его имущественными отношениями, с одной стороны, и его производительными силами—с другой.

пришли некогда в столкновение с феодальными путами цехов, крупная промышленность, на более высокой ступени своего развития, приходит в столкновение с узкими пределами, которыми ограничивает ее капиталистический способ производства. Новые производительные силы переросли буржуазные формы их эксплоатации».

Ясно, что и Энгельс имеет в виду вовсе не противоречие между «*правом*» и «*хозяйством*». А, кроме цитированной нами брошюры «Развитие научного социализма», мы не знаем решительно ни одного такого сочинения Маркса или Энгельса, которое давало бы *хотя бы чисто внешний, хотя бы только словесный повод* истолковать марксову теорию общественного развития в том смысле, в каком истолковал ее г. П. Струве.

Это мы говорим, имея в виду навязанное этим «критиком» Марксу «противоречие между правом и хозяйством» («например, капиталистическим хозяйственным порядком»). А что, скажем мы, если навязанное Марксу «противоречие» надо помнить в другом смысле,—именно в смысле противоречия между хозяйственными явлениями, понятие которых не покрывается понятием «хозяйство», и правовыми учреждениями данного общества? Не выйдет ли тогда, что г. П. Струве говорит то же, что и Фридрих Энгельс?

На первый взгляд и здесь может показаться, что—да; но и здесь при ближайшем рассмотрении дело принимает другой вид.

Организация труда в мастерской, несомненно, есть хозяйственное явление. Но это *хозяйственное явление* противоречит не праву, а другим *хозяйственным же явлениям,* именно тем имущественным отношениям буржуазного общества, которые составляют «реальный базис» буржуазного права. Отожествлять этот реальный базис с возвышающейся над ним «юридической надстройкой» значит излагать теорию кого-то другого, а не Карла Маркса, который сам же и установил различие между надстройкой (правом) и базисом (производственными отношениями). Мы хорошо понимаем, что Маркса гораздо легче было бы «критиковать», если бы он его не устанавливал [1]). Но что же прикажете? Ведь Маркс не обязан был искажать истину ради удобства «критиков»!

Как ни поворачивай дело, а все-таки надо признать, что г. П. Струве *страшно напутал,* и что чрезвычайно трудно, вернее—*совсем невозможно,* найти какие-нибудь правдоподобные обстоятельства, хоть немного смягчающие вину наделанной им путаницы, которая падает всецело на него самого, да разве еще на Штаммлера.

Г. П. Струве по своему обыкновению «критикует» этого писателя (без «критики» он обойтись не может); но он совсем не способен освободиться от его влияния.

---

[1]) У г. П. Струве сознание этого удобства наивно выражается словами: «Die von mir vorgetragene Ansicht schliesst sowohl den Marxschen als auch den Stammlerschen Begriff der «sozialen Revolution» aus. Die Anpassung des Rechtes an die Sozialwirthschaft hört keinen Augenblick auf und die Entwicklung der jeweiligen Gesellschaftsordnung ist es eben, welche diesen Rahmen umformt und aus weitet» (Ibid., S. 672, V). Вы правы, о „критик"! Гораздо лучше было бы, если бы ваша «Ansicht» совпадала с марксовой, а еще лучше и глаже было бы, если бы ваша Ansicht, не совпадающая с марксовой, соответствовала исторической действительности. Но, увы! Она не соответствует ей, а «*противоречит*».

О самом Штаммлере распространяться здесь было бы неуместно. Но нельзя не заметить мимоходом, что он ввел у нас в соблазн немалое число «марксистов» из ряда тех, которые были предварительно софистицированы и «притуплены» так называемой критической философией, столь любезной теперь сердцу всех, стремящихся к *«притуплению»* общественных противоречий.

VI.

Мы уже выше заметили, что, если бы сущность так называемого социального вопроса заключалась в несоответствии буржуазного права буржуазному хозяйству, то об исторической необходимости общественного переворота могли бы говорить только люди, страдающие буйным умопомешательством. При таком отрадном положении дел теоретики-юристы и толковые практики из мира деловой буржуазии без труда открывали бы, в каком именно месте башмак жмет,—по немецкому выражению,—ногу, и господам буржуа стоило бы только сердито поворчать и угрожающе нахмуриться, чтобы их парламентские представители немедленно придали башмаку новую форму. Но, спрашивается, пошло ли бы в этом случае естественное развитие по второй формуле г. П. Струве, которую мы назвали *формулой притупленного противоречия?*

Выше мы взяли для примера законодательство об акционерных обществах. Теперь мы возьмем ради удобства тот же пример. Скажите, читатель, какое отношение установится между общественной жизнью, требующей размножения акционерных обществ, и разрешительной системой, стесняющей такое размножение? Нам кажется, что между ними установится *противоречие,* которое будет *постоянно увеличиваться,* вплоть до той поры, когда разрешительная система исчезнет, уступив место *явочной* системе. Так ли это? Несомненно так. А если это так, то стало быть мы и здесь имеем дело с явлением, подтверждающим справедливость гегелевского афоризма: *противоречие ведет вперед.* А это новое умозаключение в свою очередь дает почувствовать весь комизм положения тех г. г. «критиков», которые любят порицать Гегеля и толковать о *«притуплении противоречий».*

Г. П. Струве возразит нам, может быть, что *обострение противоречия* между отжившею правовой нормой и новой общественной потребностью еще не ручается за *обострение борьбы* между защитниками старой нормы и ее противниками. Это будет справедливо. И мы охотно допускаем, что в незначительных случаях, подобных вышерассмотренному, обострение указанного противоречия может сопровождаться в иных случаях даже *ослаблением* общественной борьбы, т.-е. *притуплением* противоречия между борющимися. Хотя надо заметить, что это не более, как предположение, которое надо еще доказать и которое мы принимаем просто из любезности по отношению к г. П. Струве. Но может ли это быть там, где речь идет не о мелочах, подобных законодательству об акционерных обществах, а о великих общественных переворотах, затрагивающих коренную *основу* права: *экономическую структуру, имущественные* отношения? На этот вопрос неподкрашенная историческая действительность отвечает решительным *отрицанием.* Мы не знаем хорошенько, как совершалось развитие в Китае в течение длинного,

Уч. Биб-ка Высшая Шко... Пропагандистов при ЦК ВКП (б) № 9713-6
Уч. б-ка ВНСХУ им. Свердлова № 1629/3

до сих пор еще не законченного периода его упадка; но мы твердо знаем, что в прогрессирующих обществах рост противоречий между новыми общественными потребностями и старым общественным строем сопровождается обыкновенно обострением борьбы между новаторами и консерваторами. Именно к таким (идущим *«вперед»)* обществам целиком применимо то, что говорит *о борьбе за право* Иеринг в своей знаменитой брошюре. «Всякое право приобретено путем борьбы; каждое важное правовое положение должно быть вырвано у тех, которые ему противились»... «С существующим правом срастаются мало-по-малу интересы тысяч людей и целых сословий, так что его нельзя устранить, не нанося им чувствительного ущерба. Поднять вопрос об устранении данного узаконения или данного учреждения—значит об'явить войну всем этим интересам. Каждая подобная попытка естественно вызывает, поэтому действием инстинкта самосохранения сильное сопротивление со стороны затронутых интересов, а тем самым и борьбу.... Высочайшей степени интенсивности достигает эта борьба тогда, когда интересы складываются в виде приобретенных прав... Все великие завоевания, на какие только может указать история права: уничтожение рабства, крепостничества, свобода поземельной собственности, свобода ремесла, свобода совести, и т. д., все они сделаны были посредством жесточайшей борьбы, длившейся часто целые столетия, и путь, которым шло право в своем развитии, нередко обозначается потоками крови и везде усеян обломками разбитых правовых учреждений» [1]).

Если такой ход общественного развития называется развитием посредством *притупления противоречий,* то мы, право, уже не знаем, что следует назвать их *обострением.*

В пояснение и защиту своей второй формулы г. П. Струве приводит два примера, которые оба имеют, однако, то едва ли удобное для него свойство, что «противоречат» ему самым решительным образом.

Первый пример. «Положим, что вследствие развития промышленности возникает практически-экономическое (praktisch-wirthschaftliche) рабочее движение. Издается или делается более строгим закон, запрещающий стачки и коалиции. Растет репрессия, а с нею и противоположность. Но в дальнейшем своем развитии рабочее движение перерастает репрессию, оружие которой притупляется, и в заключение законы, направленные против рабочего движения, отменяются. Здесь мы имеем случай, в котором противоречие сначала растет, а потом ослабляется, и в заключение одна из партий побеждает» [2]).

Когда одна из партий *«побеждает»,* тогда противоречие не только не растет, но совсем уничтожается. Это понятно само собою. Весь вопрос в том, *ослабляется или,* напротив, *растет* противоречие в период, непосредственно предшествующий победе одной из борющихся сторон. А на этот вопрос сам г. П. Струве отвечает отрицательно: в его собственном примере «противоположность или сопротивление» *увеличивается* до тех пор, пока репрессия не оказывается бессильной, т.-е. пока рабочие не победят. Правда, в его примере отмене закона предшествует тот период, когда «оружие репрессии притупляется». Но существование этого периода есть *простое предположе-*

---

[1]) Der Kampf um's Recht, 13 Auflage, S.S. 6—7—8.

[2]) Archiv, XIV B., 5 und 6 Heft, S. 675.

ние. Скажет ли г. П. Струве, что это предположение вполне соответствует исторической действительности? Если он скажет это, то мы ответим ему, что именно история законов, направленных против рабочих коалиций, говорит *против* его предположения. В самом деле, разве, например, в Англии,—этой классической стране компромисса,—отмене законов против коалиций предшествовало менее строгое их применение? Вовсе нет! Накануне их отмены дело обстояло совсем иначе. По словам Гоуэлля, недовольство этими законами постоянно росло, вызывая новые репрессивные меры, и когда законодательство, направленное против коалиций в собственном смысле, оказалось слишком слабой преградой для растущего потока рабочего движения, правительство постаралось *отточить свое оружие,* обратившись к другим законам, вроде Sedition Acts, законов, карающих государственную измену и т. п. С своей стороны, рабочие раздражались все более и более, пока, наконец, их волнения и исходившие из их среды аттентанты не вынудили правительство отменить ненавистные законы [1]).

Совершенно тоже узнаем мы от супругов Уэббов и от Кулемана, который, впрочем, лишь повторяет в этом случае то, что говорят супруги Уэббы [2]).

Второй пример, приводимый нашим «критиком», не доказательнее первого. В этом примере мы имеем дело с известным немецким «*исключительным законом 1878 г.*». Г. П. Струве указывает на то, что этот закон, по мере роста рабочего движения, применяется все слабее, а, наконец, был и совсем отменен. «Что это: увеличение, или скорее ослабление сопротивлений?»—спрашивает наш «критик».

На этот вопрос мы ответим вопросом: *о каких сопротивлениях* (Wiederstände) он говорит? Если о сопротивлении имперского правительства стремлениям рабочей партии—с одной стороны и о сопротивлении рабочей партии стремлениям имперского правительства—с другой, то менее суровое применение, а затем и отмена названного закона вовсе не означала ослабления *этих* «сопротивлений», как это прекрасно понимают и рабочая партия, и имперское правительство. Менее суровое применение исключительного закона означало только то, что правительство убедилось в его *нецелесообразности,* а его нецелесообразность обусловливалась тем, что рабочая партия научилась избегать сетей исключительного закона. Ставший нецелесообразным, исключительный закон не только не ослаблял неудовольствия рабочей массы, но *увеличивал* его, раздражая эту массу нестерпимой *полицейской*

---

[1]) Le passé et l'avenir des Trade-Unions par Georges Howell, traduction par Ch. Le Cour Grandmaison, Paris, 1892, p. p 40 et 45.

[2]) *Уэббы*: «The common law and ancient statutes were ruthlessly used to supplement in Comlination Acts, often by strained constructions. The scotch judges in particular... applied the criminal psesedure of Scotland to cases of simple combination... The whole system ofrepression which had characterised the statesmanship of the Regency a in period this in culminated tiranny not exceeded by any of the monarchs of the monarchs of the «Holy Alliance». (History of Trade Unionism, London, 1894, p. p. 84—85). *Кулеман*: „Erschwert wurde die Lage für die Arbeiter noch durch die nanc die Frieden von 1815 Verbindung mit dem niedrigen Stande der Preise einsetzende ausse sordentliche Herabdrückung des Löhne. Es ist deshalb begreiflich, dass sich überall Geheimbunde bildeten und Verschwosungen stattfanden, die mit blutigen Verfolgungen endeten» (Die Gewerkschaftsbewegung Jena, 1900, B. 3—3). VI). Нечего сказать, замечательное „притупление"!

«волокитой». Видя, что результаты получаются как раз обратные тем, которых оно ожидало, германское имперское правительство сочло невыгодным и неудобным дальнейшее строгое применение и даже существование этого закона. Он был отменен. И если мы восстановим теперь в памяти его историю, то она покажет нам, *как отменяются законы, ставшие нецелесообразными, а вовсе не как «притупляются» общественные противоречия.*

Нет, что ни говорите, а неподкрашенная история служит плохим свидетельством в пользу второй формулы г. П. Струве. И если, тем не менее, он все-таки «критикует» людей, признающих правильность Гегелева замечания насчет ведущего вперед противоречия, то он, очевидно, имеет на это серьезную причину. Какая же это причина?

Он сам отвечает на этот вопрос с откровенностью, заслуживающею величайшей похвалы.

«Я уже оттенил,—говорит он,—то обстоятельство, что если социальное развитие совершается по формуле возрастания противоположностей, то «общественный переворот» необходимо должен представляться в виде политического переворота. Но это представление, лежащее в основе знаменитого учения о диктатуре пролетариата, падает вместе с диалектическим ходом развития» [1]).

Вот оно что! Все дело тут, как видите, в *политическом перевороте* и в диктатуре пролетариата. Так и запишем!

Настоятельная психологическая потребность подорвать теоретическую основу знаменитого учения о диктатуре пролетариата и о «политическом перевороте», необходимом для социального освобождения этого класса, вынудила критика П. Струве, на заре двадцатого столетия, обосновать свои возражения против «ортодоксального» марксизма на более чем недостаточных посылках.

Под влиянием этой настоятельной психологической потребности г. П. Струве приписал марксовой теории общественного развития совсем не то содержание, какое она имеет в действительности, и эта его «коренная» погрешность естественно повела за собою ряд других, более или менее важных. В голове нашего «критика» неправильное понимание им марксовой теории отразилось в виде *«неясности»* самой теории. Так, он заметил, как мы узнаем, неясность, заключающуюся будто бы в том, что в этой теории производительные силы общества и его отношения производства являются, как своего рода сущности или «вещи». Г. «критик» думает, что только благодаря такой неясности можно говорить о противоречии всех, вместе взятых, производительных сил всем, целиком взятым, отношениям производства и представлять себе социальную революцию, как коллизию между этими силами и этими отношениями. Мы узнали также от г. П. Струве, что социально-политическое миросозерцание Маркса страдало еще другою неясностью: он, с одной стороны, придерживался того взгляда на развитие общества путем усиления противоречий, который защищают теперь его «ортодоксальные» ученики, а с другой—склонялся и к тому взгляду на это развитие, вокруг которого «вращается» теперь «социальная» политика г. П. Струве и который выражается формулой притупленного противоречия; и при этом автор «Капитала» не замечал несовместимости таких взглядов.

Разберем первую *«неясность»*.

---

[1]) Ibid. S. 674.

В современной механической мастерской, т.-е. на фабрике, труд работающих там *пролетариев* принимает характер *общественного труда*, между тем как сама фабрика принадлежит *отдельному лицу* или *отдельным лицам*. Организация труда на фабрике противоречит общественным отношениям производства и именно *имущественным отношениям* современного общества. Но что же такое сама фабрика? Поскольку она представляет собою совокупность усовершенствованных орудий труда, она является составным элементом того, что мы называем *общественными производительными силами*. А поскольку совокупность усовершенствованных *орудий* труда обусловливает собою известную его *организацию*, то-есть известные *отношения между производителями*, фабрика есть *общественное отношение производства* [1]). И если это отношение начинает противоречить имущественным отношениям капиталистического общества, если *фабрика перестает уживаться с капиталом*, то это значит, что *некоторая часть* общественных отношений производства перестает соответствовать другой их части, и что фраза «производительные силы общества противоречат его имущественным отношениям» должна быть понимаема именно в этом эволюционном смысле, устраняющем всякую возможность представления названных сил и указанных отношений в виде каких-то самостоятельных сущностей. В виду этого, действительно становится невозможным говорить о противоречии производительных сил «всем, *целиком взятым*» *отношениям производства. Но кто же говорит* об этом, кроме нашего «критика»? Во всяком случае, не Карл Маркс, и не Фридрих Энгельс [2]).

Заметьте, что г. П. Струве, все время толковавший о противоречии между правом и хозяйством, вдруг сам вспомнил, однако, что не это противоречие составляет, по марксовой теории, главную пружину общественного развития, и заговорил о противоречии производительных сил общественным отношениям производства. Mieux vaut tard que jamais! С другой стороны, возвращение к истинному теоретическому центру марксовой теории было бы действительно хорошо только в том случае, если бы г. П. Струве потрудился *понять* слова Маркса, прежде, чем приступать к их «критике». Но *понять-то* он и не счел нужным.

Г. П. Струве незаметно для себя переходит от одного неправильного понимания теории Маркса к другому, столь же неправильному ее пониманию, при чем он не замечает «*несовместимости*» этих двух неправильных способов понимания. Но в голове его все-таки шевелится подчас смутное сознание

---

[1]) „Машины так же мало составляют экономическую категорию, как и быки, которые тащат плуг. Это производительная сила, не больше. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория" (*„Нищета философии"*, стр. 107).

[2]) Здесь нужно, однако, обратить внимание читателя на следующую особенность терминологии только что названных писателей. Когда речь идет у них об основном противоречии, толкающем вперед общественное развитие, тогда слова *отношения производства* употребляются ими в более узком смысле *имущественных отношений*. Пример: приведенная нами в одном из предыдущих замечаний цитата из предисловия к „Zur Kritik", где говорится, что новые отношеня производства не заменяют места старых раньше, чем выработаются материальные условия их существования. Под материальными условиями существования новых отношений производства (имущественных отношений) здесь понимаются также и те непосредственные отношения производителей в процессе производства (например организации труда на фабрике и мануфактуре), которые в более широком смысле тоже должны быть названы *отношениями производства*. Это обстоятельство могло, пожалуй, сбить с толку поверхностного „критика".

того, что дело обстоит как-то не совсем ладно. Тогда он для успокоения своей собственной теоретической совести, и чтобы предупредить возражения со стороны читателей валит с больной головы на здоровую и обвиняет Маркса в той самой «неясности» и в том самом совмещении несовместимых понятий, которые составляют главную отличительную черту его собственной «критики». Такой критический прием удовлетворит, конечно, далеко не всякого читателя; но он, как видно, вполне удовлетворяет самого г. П. Струве. И то хорошо!

Заметьте еще вот какое обстоятельство.

Г. П. Струве только что упрекал Маркса в том, что по его теории все, *вместе взятые,* производительные силы вступают в противоречия со всеми, *целиком взятыми* общественными отношениями производства. А что слышали мы от него несколько выше? Мы слышали: «Ибо подумайте... производственные отношения, становящиеся все более и более социалистическими, порождают правовой порядок, становящийся все более и более капиталистическим. Воздействие экономии на право не только не порождает никакого взаимного приспособления между ними, но все более усиливает существующее между ними противоречие». Так должен был представляться,—по тогдашним словам г. П. Струве,—ход общественного развития тем марксистам, которые признают диалектический закон развития. Но Маркс сам признавал этот закон. Стало быть и он должен был иметь такое же представление о ходе общественного развития. Но *это* представление совсем не похоже на только что рассмотренное: *там* (в представлении, только что рассмотренном нами) производительные силы все более противоречат производственным отношениям, которые, очевидно, играют роль *консервативного элемента; здесь* этот *консервативный* элемент превращается в *прогрессивный:* производственные отношения все более и более становятся *социалистическими,* и противоречие существует не между отсталыми производственными отношениями и ушедшими вперед производительными силами, а между ушедшими вперед производственными отношениями и отсталым правовым порядком (который все более «становится капиталистическим»). И все это будто бы *по Марксу!* Что же это за... путаница? Г. П. Струве твердит свое: я не виноват; это все напутал Карл Маркс, придерживающийся двух несовместимых взглядов! Но теперь мы уже понимаем смысл этой отговорки. Мы уже знаем теперь, что путает здесь не Маркс, а его «критик», и мы без труда открываем, где и в чем именно запутался этот последний.

Г. П. Струве, упрекавший Маркса в том, что у него все вместе взятые производительные силы противоречат всем вместе взятым общественным отношениям производства, чувствовал вместе с тем, что этот упрек совсем не основателен и что у Маркса развитие производительных сил сопровождается также *изменением взаимных отношений производителей в процессе производства.* Но он не знал, *какие именно отношения производства* изменяются параллельно развитию производительных сил и какие отстают от этого развития, обусловливая своею отсталостью необходимость радикального общественного переворота, социальной революции. А не зная этого, он употребил тот самый грубый прием, который он приписывает Марксу: он взял *«целиком»* все общественные отношения производства и об'явил, что Маркс и марксисты думают, будто эти отношения все более и более делаются *социалистическими,* между тем как правовой порядок все более пропитывается духом *капитализма.* Маркс и «ортодоксальные»

марксисты никогда, разумеется, этого не утверждали; но приписанная им «коренная» несообразность, прямо *«противоречащая»* другой «коренной» несообразности, приписанной им тем же «критиком» в другом месте, чрезвычайно хорошо характеризует царствующий в голове г. П. Струве хаос представлений о марксовой теории социального развития!

VII.

Царствию этого хаоса несть конца. Мы неспособны изобразить его во всей его славе: для этого нужна была бы лира старого Державина. Но для полноты характеристики мы укажем на одну *«неясность»*.

По словам г. П. Струве, в марксовой теории понятие: *совокупность производственных отношений данного общества* покрывается понятием: совокупность конкретных правовых отношений. Чтобы читатель мог судить, так ли это, мы приведем два—три примера.

Первый пример. Взаимные отношения производителей в современной механической мастерской представляют собою, как мы видели, общественное отношение производства. Но эти их взаимные отношения в процессе производства не составляют никакого правового отношения между ними. Правовое отношение существует между ними и их нанимателем. Но это уже совсем «из другой оперы».

Второй пример. Стоимость есть (по Марксу) общественное отношение производства. Но понятие о стоимости совсем не покрывается понятием о правовых отношениях людей, вступающих в меновые сделки друг с другом.

Третий пример. Конкуренция есть производственное отношение, свойственное буржуазному обществу. Она дает повод к возникновению многих правовых отношений. Но понятие о ней вовсе не покрывается понятием об этих правовых отношениях.

Четвертый пример. Капитал... Но довольно! Читатель и сам видит, что г. П. Струве паки и паки страшно путает. А мы прибавим от себя разве лишь то, что в этом случае наш «критик» был вовлечен в свою странную ошибку Штаммлером, от влияния которого он не мог уберечься.

Возвращаемся к центральному пункту позиции нашего «критика»: к его рассуждениям о различных формулах общественного развития.

Мы сказали сначала, что ни один «ортодоксальный» марксист не согласится признать правильною его первую формулу. Потом, критикуя г. П. Струве, мы настаивали на том, что общественное развитие совершается путем *обострения* противоречий, а не путем их *притупления*. Иной читатель принял это, пожалуй, за признание правильности той самой формулы, которую мы же об'явили ошибочной. Вот почему мы находим нужным об'ясниться, напоминая при этом читателю, что сам Маркс был не охотник до «формул» и едко смеялся в своей *«Нищете философии»* над Прудоном за его пристрастие к ним.

Читатель не забыл сочиненной г. П .Струве «формулы противоречия».

A	B
2A	2B
3A	3B
4A	4B
5A	5B

6A	6B
...	...
nA	nB

Откуда взялось это *A*? Откуда взялось *B*? Служит ли *A* причиной существования *B*? Служит ли *B* причиной существования *A*? Все это «покрыто мраком неизвестности». От г. П. Струве мы узнаем только, что между *A* и *B* существует *взаимодействие*. Но его формула не выражает даже и взаимодействия: она только указывает, что *B растет прямо пропорционально росту A*. Г. П. Струве удовольствовался этим указанием, полагая, что формула, выражающая отношение роста *B* к росту *A*, с достаточной полнотой изображает взгляд «ортодоксальных» марксистов на ход общественного развития. «Каждое из двух явлений *A* и *B* растет путем накопления однородных элементов,—говорит он.—Одновременно с этим и благодаря этому растет также и существующее между ними противоречие, которое и устраняется, наконец, победой сильнейшего явления: *nA* уничтожает *nB*».

Но если *nA* уничтожает *nB*, то этот окончательный результат «взаимодействия» между двумя явлениями тоже должен был бы найти свое выражение в первой формуле г. П. Струве. Между тем, она этого результата не выражает; ее последний член:

$$nA \qquad nB$$

указывает только на то, что *B* растет прямо пропорционально росту *A*, а вовсе не на то, что рост *A* приводит к уничтожению *B*. Стало быть формула г. П. Струве должна быть прежде всего исправлена так:

A	B
2A	2B
3A	3B
....	....
nA	nB
n [вернее: (n+x)]A	oB

Теперь пойдем дальше и посмотрим, соответствует ли эта, несколько исправленная, формула ходу социального развития там, где он совершается путем *обострения* противоречий.

Возьмем для примера то коренное изменение общественного строя, которое имело место во Франции в конце XVIII века, и которое известно в истории под именем Великой Французской Революции.

Это *коренное изменение* окончательно уничтожило «старый порядок» и положило начало полному и непосредственному господству буржуазии. Но оно было подготовлено длинным, многовековым процессом *социальной эволюции*. Борьба третьего сословия с духовной и светской аристократией началась уже в XIII веке и, принимая самые различные виды, не прекращалась вплоть до 1789 года [1]). Буржуазия, вступившая в этом году в генеральное сражение со своими историческими врагами, была создана,—по справедливому

---

[1]) Elle (la Revolution) a pris, il est vrais, le monde à l'improviste, et, cependant elle n'était que le complement du plus long travail, la terminaison soudaine et violente d'une oeuvre qui avait passé sous les yeux de dix générations d'hommes». A. de Tocqueville, l'Ancien Regime et la Revolution. 2-me édition, Paris, 1856, p .55. VII.

замечанию Маркса, Энгельса,—длинным рядом переворотов в способах производства и обмена. Каждой ступени роста ее *экономического* могущества соответствовали известные *политические* (т.-е. стало быть *правовые*) завоевания. Чрезвычайно сильно ошибся бы тот, кто подумал бы, что феодальный порядок оставался неизменным от начала до конца своего существования. Победы, которые одерживала стремившаяся вперед буржуазия, постоянно видоизменяли феодальный общественный строй, беспрестанно внося в него те или другие, более или менее значительные *реформы*. Казалось бы, что эти реформы должны были «*притуплять*» противоречия, существовавшие в недрах феодального общества, и тем подготовлять мирное, постепенное, почти незаметное торжество нового порядка. На деле вышло, как известно, иначе. Реформы, которых удавалось добиться буржуазии, не только не «*притупляли*» противоречий между ее новаторскими стремлениями и старым общественным порядком, но, совершенно наоборот, давая новый толчок росту ее сил, они еще более развивали эти стремления и тем еще более *обостряли* это противоречие, постепенно подготовляя ту общественную бурю, с началом которой речь пошла уже не о *реформе*, а о *революции*, не о *преобразованиях внутри старого* порядка, а о *полном его устранении* [1]). Вот почему ненависть третьего сословия к старому порядку была накануне революции несравненно сильнее, чем когда бы то ни было прежде [2]). По замечанию Токвилля, предшествовавшее разрушение части феодальных учреждений сделало во сто раз ненавистнее ту часть их, которая еще оставалась [3]). Это замечание справедливо в той мере, в какой оно содержит в себе ту истину, что уступки, делаемые *старым новому*, совсем не «*притупляют*» того противоречия, которое существует между *новым* и *старым*. Но оно неверно, поскольку Токвилль хочет сказать, что накануне революции феодальный гнет был во Франции гораздо слабее, чем когда-либо прежде. Отмена *некоторой части* феодальных учреждений еще не означала *ослабления* феодального гнета: быстрое развитие новых общественных потребностей могло сделать—и, как видим, действительно сделало—*уцелевшую часть* более вредною для общественного движения, а потому и более гнетущею, более ненавистною, чем была некогда вся, целиком взятая, феодальная система [4]). К тому же и при старом порядке были (да простит мне читатель этот галлицизм) учреждения и учреждения. Сам Токвилль признает, что во Франции, с течением времени, привиллегии, отделявшие дворянина от буржуа, *не умень-*

---

[1]) «D'époque en époque la législation a été amenée ainti à toucher aux attributs seigneuriaux. Cela s'est vu partout, et partout il a sonné une heure où il ne s'est pas agi d'y porter la réforme uniquement, de les déplacer ou de les restreindre, mais de les faire disparaitre sanc retour». (Henry Doniol, La Révolution Française et la Féodalité. Seconde édition, Paris 1876, p. 6. VIII).

[2]) «C'est pourquoi ce siècle avait tant de répulsion vis-á-vis de la féodalité et des droits seigneuriaux". Doniol, там же, та же страница IX).

[3]) L. c., p. 72.

[4]) Это тем более верно, что было время, когда феодальная система не *задерживала* общественного движения, а, наоборот, *содействовала* ему. Фюстель де-Куланж справедливо замечает, говоря о феодальных замках: «Dix siècles plus tard les hommes n'avaient que haine pour ces forteresses seigneuriales. Au moment où elles s'elevérent, ils ne sentirent qu'amour et reconnaissance. Elles d'étaient pas faite contre eux, mais pour eux" (Histoire des institutions politiques ne l'Ancienne France, tome IV, 682—683). То же можно сказать и о всей организации земледелия и промышленности X).

шались, а увеличивались [1]). По его собственным словам, человеку среднего сословия было легче сделаться дворянином в царствование Людовика XIV, чем при Людовике XVI. И он же говорит, что вообще французское дворянство тем более превращалось в *касту*, чем более оно переставало быть *аристократией* [2]). И все это вполне подтверждают другие историки. Так, Дониоль указывает, что накануне революции все жаловались именно на увеличение феодального гнета. «Каждая местность жалуется на значительное увеличение (феодальных притеснений) и старается подтвердить свою жалобу фактами [3]). Альфред Рамбо столь же категорически высказывает ту мысль, что реформы, вырванные буржуазией у аристократии, не ослабили стеснительности старого порядка. «Между тем, как старый порядок пытался устранить некоторые свои недостатки,—говорит этот исследователь,—он как будто умышленно увеличивал все остальные. Это (т.-е. время, непосредственно предшествовавшее революции) была именно эпоха, когда эдикты 1779, 1781 и 1788 годов закрыли лицам, происходящим из третьего сословия (roturiers), доступ к офицерским чинам в армии; когда двор, не смея издать особый эдикт по этому поводу, решает, однако, руководиться на будущее время тем правилом, что «доходы со всех принадлежащих духовенству имуществ, начиная самыми скромными настоятельствами и кончая самыми богатыми аббатствами, будут доставаться лицам дворянского происхождения»; когда парламенты отказывались принимать в свою среду лиц, не могущих доказать, что они в своей родословной имеют уже два поколения дворян, и когда бордоский парламент в продолжение двух лет отказывался признать своим президентом советника Дюпати. Так как высшие судебные учреждения были в руках дворян, то люди среднего сословия и сельские общества теряли все процессы, которые им случалось начинать против притязаний *господ;* это повело к усилению *феодализма* в деревнях. Королевское правительство поощряет преследования, начинаемые землевладельцами и их уполномоченными против крестьян. В некоторых своих наказах 1789 года третье сословие требует, чтобы парламенты были наполовину составлены из не-дворян: им пришлось, таким образом, добиваться гарантий, которых добивались еще гугеноты в царствование Генриха IV. Повсюду проникающий дух реакции сказывается, как в постановлении парижского парламента, осудившего на сожжение книгу Бонсерфа о феодальных правах (1776 г.), так и в запрещении употреблять косы при уборке хлеба, или в распоряжении 1784 года, согласно которому длина платков, выделываемых во французском королевстве, должна была равняться их ширине. Наконец, сама королевская власть, лишая парламенты всякого права контроля над законодательством и финансами, и силой разгоняя эти собрания в 1788 году, стремилась установить то, что прежде никогда не существовало во Франции—режим безграничного произвола. «Она становилась деспотичнее правительства Людовика XIV в то самое время, когда делалось очевидным для всех, что оно неспособно употребить свою власть на общую пользу» [4]).

---

[1]) Ibid. pp. 143, 154, 155, 156.

[2]) Jbid. pp. 156 et 157.

[3]) La Révolution Française et la Féodalité, p. 44; ср. также стр. 42: „Qui plus est, tout cela est signalé pour avoir pris récemmenf une intensité nouvelle“ XI).

[4]) „Histoire de la civilisation française, sixiéme édition, tome second, pp. 599—60 . Рамбо совершенно соглашается с мнением цитируемого им Chérest, который говорит: „Наши политические учреждения имели ту странную судьбу

В противоположность только что цитированным нами французским исследователям, русский ученый М. М. Ковалевский решительно порицает употребление термина *феодализм* в применении к социально-экономической структуре Франции XVIII века. «Ничто не дает более ложного представления об экономических и социальных порядках Франции,—говорит он,—как окрещивание их именем феодальных. Этот термин применим к ним так же мало, как, например, к русской поместной системе накануне 1861 года» [1]). Но достаточно прочитать ту самую главу (вторую первого тома), из которой мы заимствуем приводимые нами строки, чтобы видеть, до какой степени французское земледелие и французский земледельческий класс страдали от *выживания* тех порядков, которые сам г. М. Ковалевский называет *феодальными*. Кроме того, г. М. Ковалевский,—в полном согласии с цитированными нами французскими историками, — отмечает, что накануне революции, как само дворянство, так и королевская власть всеми силами старались поддержать уцелевшие феодальные учреждения и усилить их *практическое* значение. «Двадцатипятилетие, предшествовавшее революции, — пишет он, — представляет нам ряд попыток восстановить вышедшие из употребления повинности и платежи» [2]). И он же,—снова в полном согласии с Токвиллем и Дониолем,—говорит, что французское правительство того времени искусственно поддерживало своим законодательством кастовый дух и сословную исключительность [3]).

Одним словом, книга русского исследователя, подобно сочинениям его иностранных предшественников, свидетельствует о том, что эпоха, непосредственно предшествовавшая Великой Французской Революции, ознаменовалась вовсе *не притуплением,* а, наоборот, *очень сильным обострением противоречий* между старым порядком и новыми общественными нуждами. Но, как г. М. Ковалевский, так и французские историки показывают, что *это* обострение противоречий само было сложным результатом длинного исторического процесса, в течение которого старый порядок все более и более расшатывался, а его защитники теряли одну позицию за другою. Из этой неоспоримой исторической истины следует, во-первых, что победы, одерживаемые новаторами над консерваторами и ведущие к *реформам, не исключают переворота, но, напротив, ускоряют его приближение,* вызывая у консерваторов естественные в таких случаях реакционные порывы, а у новаторов—жажду новых побед и новых завоеваний. И если бы мы захотели изобразить в одной формуле этот исторический процесс, в котором *переворот является одним из моментов развития* и подготовляется *реформами* [4]),

---

что они не улучшались после Генриха IV; вместо того, чтобы прогрессировать вместе с течением времени и прогрессом идей и нравов, они шли назад вопреки нравам идеям и времени... Правительство старого порядка стало (накануне 1789 года) более несовершенно и более враждебно стремлениям образованных классов, чем оно было в средние века.

[1]) „Происхождение современной демократии" том I стр. 59.

[2]) L. c., стр. 124—125.

[3]) Ibid стр, 49.

[4]) Г. П. Струве говорит: „Somit blieb es unserer Zeit vorbehalten, hinter den sozialen Reformen Fallstricke des Opportunismus zu wittern" (Ibid., S. 679 XII). Он относит эти слова к „ортодоксальным" марксистам. На основании сказанного нами в тексте, читатель видит, что, по крайней мере, по отношению к нам его упрек лишен всякого основания, а, между тем, мы ведь принадлежим, по его мнению, к числу ортодоксальнейших из ортодоксальных.

то нам понадобилось бы нечто гораздо более сложное, нежели предлагаемая г. П. Струве «формула противоречия». Мы не знаем формулы, способной дать сколько-нибудь удовлетворительное выражение этому многостороннему процессу. Но, на основании всего сказанного нами о ходе борьбы третьего сословия со старым порядком, мы можем все-таки указать на необходимость существенных поправок в первой формуле г. П. Струве.

Если длинный исторический процесс развития элементов нового общества знаменуется победами новаторов и поражениями консерваторов, то названная формула непременно должна ясно и определенно указывать на это чрезвычайно важное обстоятельство. А между тем мы не находим в ней даже и намека на него. Она говорит, напротив, о том что рост *A* неизменно сопровождается прямо-пропорциональным ростом *B*, вплоть до того момента, когда *nA* уничтожают *nB*. Чтобы выражать истинный ход дела, она должна быть изменена, во-первых, так:

A	nB
2A	(n—1)B
3A	(n—2)B
...	...
nA	B
mA	$^1/_2$B

Здесь первый ряд выражал бы постоянное развитие новых общественных потребностей, а второй—не менее постоянные переделки старого порядка, уступки, вырываемые новаторами у консерваторов. Но так как эти уступки не исключают, как мы уже знаем, *обострения противоречия* между новым и старым, то к имеющимся у нас *двум рядам* необходимо прибавить *третий,* выражающий *результат взаимодействия между* постоянно растущим *A* и *(в общем,* т.-е. несмотря на временные успехи реакционеров) столь же постоянно убывающим *B*. Прибавляя этот третий ряд, мы получаем:

A	nB	C
2A	(n—1)B	2C
3A	(n—2)B	3C
...	...	...
nA	B	nC
mA	$^1/_2$B	mC

Как ни далека эта новая формула от *идеала,* т.-е. от того, чтобы давать полное выражение действительного хода развития путем обострения противоречий, она все-таки гораздо ближе к действительности, чем первая формула г. П. Струве. Ее преимущество заключается в том, что она чужда *односторонности* и что в ней, как и в действительной жизни, реформы не исключают переворота. Она показывает, напротив, что возможность переворота не только не исключается, но создается реформами: то, что близорукий или предубежденный взгляд может, пожалуй, принять за «*притупление*» противоречий, на самом деле является источником их *обострения.*

VIII.

Повторяем, по нашему мнению, действительный ход исторического развития человеческих обществ не может быть выражен с надлежащей полнотою одной какой-нибудь «формулой». Но именно по этой причине полезно будет, пожалуй, сделать еще одну попытку схематического выражения этого хода.

Просим читателя обратить внимание на нижеследующую выписку, за длинноту которой мы наперед приносим ему самое искреннее извинение.

«Медленно и лишь путем тяжелой борьбы развивается господствующий порядок, под властью которого живут и работают люди. После долгой ломки, частых возвращений к старому, неверных попыток и усиленных стремлений вперед,—удается в конце концов установить такой порядок, который на основании опыта прошлого соответствовал бы потребностям настоящего и под охраной которого индивидуальные силы наивозможно продуктивнее могли бы развиваться ко благу общества. Но, как только устанавливается подобное благоприятное положение, тотчас выступают на сцену новые потребности, не предусмотренные ранее. Возникает стремление видоизменить существующее и постепенно переделать его. В противовес этому стремлению, развивается, с другой стороны, одностороннее старание сохранить в полном об'еме старое положение вещей. За те формы, которые были установлены в видах общественной пользы, упрямо цепляются под конец частные, эгоистические интересы. В конце концов, сохранения старых форм без изменения требуют только мнимые интересы, не понимая того значения, которое эти формы когда-то имели. И в заключение часто остается одна голая форма, совершенно неспособная к жизни, рядом с которой новая, свежая жизнь выливается в совершенно иные формы, пока, наконец, в один прекрасный день старая форма не разрушается окончательно даже и во внешних своих проявлениях» [1]).

Здесь мы имеем перед собой тоже нечто вроде формулы общественного развития, правильности которой не станет, надеемся, отрицать самый неугомонный «критик»; данные *общественные нужды* порождают данные *формы общежития,* необходимые для дальнейшего поступательного движения общества. Но это дальнейшее поступательное движение, ставшее возможным благодаря данным формам общежития, порождает *новые общественные нужды,* которым уже не соответствуют *старые формы общежития,* созданные *прежними нуждами.* Таким образом, возникает *противоречие,* которое все более и более растет под влиянием продолжающегося общественного движения и приводит, наконец, к тому, что старые формы общежития, некогда созданные насущными нуждами общества, утрачивают всякое общеполезное содержание. Тогда они отменяются, после более или менее продолжительной борьбы, и заменяются *новыми.*

Эта (об'ективная) «формула прогресса» выражает, как видит читатель, взаимное отношение («взаимодействие») между *содержанием* и *формой.* Содержание, это — *общественные потребности,* требующие удовлетворения; форма—это *общественные учреждения.* Содержание родит форму и тем обеспечивает себе дальнейшее развитие. Но дальнейшее развитие делает неудо-

---

[1]) Адольф Гельд—„Развитие крупной промышленности в Англии", стр. 19.

влетворительной его форму; возникает противоречие; противоречие ведет к борьбе; борьба—к уничтожению *старой* формы и к замене ее *новой,* которая в свою очередь обеспечивает дальнейшее развитие содержания, которое делает ее неудовлетворительной и т. д., и т. д., до тех пор, пока не остановится развитие. Это тот самый закон, о котором покойный Н. Г. Чернышевский говорит следующими красноречивыми словами:

«Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания! Кто понял этот великий, вечный повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению, — о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие! Повторяя за поэтом:

Ich hab'mein' Sach auf nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt,

он не жалеет ни о чем, отживающим свое время, и говорит: «Пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник».

Это великий *закон отвержения формы, порожденной известным содержанием вследствие дальнейшего роста того же содержания* есть в самом деле *повсеместный* закон, потому что ему подчинено развитие не только *общественной,* но также и *органической* жизни[1]). И он действительно *вечен* в том смысле, что его действие прекратится только тогда, когда прекратится всякое развитие. Но этот великий, повсеместный и вечный закон есть в то же время та *«формула противоречия»,* которая едва ли не лучше всех других выражает взгляд Маркса на ход общественного развития.

Во второй части третьего тома *«Капитала»* мы читаем:

«Поскольку процесс труда является простым процессом между человеком и природой, постольку его простые элементы остаются одинаковыми при всех общественных формах его развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее его материальные основы и его общественные формы. Дойдя до известной ступени зрелости, данная историческая форма устраняется и уступает место высшей форме. Что момент такого кризиса наступил, это обнаруживается тогда, когда противоречие и противоположность между отношениями распределения, а, следовательно, также и между определенным историческим видом соответствующих им отношений производства—с одной стороны и производительными силами...—с другой, до-

---

[1]) „Denn das ganze Leben ist eine kontinuelle Kette von Bewegungserscheinungen der organischen Materie, welche immer mit entsprechenden Formveränderungen verknüpft ist". Häckel, Generalle Morphologie der Organismen, XVII Kapitel XIII). С поразительной ясностью и наглядностью проявляется этот закон в эмбриологии животных, развивающихся путем метаморфоз, например, некоторых насекомых (Diptera, Lepidoptera etc.). Метаморфоз бывает, как известно *неполный и полный* При полном метаморфозе *личинка,* превращаясь *в куколку,* покрывается особой *оболочкой.* которая *защищает* ее от неблагоприятных воздействий со стороны внешнего мира. Когда заканчивается серия совершающихся в организме куколки преобразований, эта предохранительная оболочка становится *излишней;* она мешает дальнейшим жизненным отправлениям организма, *противоречит* им и потому разрывается, когда противоречие достигает надлежащей степени интенсивности. Тут происходит стало быть революционный взрыв, *перерыв постепенности.* Природа вообще мало заботится о «притуплении противоречий.

стигает известной ширины и глубины. Тогда возникает столкновение между материальным развитием производства и его общественной формой» [1]).

Производительное воздействие общественного человека на природу и совершающийся в процессе этого воздействия рост производительных сил, это—*содержание;* экономическая структура общества, его имущественные отношения, это—*форма,* порожденная данным содержанием (данной ступенью «развития материального производства») и отвергаемая, вследствие *дальнейшего развития того же содержания.* Раз возникло противоречие между формой и содержанием, оно не «притупляется», а *растет,* благодаря неостанавливающемуся росту содержания, который далеко оставляет за собою способность старой формы изменяться сообразно новым потребностям. Таким образом, рано или поздно наступает такой момент, когда становится необходимым устранение *старой формы* и замещение ее *новою.* Таков смысл марксовой теории социального развития.

Кто понял этот вполне ясный и в то же время чрезвычайно глубокий смысл, тот понял также и великое значение *марксовой диалектики* в ее применении к общественным вопросам.

«В своем мистифицированном виде,—говорит Маркс,—диалектика была немецкой модой, потому что она оправдывала, повидимому, существующий порядок вещей. В своем рациональном виде она неприятна буржуазии и ее теоретикам, потому что она, об'ясняя существующее, об'ясняет также его отрицание и его неизбежное уничтожение; потому что она рассматривает каждую данную форму в ходе движения, т.-е. стало быть с ее преходящей стороны; потому что она не останавливается ни перед чем, будучи критической и революционной по своему существу» [2]).

Станьте на точку зрения марксовой диалектики, читатель, и вы сами увидите тогда, как отчаянно слабы и как смешно неуклюжи потуги господ «критиков», усиливающихся внести в стройную теорию Маркса некий, весьма любезный им, «притупляющий» элемент! Вас не смутят тогда многочисленные и подчас поразительные *«неясности»,* вносимые этими почтенными господами в *истолкование* теории Маркса. И если вы, наконец, выйдете из себя, если у вас вырвется слово раздражения, то вовсе не потому, что вас раздражит мнимая сила их ребяческих доводов, а потому, что вам покажется непозволительной и возмутительной та *претензия* их, благодаря которой многие из них считают и называют себя *марксистами.* Мы вполне понимаем, что эта смешная претензия заслуживает самого строгого осуждения,

---

[1]) Das Kapital, III Band, II Theil, S. 420 — 421.

[2]) Das Kapital, Vorwort zur zweiten Auflage, S. XIX. В виду этих об'яснений Маркса является странным,— но в то же время и очень характерным для „критиков" à la П. Струве—то обстоятельство, что эти господа об'являют диалектику самым слабым местом в теории Маркса. „In der Entwicklungslehre, welche unstreitig das Charakteristikum und die Glanzleistung des Marxschen Sozialismus bildet,– говорит г. Струве,– liegt auch seine verwundbare Stelle, und sie liegt eben in der angeblich unüberwindlichen „Dialektik". Ibid S., 686). В чем тут дело, ясно показывают непосредственно следующие за этим местом слова того же г. П. Струве: „Man wird die vilen Wildersprüche nicht los, wenn man nicht ganz entschieden den Gedanken der „sozialen Revolution" als theoretischen Begriff fallen lässt". У Гете Фауст говорит Мефистофелю: „Das Pentagramma macht dir Pein!" XIV). О нашем „притупленном" критике можно сказать, что ему macht Pein понятие об общественном „Zusammenbruch'e" в связи с понятием о некоей диктатуре.

и мы нисколько не удивимся поэтому, если вы терпеливо воскликните: Помилуйте, господа критики! какие же вы марксисты?! Маркс сеял драконов, а вы только... вы только... ну, словом, вы—организмы совсем другого калибра!..

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Г. П. Струве—не первый и не последний провозвестник теории «притупления» противоречия между интересами пролетариата и буржуазии. У этой теории было много сторонников до г. П. Струве и еще больше *будет их после него,* так как она чрезвычайно быстро распространяется теперь в *образованном слое мелкой буржуазии,* т. е. того класса, который самым положением своим осужден колебаться между пролетариатом и буржуазией. И именно потому, что она распространяется теперь чрезвычайно быстро, выдавая себя за самоновейший и притом *«критический»* социализм, пришедший на смену будто бы отжившему социализму Маркса и его «догматических» последователей, она заслуживает самого внимательного рассмотрения. Кто хочет бороться с этой теорией, тот должен знать, как ее теоретическую родословную, так и ее нынешнюю ценность. В виду этого читатель не удивится, если мы оставим на время нашего «критика», чтобы хорошенько ознакомиться с его предшественниками и с его доныне здравствующими, более или менее отдаленными, родственниками.

I.

Цена рабочей силы и прибавочная стоимость находятся в обратном отношении друг к другу. Чем дороже продается рабочая сила, тем ниже уровень прибавочной стоимости, и наоборот. Интересы *продавца* рабочей силы прямо противоположны интересам ее *покупателя.* Взятое по своему существу, противоречие это не может быть ни устранено, ни «притуплено» до тех пор, пока не прекратится покупка и продажа рабочей силы, т. е. пока не будет устранен капиталистический способ производства. *Но условия,* при которых совершается купля-продажа рабочей силы, могут изменяться в ту или в другую сторону. Если они изменяются к выгоде *продавцов,* то цена рабочей силы *повышается* и рабочий класс получает, в виде заработной платы, бо́льшую, чем прежде, часть ценности, создаваемой его трудом. А это ведет за собою *улучшение его общественного положения, уменьшение расстояния между эксплоатируемым пролетариатом и эксплоатирующими его капиталистами.* Если же условия продажи рабочей силы изменяются к выгоде ее *покупателей,* то ее цена *падает* и рабочий класс получает меньшую, чем прежде, *часть* создаваемой его трудом *ценности.* А за этим неизбежно *следует ухудшение общественного положения пролетариата, увеличение расстояния между ним и буржуазией.* В первом случае мы как будто получаем право толковать о притуплении противоречия, если не между рабочими и предпринимателями, то, по крайней мере, между интересами рабочего—с одной стороны и существованием капиталистического порядка—с другой. На самом деле это

право будет только *кажущимся:* мы уже видели в первой статье, что улучшение общественного положения французской буржуазии не только не притупило противоречия ее интересов с интересами старого порядка, но все более и более обостряло его. Тем не менее люди, боящиеся революционного движения пролетариата, всегда были и всегда будут склонны думать, что постепенное улучшение быта рабочего класса способно предотвратить опасность и избавить общество об быстрого коренного его переустройства. Вот почему люди этой категории стараются уверить себя и других (а иногда *только* других) в том, что по мере развития капитализма положение пролетариата *улучшается,* так что он *оказывается со временем ближе к буржуазии, чем был сначала.* И надо признать, что консервативный инстинкт подсказывает этим людям не совершенно ошибочное соображение: если для избежания коренного переустройства общества совсем недостаточно уменьшения расстояния между эксплоататорами и эксплоатируемыми, то *увеличение* этого расстояния и вовсе уже не сулит теперь почтенным охранителям ничего, кроме весьма больших неприятностей и сюрпризов.

Что же мы видим в действительности? В какую сторону изменяются условия продажи рабочей силы по мере упрочения и развития капиталистического порядка?

Вульгарная экономия давно уже занимается этим вопросом. Она выставила целую фалангу «ученых», усиливавшихся доказать, что условия продажи рабочей силы все более изменяются к выгоде пролетариата, которому и достается поэтому все бо̀льшая и бо̀льшая *доля* национального дохода. Известный американский экономист Кэри ясно формулировал это учение уже в 1838 году [1]). У Кэри оно было заимствовано пресловутым *Бастиа,* доводы которого нам нужно узнать несколько ближе.

В своих «Harmonies économiques» Бастиа уверяет, что судьба по своей неисчерпаемой доброте и справедливости уготовила для труда лучшую судьбу, чем для капитала [2]). Эта приятная мысль опирается у него на следующую «непоколебимую аксиому»:

«По мере того, как растут капиталы, *абсолютная* доля капиталистов в общей совокупности продуктов увеличивается, а их *относительная* доля уменьшается. Наоборот, доля работников увеличивается в обоих смыслах».

Для пояснения этой «аксиомы» Бастиа приводит схему, совершенно тождественную с той, которую мы встречаем в «Руководстве к социальной науке» Кэри:

	Общая сумма продукта.	Доля капитала.	Доля труда.
Первый период	1000	500	500
Второй «	2000	800	1.200
Третий «	3000	1.050	1.950
Четвертый «	4000	1.200	2.800

Таков великий, удивительный, утешительный, необходимый и *непоколебимый* закон капитала,—в восторге восклицает Бастиа,—доказать его, значит,

---

[1]) Русские читатели могут ознакомиться с аргументацией Кэри по его книге: „Руководство к социальной науке", появившейся в 1869 г в русском переводе князя Шаховского. К занимающему нас вопросу относится *схема*, находящаяся на стр. 506 этой книги.

[2]) Harmonies, 2 édition, p. 206.

по моему мнению, совершенно дискредитировать декламации... против *жадности и тирании* самого могущественного из всех тех орудий цивилизации и уравнения, которые были созданы человеческими способностями» [1]).

Читатель и сам видит, что очень приятно было бы доказать столь удивительный и утешительный закон, но, к своему сожалению, он должен признать, что Бастиа доказывает его не очень убедительно. Вся его аргументация сводится к указанию на понижение нормы процента, идущее вместе с промышленным развитием цивилизованных стран. Всякий, кто хоть немного знаком с политической экономией, понимает, что такое доказательство более, чем слабо. Но «блестящему французскому экономисту» и некогда останавливаться на доказательствах. Он торопится перейти к удивительным и утешительным выводам, вытекающим из его удивительного и утешительного закона. «Капиталисты и рабочие!—кричит он,—перестаньте же смотреть друг на друга с недоверием и завистью. Сделайтесь глухи для нелепых декламаций, надменность которых равняется лишь их невежеству, и которые, открывая филантропические перспективы для будущего, сеют раздор в настоящем. Признайте, что ваши интересы тожественны... что они сливаются, что они совместно тяготеют к осуществлению общего благополучия» и т. д., и т. д. [2]). Эта чувствительная тирада не оставляет ни малейшего сомнения насчет того, зачем именно понадобился Бастиа, заимствованный им у Кэри (без указания источника), необходимый и непоколебимый закон: ссылка на этот закон должна была примирить рабочих с капиталистами, «притупить» важнейшее общественное противоречие нашего времени.

II.

Юлиан Кауц считает Бастиа одним из самых блестящих умов, которые в новейшее время посвящали себя занятию политической экономией [3]). С этой характеристикой нельзя согласиться. Бастиа, несомненно, обладал способностью ясного и даже, пожалуй, блестящего изложения. Но его *мысли* всегда так *поверхностны,* а его *доводы* всегда так слабы, что блестящим *деятелем науки* его признать невозможно. Он был не более, как блестящим *адвокатом* капиталистической эксплоатации. Но именно то обстоятельство, что он блестяще защищал капиталистическую эксплоатацию, обеспечило ему сильное и продолжительное влияние на многих и многих друзей «социального мира». В этом,—но только в этом,—смысле Ю. Кауц прав, когда называет деятельность Бастиа значительной и плодотворной [4]). В самом деле, влияние Бастиа на экономистов более или менее охранительного направления было и остается гораздо сильнее, чем думают многие из тех, которых поражает его *удивительная* и очень мало *утешительная,* хотя по-своему и необходимая поверхностность. Луиджи Косса заметил, что влияние здоровой части идей Бастиа сказывается не столько в сочинениях его учеников, сколько в общей тенденции *большинства* современных нам французских и *значительной части* немецких и

---

[1]) Ibid., p. 206—207.

[2]) Ibid., p. 09.

[3]) Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomie und ihrer Literatur, II Theil, Wien, 1860, S. 578.

[4]) Там же, та же страница.

итальянских экономистов [1]). Под «здоровой частью» Косса понимает «опровержение софистики протекционистов и социалистов». Мы уже видели, что опровержение социалистических «софизмов» покоится у Бастиа на совершенно негодном основании. Но дело не в этом. Косса все-таки прав, когда говорит, что *общая тенденция* Бастиа продолжает жить в сочинениях очень многих экономистов самых различных стран. Особенно сильное и глубокое впечатление произвел «удивительный» и «необходимый» закон распределения продуктов между рабочими и капиталистами. При этом интересно отметить, что «открытие» этого закона приписывается Бастиа даже на родине Кэри, у которого французский экономист, несомненно, заимствовал, как самый закон, так и его изложение. Вот, например, известный статистик Эдуард Эткинсон прямо заявляет, что хотя он вообще имел мало времени для чтения книг и изучения теорий заработной платы (for the reading of bocks or the consideration of teories of wages), но что, по его мнению, Бастиа был первым основателем правильного учения об отношении интересов рабочих к интересам предпринимателей. «Много лет тому назад,—говорит он,—одна фраза из «Harmonies économiques» Бастиа врезалась в моем уме, и благодаря ей я мог, в течение своей деловой жизни, с гораздо большею ясностью давать себе отчет в явлениях заработной платы. Вот эта фраза: «По мере того, как растут капиталы, абсолютная доля капиталистов в общей совокупности продуктов увеличивается, а их относительная доля уменьшается. Наоборот, доля работников увеличивается в обоих смыслах» [2]). Эткинсон взял эту фразу за эпиграф в своем опыте: «What makes the rate of wages» и, вдохновляемый Бастиа, он, на основании некоторых данных, относящихся к американской металлургической промышленности, составил даже таблицу, которая, по его словам, может быть названа «*указателем прогресса от бедности рабочего и прогресса к бедности капиталиста*» (indicator of progress from poverty of the workman and progress toward powerty of the capitalist)). В этой своей новой формулировке *удивительный* закон Бастиа утрачивает значительную долю своей *утешительности,* внушая читателям слишком мрачные опасения насчет будущей судьбы *капиталистов в капиталистическом* обществе. Но бесстрастные ученые, не зная ничего, кроме интересов чистой науки и не смущаясь жалостью к бедным капиталистам, охотно цитируют исследование Эткинсона. Так, мы встречаем частые ссылки на него в той книге профессора Шульце-Геверница о «*Крупном производстве*», которая, по словам г. П. Струве, представляет собою, «быть может, самое тщательное монографическое исследование по социальной истории английской промышленности» [4]), «Тщательное исследование» экономики английской хлопчатобумажной промышленности привело Шульце-Геверница к тому убеждению, что, хотя возрастание всего национального продукта, дает на долю труда и капитала абсолютно большие количества, но участие капитала в нем относительно уменьшается, участие же труда относительно

---

[1]) Histoires des doctrines économiques, Paris, 1899, p. 386.

[2]) The Distribution of Products or the mechanism and the metaphysics of exchange. Fifth edition, p. 23—24.

[3]) Ibid., p. 335.

[4]) Георгарт фон-Шульце-Геверниц. „Крупное производство“ и т. д., перевод Л. Б. Красина, под редакцией и с предисловием П. Б. Струве. С.-Петербург, 1897, предисловие, стр. 1.

растет. «Труд получает все бо́льшую и бо́льшую долю общего национального производства,—говорит Шульце-Геверниц.—Ему все более и более начинает доставаться остаток, получающийся после уплаты долей процента и прибыли» [1]). Это все тот же утешительный закон Кэри-Бастиа, и странно, что г. П. Струве не заметил этого или не захотел отметить это в своем,—вообще очень слабом,—предисловии в книге Шульце-Геверница. Бесполезно и прибавлять, что удивительный и утешительный закон распределения приводит глубокомысленного немца к таким же отрадным выводам, к каким он некогда привел легкомысленного француза. «Социальные последствия охарактеризованного процесса состояли в уравнении имущественных противоположностей, — уверяет Шульце-Геверниц, отнюдь не делая богатых богаче, а бедных беднее, он приводит как раз к обратному, как это статистически доказано для Англии» [2]). Отсюда уже нетрудно сделать умозаключение к «*социальному миру*», которому г. профессор еще раньше посвятил отдельное, двухтомное исследование [3]).

Г. Шульце-Геверниц тем более считает нужным обратить внимание своих читателей на свои утешительные выводы, что, по его словам, факт увеличения расстояния между богатыми и бедными, понимаемый в том смысле, какой ему придавали Маркс и Энгельс, признается даже в таких кругах, которые вообще выступают решительными противниками марксизма [4]). Но здесь он едва ли не впадает в преувеличение. Круги, враждебные марксизму, насколько мы знаем, все более и более проникаются утешительным сознанием неоспоримости и «необходимости» закона Кэри-Бастиа. Почти каждый уважающий себя буржуазный ученый как нельзя более рад теперь, если ему представится возможность,—в «научном» исследовании,—распространиться на тему об уменьшении расстояния между богатыми и бедными. «Притупление» противоречия между капиталистами и рабочими составляет теперь одну из самых модных тем в буржуазной экономической литературе.

III.

По словам Шульце-Геверница, уменьшение расстояния между богатыми и бедными доказано в Англии ее «первым статистиком», Р. Гиффеном, в речи: «The Increase of moderate Incomes», будто бы произнесенной им на собрании английского Статистического общества в декабре 1887 года. На эту речь Шульце-Геверниц ссылается как в своем сочинении «Zum sozialen Frieden» (том II, стр. 490), так и в своей книге о *крупном производстве* (стр. 229 русского перевода). Но он ошибается, приписывая ее Гиффену. Она была произнесена—и именно в указанном Шульце-Геверницем месте—*Гошеном* [5]). Это обстоятельство, конечно, ни мало не изменяет достоинств самой речи; но не следует отнимать у Гошена заслуженные

---

[1]) Там же, стр. 229.

[2]) Там же, та же страница.

[3]) Zum sozialen Frieden. Eine Darstellung der sozial-politischen Erziehung des englischen Volks im neunzehnten Jahrhundert, Leipzig, 1890.

[4]) Zum sozialen Frieden, II Bd., S. 493.

[5]) См. „The Increase of moderate Incomes" being the Inaugural Address of the President of the R. S. Society, the right Hon. G. I. Goschen, in „Journal of the R. S. Society", Dec. 1887.

им лавры и передавать их,—хотя бы только по ошибке,—Гиффену. Suum cuique!

Речь о росте средних доходов показалась убедительной не одному Шульце-Геверницу. После ее произнесения (6-го декабря 1887 г.), директор английского банка Коллет выразил оратору горячую благодарность за то, что тот показал, до какой степени противоречат истине избитые разглагольствования о постоянно растущем обогащении богатых и обеднении бедных. «Теперь, когда так сильно распространяются несбыточные теории и соблазнительные предложения насчет распределения богатства, — сказал почтенный директор, — как нельзя более полезно с ясностью и убедительностью показать, что то распределение богатства, к которому иные стремятся с такою горячностью, молчаливо, незаметно входит в жизнь, благодаря правильному действию экономических законов» [1]). Но мнение мистера Коллета назовут, может быть, мало авторитетным. Иной скептик предположит, пожалуй, что директор английского банка, подобно Э. Эткинсону, не имел достаточно времени для изучения экономической теории, знание которой все-таки необходимо для правильного понимания статистических данных. Поэтому мы укажем еще на известного немецкого экономиста Г. Шмоллера, который, не без скептицизма относясь к трудам «первого английского статистика», т.-е. Гиффена, находит в то же время, что выводы Гошена основываются на об'ективном и убедительном исследовании действительности [2]). Не мешает поэтому поближе взглянуть на работу английского министра финансов.

Гошен совершенно сходится с Коллетом во взгляде на великое социальное значение указанных им данных. «Я не знаю,—сказал он своим слушателям,—производят ли указываемые мною статистические цифры такое же впечатление на вас, как и на меня. Мне кажется, что между тем, как некоторые люди кричат об искусственном переустройстве общества, происходит развитие чего-то вроде молчаливого социализма. Совершается молчаливое движение в сторону нового распределения богатства на более широкой плоскости, и, с какой бы точки зрения мы ни глядели на это движение, оно должно, я думаю, быть предметом радости для нашего народа. Оно не вызвано какими-нибудь насильственными приемами. Описанный мною результат произведен неуклонным действием экономических законов в обществе, основанном на торговой и промышленной свободе... И самая лучшая сторона этого автоматического социализма (automatic socialism) заключается в том, что он, повидимому, действует даже во время промышленного застоя. Вопреки общим жалобам на убытки и плохие времена; несмотря на безработицу и на неправильность заработка даже у тех, которые имеют работу, — великий центр общества упрочивает свою экономическую позицию» [3]).

Читатель видит, что как сам Гошен, так и его слушатели находились под впечатлением «криков об искусственном переустройстве общества». Такие крики в самом деле очень громко раздавались в Англии того времени, когда

---

[1]) Journal of the Royal Statistical Society, 1887, December, Proceedings on the 6-th December, p. 613.

[2]) Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Hat er im 19 Jahrhundert zu- oder abgenommen? Göttingen 1897, S. 27. На речь Гошена указывает своим читателям также Роберт Мейер в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2-е изд., 2 том, стр. 366.

[3]) Journal of the R. S. S., Dec., 1887, p. 604.

была произнесена речь Гошена. Это было время промышленного застоя и безработицы, вызвавших сильные волнения в рабочей среде. В Лондоне, Манчестере, в Бирмингэме, в Лейстере, в Ярмуте и т. д. происходили собрания безработных, где произносились самые зажигательные речи. Некоторые думали тогда, что Англия находится *накануне социальной революции.* Сидней Уэбб говорит, что иные точно обозначали даже время предстоявшего переворота: 1889 год, год столетия Великой Французской Революции [1]). Это возбуждение умов не могло действовать успокоительно ни на министров, ни вообще на лиц высших классов, и потому надо признать, что Гошен находился тогда в условиях, мало благоприятных для «об'ективного исследования» экономических явлений. Но известно, что любовь к истине берет иногда верх над очень сильными внешними препятствиями. Хотя Гошену, наверное, очень трудно было сохранить нравственное спокойствие и научное беспристрастие, но это еще не значит, что он непременно должен был горячиться и смотреть на ход экономического развития Англии через очки своих классовых предрассудков. Как знать, может быть, открытый им «автоматический социализм» и в самом деле все более и более прокладывает себе дорогу в английской общественной жизни! Весь вопрос в том, *на каком фактическом основании покоилась уверенность английского министра в медленном, «молчаливом, но верном развитии этого социализма».*

Фактическая основа его уверенности состоит вот в чем. Статистика показала ему, что в 1875 году число (физических и юридических) лиц, записанных под рубрикой Д [2]) и получивших дохода от 150 до 1000 фунтов, доходило до 317.839, а в 1886 году оно *поднялось* до 379.004, т.-е. увеличилось на 19,26 процента. Между тем за тот же период времени число лиц, получивших 1000 и *больше* фунтов дохода, *опустилось* с 22.848 (1877 г.) до 22,298 (1886 г.), что означает *уменьшение* на 2,4 процента. Более подробный анализ статистических цифр дал Гошену возможность составить такую таблицу:

Доходы.	1877.	1886.	Увеличение или уменьшение.
Между 150 и 500 ф.	285.754	347.021	+ на 21,4
„ 500 „ 1000 „	32.085	32.033	Почти без перемены.
„ 1000 „ 5000 „	19.726	19.250	— на 2,5
Выше 5000	3.122	3.048	— на 2,3

Отсюда Гошен заключил, что «в обыкновенное время, во время угнетенного состояния промышленности, равно как и в подобное тому, которое мы пережили и которое, конечно, не может быть названо временем процветания, происходило постоянное и в высшей степени отрадное увеличение числа доходов ниже тысячи фунтов».

Но под рубрикой Д английская статистика подоходного налога запи-

---

[1]) Socialism: True and False, Fabian Tract, № 51, p. 3.

[2]) Под этой рубрикой записываются доходы, получаемые от промышленных и торговых предприятий, от капиталов, помещенных в иностранных и колониальных предприятиях и от свободных профессий. Под той же рубрикой Д записываются непериодические денежные получения.

сывает не всех тех лиц, которых можно отнести к среднему классу. Немало таких лиц записывается также под рубрикой Е, к которой принадлежат, кроме чиновников, состоящих на общественной службе, также служащие у частных лиц и у предпринимательских компаний. Число лиц под этой рубрикой возросло за рассматриваемое десятилетие с 78,224 до 115,964. Гошен думает, что возрастание также свидетельствует об упрочении экономической позиции «великого центра общества», среднего класса.

Данные эти, несомненно, интересны в теоретическом отношении, но они совсем не имеют того значения, которое им приписывает Гошен.

Во-первых, как уже заметил г. Исаев, десятилетие 1877 — 1886 г.г. представляло все данные для уменьшения числа крупных доходов. «Резкое падение цен всех товаров, понижение прибыли во всех предприятиях до половины среднего уровня и более, огромное число банкротств (до 1877 г. в среднем 8½ тысяч банкротств в год, а с 1877 до 1884 г.—более 12.000)— все повело к тому, что множество богатых лиц, имевших в половине 70-х годов 1000—2000 фунтов дохода, сохранили в 80 г.г. едва 500—1000 фунтов, а имевшие довольство более 500 фунтов спустились в низшую группу, в группу плательщиков, с доходом в 150—500 ф.» [1]).

Как отразилось угнетенное состояние промышленности на росте национального богатства Англии, показывают следующие цифры: в промежуток времени 1865—1875 г. общая сумма капитала поднялась в этой стране с 6.113 миллионов ф. ст. до 8.548, т.-е. увеличилась на 40 процентов, а в промежуток 1875—1885 г. она возросла с 8.500 милл. ф. ст. до 10.037, т.-е. увеличилась только на 17½ процентов [2]).

Нетрудно понять, что замедленный ход накопления капитала вызван был понижением уровня прибыли в эпоху угнетенного состояния промышленности. Уже одного этого понижения уровня прибыли было бы достаточно для перехода плательщиков подоходного налога из высших разрядов в низшие. Но замечательно, что понижение уровня прибыли было далеко не одинаково в различных родах предприятий. С особенною силой сказалось оно в *промышленности:* в предприятиях же, *не имеющих* прямого отношения к промышленному производству, оно было гораздо слабее. Так, розничные торговцы жаловались на него очень мало. Также мало пострадали от него лица, поместившие свои капиталы за границей, например, в иностранных займах и т. п. Один из членов комиссии, назначенной для исследования угнетенного состояния промышленности, указывает [3]) на помещение английских капиталов за границей, как на одну из причин того, на первый взгляд странного, явления, что общая сумма доходов, подлежащих обложению, увеличилась, несмотря на застой в делах. Так как возрастание этой общей суммы все-таки сопровождалось понижением крупных доходов, то остается предположить, что в торговых предприятиях внутри страны, равно как и за границей, были помещены капиталы, имевшие сравнительно меньшие размеры. Именно так и думает меньшинство комиссии. «Большое воз-

---

[1]) А. А. Исаев—„Начала политической экономии", издание четвертое, стр. 619.

[2]) R. Giffen—„Accumalation of Capital in the United Kingdom", Journal of the R. S. S. March, 1890, p. 151.

[3]) Смотри Final Report of the R. Commission appointed to inquire into the depression of Trade and industry, мнение меньшинства комиссии. Стр. XLII.

растание числа мелких доходов в рубрике Д, вероятно, произошло в значительной степени оттого, что промышленность, к области которой принадлежат крупные предприятия, требующие больших капиталов, не приносила доходов, между тем, как торговля, особенно розничная, бо́льшая часть которой ведется с незначительными капиталами, приносила прибыль» [1]).

Уже в виду этих соображений «автоматический социализм» английского министра финансов утрачивает весьма значительную долю своей «удивительности» и «утешительности». Но он сделается еще более жалким в наших глазах, если мы вспомним, что *другою причиною* роста общей суммы доходов, обложенных налогом (рубрика Д) явилось просто - напросто *более внимательное учитывание администрацией обывательских доходов.* В указании на эту причину большинство комиссии сходится с ее меньшинством. Но, между тем, как большинство, отметив эту причину, не спрашивает себя, как она повлияла на число занесенных в список «умеренных» доходов, меньшинство совершенно справедливо замечает, что она должна была *увеличить его* благодаря привлечению к уплате подоходного налога множества *новых* небогатых плательщиков, прежде легко ускользавших от этой чести [2]).

Таким образом, фактическое основание отрадных выводов Гошена оказывается совершенно несостоятельным. Столь же несостоятельным оказывается, конечно, и приятное убеждение тех друзей «социального мира», которые думают, что уменьшение расстояния между бедными и богатыми убедительно доказано Гошеном.

Просим читателя заметить еще следующее. Гошен с большой похвалой отзывается о цитированном нами заключительном докладе комиссии, изучавшей причины угнетенного состояния промышленности, и очень сожалеет о том, что выводы, к которым она пришла, не обратили на себя должного внимания читающей публики [3]). Можно подумать, что сам он хорошо изучил эти выводы и передает их своим слушателям во всей их полноте и во всем их разнообразии. Но на самом деле мы видели совсем другое. Он так не серьезно отнесся к названному докладу, что нашел возможным, без всяких оговорок, пользоваться теми статистическими данными, о которых меньшинство комиссии прямо заявило, что значение их вовсе не такое, каким оно представляется на первый взгляд, и какое им приписал,— вскоре по выходе заключительного доклада,—сам Гошен. Об этом заявлении меньшинства «достопочтенный» оратор благоразумно умолчал в своей речи. Так тверда и непоколебима была его «об'ективность».

Гошену захотелось ободрить своих слушателей, находившихся под сильным впечатлением рабочих волнений, и вот он, схватившись за первые попавшиеся цифры, стал излагать перед ними, в новом виде, ту самую теорию, которую раньше его излагали Кэри, Бастиа и другие, им подобные, апологеты капитализма. Слушатели пришли в восторг и поблагодарили оратора в самых прочувствованных выражениях. А вслед за слушателями пришли в восторг и континентальные ученые, вроде Шмоллера и Шульце-Ге-

---

[1]) Ibid., p. XLIX. Сравнительно хороший ход торговли об'ясняется огромным понижением фабричных цен.

[2]) Idid., p. L.

[3]) Journal of the R. S. Society Dec., 1887, p. 591.

верница. Этим «об'ективным» мужам науки было не до критической проверки доводов английского министра. Им тоже очень приятно было услышать, что удивительный и утешительный закон Бастиа может быть поддержан с помощью новых данных. Ну, а раз аргументация Гошена была почтительно встречена Шмоллером, Шульце-Геверницом и другими патентованными «учеными», то «критикам» марксизма, как говорится, уже сам бог велел кричать о притуплении общественных противоречий, вследствие «роста умеренных доходов». Наши «критики» вообще не критикуют буржуазных ученых. Их специальность заключается именно в «критике» Маркса.

IV.

Гошен и сам чувствовал, что цифры, положенные им в основу своей реляции об успехах «автоматического социализма», совсем недоказательны. Поэтому он постарался подтвердить свои выводы с помощью косвенных соображений. С одним из этих соображений мы познакомимся, когда будем говорить о положении рабочего класса в Англии, а некоторые другие нам нужно рассмотреть теперь.

«С каждым годом,—говорит Гошен,—все большее и большее число лиц принимает участие в акционерных компаниях и, таким образом, приобретает часть богатства, создаваемого широкой промышленной и торговой деятельностью страны» [1]).

Это соображение, подхваченное Шульце-Геверницем и другими проповедниками «социального мира», произвело, как известно, сильное впечатление на некоторых социалистов. Так, г. Бернштейн пришел к тому убеждению, что «форма акционерной компании значительно противодействует тенденции, заключающейся в централизации капиталов путем централизации производств». Он думает, что «если экономисты, противники социализма, использовали этот факт с целью прикрашивания нынешних общественных отношений, то отсюда не следует, что социалисты должны скрывать или отрицать этот факт. Дело идет скорее о том, чтобы признать его действительное значение и его распространение» [2]).

Скрывать факты или отрицать их существование, когда оно доказано, разумеется, очень смешно и абсолютно нелепо. Но иное дело *факты,* а иное дело—их *общественное значение.* Общественное значение факта, указываемого г. Бернштейном вслед за Гошеном и Шульце-Геверницем, может быть понимаемо весьма различно. Буржуазные ученые и плетущийся за ними г. Бернштейн не обратили внимания на то, что распространение акционерных компаний может явиться—и действительно является—*новым фактором централизации имущества и увеличения расстояния между бедными и богатыми.* Поясним нашу мысль примером, взятым из экономической истории той самой эпохи, о которой говорится в речи Гошена.

Известно, что умножение числа акционерных компаний в Англии было очень облегчено законодательством, разрешившим учреждение обществ

---

[1]) Ibid. p. 597.

[2]) Э. Бернштейн—„Исторический материализм", перевод Л. Канцель, второе издание, стр. 84.

с ограниченной ответственностью (Limited Liability Acts). К тому времени, когда приступила к своим трудам комиссия, назначенная для исследования причин угнетенного состояния промышленности, экономические последствия нового закона успели обнаружиться с достаточной ясностью. Что же говорит о них эта комиссия?

По словам ее большинства, «ограничение ответственности вызывает менее осторожное, или более спекуляторское ведение предприятий, чем то, к которому может быть склонен предприниматель, связанный полною ответственностью за свои операции. Вследствие этого, при ограниченной ответственности, производство часто ведется при такой пониженной прибыли, при которой обыкновенный предприниматель увидел бы себя вынужденным сократить его размеры. Даже потеря капитала, причиненная гибелью значительного числа этих компаний, не произвела всего того влияния, которого можно было ожидать в смысле сокращения их операций, так как убытки распространяются на большее число лиц и потому менее чувствительны. Более того, на развалинах потерпевших крушение предприятий постоянно возникают новые, которые, купив за бесценок имущество старых, получают возможность вести производство в прежних размерах» [1]).

Меньшинство комиссии вполне согласно в этом случае с большинством. По его мнению, ограничение ответственности вызвало появление особого класса «основателей» (promoters), которые, пользуясь неопытностью и беззащитностью обладателей мелких денежных сумм, заводят предприятия единственно для того, чтобы при первой возможности перепродать свои акции, ни мало не заботясь о том, какая судьба ожидает начатое ими дело [2]).

Мы не думаем, чтобы «автоматический социализм» этого рода был способен значительно содействовать «притуплению» общественных противоречий. *Перепроизводство и спекуляция* всегда были и всегда останутся могущественными деятелями разорения экономически слабых и обогащения горсти ловкачей, обладающих умением ловить в мутной воде рыбу.

Гошен указывает также на увеличение, в рассматриваемый им период времени, взносов в сберегательные кассы, как на одно из проявлений медленного, но верного торжества дорогого ему «молчаливого социализма» [3]). Но если бы он внимательно прочитал тот самый доклад, который сам же он так настойчиво рекомендовал вниманию своих слушателей, то он должен был бы согласиться с тем, что указанный им факт допускает совершенно иное и притом гораздо менее «утешительное» толкование. Как справедливо замечает оставшийся при особом мнении член комиссии А. О'Коннор, *увеличение числа взносов* в сберегательные кассы могло быть вызвано *уменьшением* (вследствие угнетенного состояния промышленности) *возможности помещения небольших денежных сумм в производительные предприятия* [4]). При таком, более чем вероятном об'яснении этого факта становится совершенно понятным то обстоятельство, что увеличение числа

---

[1]) Final Report, p. XVIII.
[2]) Ibid., p. LVII,
[3]) Journal, Dec., 1887, p. 602.
[4]) Final Report, p. LXXII.

взносов в сберегательные кассы *шло рука об руку с уменьшением спроса на рабочие руки.*

Как бы ни был «молчалив» и «автоматичен» такой социализм, в нем всегда будет очень мало *утешительного.*

Теперь мы можем расстаться на время с Гошеном и обратиться к другому английскому авторитету, именно к статистику Мёльголлю.

В своем «Dictionary of Statistics» Мёльголль приводит следующие данные относительно роста числа доходов в 2,000 фунтов стерлингов и выше [1]).

Годы.	Число доходов.	На один миллион населения.
1812	39,765	3,314
1850	65,389	3,115
1860	85,530	2,949
1870	130,375	4,206
1880	210,430	6,313

Число доходов выше 5,000 ф. ст. росло следующим образом:

Годы.	На один миллион населения.	Число доходов.
1812	409	34
1850	1,181	56
1860	1,558	53
1870	2,080	67
1880	2,954	88

Сопоставляя одни с другими некоторые из этих данных, мы получаем:

	На 1 милл. населения. 1860	1880	Рост.
Очень богатых.	53	88	66 проц.
Зажиточных	2,949	6,313	112 »

«Это указывает,—говорит Мёльголль,—на диффузию богатства, вопреки ходячему мнению о том, что богатые богатеют с каждым днем» [2]).

Очень хорошо и весьма утешительно. Но, поговорив с тем же Мёльголлем в другой раз и при других обстоятельствах, мы узнаем от него гораздо менее хорошие и гораздо менее утешительные вещи.

---

[1]) До 1860 г. данные относятся к Великобритании, а после 1860 года—ко всему Соединенному Королевству.

[2]) Dictionary, p. 321.

На основании некоторых расчетов он принимает, что богатство Соединенного Королевства распределено так:

Классы.	Число лиц.	Миллионы фунтов.	Фунтов на каждую голову.
Богатый.	327,000	9,120	28,000
Средний.	2,380,000	2,120	900
Рабочий	18,210,000	556	31
Дети	17,940,000	—	—
Всего населения . . .	38,857,000	11,806	302

На что же указывают эти цифры? А вот на что. «Около 80 проц. всего богатства страны находится в руках 1½ процента взрослого населения. Средний класс охватывает 11 процентов населения и сосредоточивает в своих руках 18 проц. богатства» [1]). О рабочем классе Мёльголль уже и не говорит: так жалки, так ничтожны крохи, приходящиеся на его долю! Выходит, что «диффузия богатства» не так уже сильна, как нас только что уверял тот же Мёльголль. Жаль. Очень жаль. Мы пришли было в очень приятное настроение духа. Но послушаем дальше нашего статистика. Спросим его, как совершалась «диффузия богатства» в прежнее время [2]).

По его собственному расчету [3]) оказывается, что если мы примем за 100 число крупных состояний, превышавших в 1840 году 5,000 ф. ст., то увидим, что в 1877 году оно дошло до 223, а 1893 году до 270. Между тем, принимая за 100 число состояний, простиравшихся в 1840 году от 100 до 5,000 ф. ст., мы находим, что в 1877 году оно дошло только до 203, а в 1893 году только до 249. А это означает, что «состояния выше 5,000 ф. ст. умножались гораздо скорее, чем те, которые не достигли этой цифры,—явление как раз обратное тому, которое было бы желательно,—и этот прилив богатства *(в высшие слои—Г. П.)* становится, повидимому, все более интенсивным» [4]). Вот так «диффузия»! Мёльголль сам как будто смущается ею и потому спешит утешить нас следующей таблицей:

	В 1840 г.	В 1877 г.	В 1893 г.
Население.	100	126	146
Состояние выше 100 ф.	100	205	251

За пятьдесят лет население выросло на 40 процентов, а число лиц, обладающих состоянием выше 100 ф. с., увеличилось на 151 процент. «Другими словами, тот общественный класс, который стоит выше бедности, рос, начиная с 1840 года, втрое скорее, чем общая цифра населения» [5]).

---

[1]) Industries and Wealth of Nations, by Michael G. Mulhall, London, 1896, p. 100.

[2]) Предыдущие выводы основаны на данных, относящихся к пятилетию, кончившемуся декабрем 1893 года.

[3]) Ниже мы увидим, что этот расчет лишь в слабой степени выражает действительный ход развития.

[4]) Ibid., p. 100—101.

[5]) Ibid., p. 101.

Ниже мы подробнее анализируем утешительность этого утешения, а теперь пока обратим внимание читателя на следующий отзыв Мёльголля о положении рабочего класса в Англии.

«Улучшение положения рабочего класса с очевидностью явствует из возрастания числа вкладчиков в сберегательные кассы. Оно составляло менее 4 процентов населения Соединенного Королевства в 1850 году, а теперь доходит до 19 процентов. Тем не менее, страдания бедного класса в наших больших городах теперь значительнее, чем когда-либо прежде. О положении этого класса было справедливо сказано, что оно хуже положения готтентотов» [1]).

По-русски это называется *начать за здравие, а кончить за упокой.*

V.

Мы видим теперь, что, как «молчаливый социализм» Гошена, так и «диффузия богатства» Мёльголля представляют собой нечто весьма фантастическое. Мёльголль сам должен был признать, что богатство все более и более скопляется в высших слоях общества. Но если это так, то *общественные противоречия,* рассматриваемые с их экономической стороны, *не только не «притупляются», а все более и более возрастают.* Мёльголль старается «притупить» этот вывод указанием на то, что в Англии число лиц, обладающих имуществом выше 100 ф. с., растет значительно быстрее, чем население. Пора внимательнее присмотреться к этому мнимому утешению.

Представим себе общество, в состав которого входят три класса: богатый, зажиточный и бедный. Предположим, для простоты, что бедный класс живет исключительно *продажей своей рабочей силы,* зажиточный занимается *торговлей,* а богатый состоит из *капиталистов-предпринимателей и землевладельцев;* число лиц в бедном классе равняется *тысяче,* в зажиточном—*ста,* а в богатом—*десяти* [2]). При распределении общественного дохода на долю каждого из этих классов достается величина, которую мы обозначим через А. Стало быть, весь доход общества равняется 3 А; член богатого класса в *среднем в десять раз богаче* члена зажиточного класса, а член зажиточного класса в среднем в десять раз богаче члена бедного класса. Таково *относительное* положение классов в данную эпоху, скажем, в 1875 году.

Проходит 25 лет. Общественный доход *удваивается,* и на долю *каждого* общественного класса достается теперь *уже не одно, а два А* [3]). Мы можем, поэтому, сказать, что экономическое благосостояние каждого общественного класса *удвоилось.* Но *взаимное отношение этих классов осталось без перемены:* попрежнему богатый в среднем в десять раз богаче зажиточного, а зажиточный в среднем в десять раз богаче бедного. В виду этого мы не имеем никакого права говорить ни о «диффузии богатства» в нашем обществе, ни об «автоматическом социализме», изменяющем распределение дохода в смысле притупления противоречий между общественными классами. Запомнив этот вывод, пойдем далее.

---

[1]) Ibid., p. 101—102.

[2]) *Лицо*—глава семьи, получатель известного дохода.

[3]) Чтобы не усложнять расчета, мы предполагаем сначала, что население не увеличилось за это время.

Предположим, что в нашем обществе существует подоходный налог, который платится всеми лицами, получающими 100 и выше фунтов дохода. Предположим также, что в богатом и в зажиточном классе у нас нет ни одного лица, доход которого был бы ниже ста фунтов, но зато в бедном классе нет ни одного лица, доход которого достигал бы этой цифры; стало быть никто из лиц этого последнего класса не платил бы подоходного налога в 1875 году.

А как будет обстоять дело по прошествии 25 лет, когда удвоится доход каждого общественного класса?

Если мы предположим, во-первых, что 25 лет тому назад в бедном классе было 250 лиц, ежегодно получавших от 50 до 100 фун., а, во-вторых, что *распределение дохода внутри каждого класса остается постоянным,* то теперь в бедном классе у нас окажется 250 лиц, получающих от ста до 200 фунтов, и, следовательно, обязанных платить подоходный налог. Таким образом число небогатых плательщиков подоходного налога *увеличится, несмотря на то, что никакой «диффузии богатства» не произойдет,* так как богатый попрежнему будет в 10 раз богаче зажиточного, а зажиточный попрежнему в 10 раз богаче бедного.

В какой же мере увеличится число небогатых плательщиков подоходного налога?

Это будет зависеть, конечно, от распределения богатства внутри зажиточного класса. Предположим, что 25 лет тому назад между членами этого класса было 25 лиц, получавших от 500 до 1000 ф. с. ежегодного дохода. В таком случае теперь, после *удвоения* дохода этого класса (при неизменном распределении этого дохода), эти 25 лиц будут получать уже от 1000 до 2000 фунтов. Предполагая, что лица, получающие более 1000 фунтов, называются *крупными* плательщиками, мы увидим, что к *разряду* таких плательщиков отойдет теперь 25 человек из лиц, принадлежавших к *среднему классу.* Значит общее число небогатых плательщиков (или, другими словами, общее число «moderate incomes») будет теперь равно 325 [75 человек, оставшихся от прежнего числа (100) и 250 новых, принадлежавших к рабочему классу], т.-е. *окажется увеличившимся на 225 процентов.*

Будем считать дальше. Двадцать пять лиц торгового класса, получающих от 1000 до 2000 ф. с., будут фигурировать теперь в списках крупных плательщиков, в одном *разряде* с лицами высшего класса, состоящего из фабрикантов и землевладельцев. Таких лиц у нас было *десять.* Присоединяя к ним 25 лиц, из *среднего класса,* мы находим, что число крупных плательщиков равняется теперь 35: *увеличение на 250 процентов.*

Число крупных плательщиков растет у нас несколько быстрее числа «умеренных». Но легко видеть, что при некотором изменении наших гипотетических данных у нас получится противоположный результат.

В самом деле, допустим, что в 1875 г. у нас было только 10 лиц, получавших от 500 до 1000 фунтов. По прошествии 25 лет и по удвоении дохода среднего класса эти 10 лиц будут получать от 1000 до 2000 фунтов и поэтому отойдут в разряд крупных плательщиков подоходного налога. Складывая их число с числом прежних плательщиков крупного разряда, которое, как нам известно, равнялось тоже десяти, мы находим, что всех плательщиков этого разряда будет 20, а это значит, что *число их увеличилось только на 100 процентов.* В виду гораздо более быстрого роста числа «умеренных»

плательщиков мы получаем возможность кричать об «автоматическом социализме» и наводить некритических «критиков» на ту мысль, что марксова «догма» устарела, и т. д. А ведь на самом деле у нас никакой «диффузии, богатства» не произошло, и каждый общественный класс получает свою *прежнюю долю* национального дохода.

Совершенно такой же «отрадный» вывод, — в гошеновском смысле, — мы получим, предположив, что концентрация имущества в среде класса промышленников и землевладельцев совершается быстрее, чем в среде торгового класса, что вполне возможно,—и даже в высшей степени вероятно,—совершенно без всякого посрамления марксовой «догмы» [1]).

До сих пор мы предполагали, что при росте национального дохода *доля* каждого общественного класса оставалась неизменной. Теперь посмотрим, как отразилось бы в списках плательщиков подоходного налога *неравномерное возрастание дохода различных классов.*

Положим, что общественный доход *учетверился* и распределяется так: рабочий класс получает 2А; средний класс—4А, а высший—6А. При удвоении дохода рабочего класса в его среде окажется,—как и при нашем прежнем предположении,—250 лиц, получающих сто и больше фунтов дохода. Эти лица будут теперь обязаны платить подоходный налог и, следовательно, увеличат собою число «умеренных» плательщиков. Средний класс прежде целиком относился к числу плательщиков этого «умеренного» разряда, но теперь после учетверения дохода среднего класса, значительное число его членов перейдет в разряд крупных плательщиков. Как велико будет это число? Если мы предположим, что прежде в среднем классе было 25 лиц, получавших от 250 до 500 фунтов, то теперь (при *неизменном распределении* учетверенного дохода среднего класса между его членами) каждое из этих 25 лиц будет получать от 1,000 до 2,000 фунтов, т.-е. перешагнет за черту, отделяющую *небогатых* плательщиков от *крупных.* Но в том же классе было кроме того согласно нашему прежнему предположению, 25 лиц, получавших от пятисот фунтов до тысячи. После учетверения дохода среднего класса лица эти станут получать от 2,000 до 4,000 фунтов каждый, и потому с еще большим основанием будут причислены к *крупным* плательщикам. Следовательно, из числа лиц среднего класса только 50 (100—25—25) лиц останется в *разряде* «умеренных» плательщиков. Присоединяя число этих лиц к числу (250) небогатых плательщиков из *низшего класса,* мы находим, что общее число небогатых плательщиков равняется теперь 300 (50 + 250): *увеличение на 200 процентов.*

Переходя к *разряду* крупных плательщиков, мы видим, что к их прежнему числу, *десяти,* прибавится теперь еще 50 (25 лиц с доходом от 1,000 до 2,000 ф. и 25 лиц с доходом от 2,000 до 4,000). Общая их сумма дойдет, значит до шестидесяти: *увеличение на 500 процентов.*

---

[1]) „The retail trade isto-day passing through an industrial revolition simil r to that which manufacture experienced in the early years of this century and the small Keeper is the analogue of the handloom weaver", XV—говорит Макрости в своей интересной „The Growth of Monopoly in english Industry" (Fabian Tract № 88, p. 3). Теперь, когда мелкого лавочника захватила „промышленная революция", концентрация пойдет быстрыми шагами в области мелочной торговли, что и доказывается в брошюре Макрости. Но пока мелочная торговля еще не была затронута „промышленной революцией", концентрация по необходимости должна была совершаться в ней гораздо медленнее, чем в промышленности. Это обстоятельство тоже не могло не влиять на рост „умеренных" доходов

Если мы предположим, что *концентрация* уменьшит число небогатых плательщиков до 250, а число крупных—до 55, то выйдет, что общая сумма «умеренных» доходов возрасла на 150 процентов, а число крупных—на 450 процентов.

Но мы рассуждаем, не принимая во внимание *роста населения*. Население может расти: 1) быстрее, чем общественный доход; 2) так же быстро, как он; 3) медленнее его. Для нас здесь интересен только *третий случай*, соответствующий капиталистической действительности. Рассмотрим этот случай.

Положим, что число членов нашего общества удвоилось в течение 50 лет, между тем, как общественный доход *учетверился* и равняется теперь 12А, при чем рабочему классу достается 2А, среднему—4А, а высшему—6А. Так как вдвое больший доход рабочего класса распределяется теперь между вдвое бо́льшим числом лиц, то (при неизменном распределении дохода *внутри* этого класса) благосостояние каждого отдельного рабочего не повысится, а потому *ни один слой рабочих не попадет в число плательщиков подоходного налога.*

Не то будет в среднем классе. Здесь доход учетверился, между тем как число лиц только удвоилось. Каждое лицо в отдельности будет стало быть *вдвое богаче,* чем было прежде. Число лиц, получающих от 1,000 до 2,000 фунтов дохода, дойдет теперь до 50. Эти 50 лиц будут теперь занесены в разряд *крупных* плательщиков, а остальные 150 (200—50) останутся в разряде *небогатых. Число «умеренных» доходов увеличится* значит на 50 процентов.

В *высшем классе* прежде было 10 плательщиков, которые все и принадлежали, разумеется, к *разряду* крупных. Вследствие удвоения населения их стало 20. К этим 20 надо прибавить еще 50 человек *среднего класса,* перешедших в *разряд* крупных плательщиков. Сумма: 70 (20 + 50); *увеличение*—600 процентов.

Даже предположив, что концентрация имуществ понизила число крупных плательщиков до 55, мы все-таки имеем перед собою факт огромного увеличения числа крупных плательщиков, доходящего до 450 проц.

Что же доказывают все эти примеры, наверное, до смерти надоевшие читателю?

Они доказывают, между прочим, вот что:

1. Рост числа небогатых плательщиков, обусловливаемый ростом общественного дохода, сам по себе вовсе еще не свидетельствует о «диффузии богатства» или об успехах «автоматического социализма», потому что он вполне совместим с огромным ростом неравенства в распределении общественного богатства.

2. Чем сильнее концентрация имуществ в высшем классе общества, тем выпуклее выступает рост числа небогатых плательщиков. В известных случаях число «moderate incomes» будет расти скорее числа крупных доходов, несмотря на одновременный и очень сильный рост общественного неравенства.

3. В современных капиталистических обществах число умеренных доходов растет быстрее, чем общая цифра населения. Но умозаключать отсюда к диффузии богатства и к уменьшению общественного неравенства значит обнаруживать полнейшее и постыднейшее непонимание предмета. Для серьезного уяснения вопроса о распределении национального дохода в современных обществах надо прежде всего определить, *в какой мере вырос этот*

доход за разсматриваемый период и как разделился его прирост между отдельными классами. Лица же, толкующие о диффузии и сравнивающие рост *населения* с ростом *числа умеренных доходов,* ровно ничего не делают для указанного определения [1]).

Поэтому их аргументация не показывает ничего, кроме их собственной слабости.

Если мы с точки зрения этих выводов взглянем на данные, приведенные Мёльголлем в его «Dictionary of Statistics», то мы легко поймем, как и почему эти данные могут уживаться с другими данными, имеющими, повидимому, совершенно противоположное значение.

Мёльголль говорит, что в Англии число лиц с имуществом выше 100 ф. ст. растет значительно быстрее, чем население. И это верно. Но Мёльголль не спрашивает себя при этом, как же быстро растет национальный доход Англии. На самом деле этот доход растет гораздо быстрее числа лиц указанного Мёльголлем разряда, и потому *увеличение этого числа идет рука об руку с гораздо более сильным увеличением общественного неравенства,* о котором совершенно недвусмысленно говорят данные, сообщаемые тем же Мёльголлем в его книге «Industries and wealthof Nations». Правда, данные, приведенные им в «Dictionary of Statistics» как будто показывают, что «умеренные» доходы растут в Англии скорее крупных; но, во-первых, мы уже знаем теперь, что, если бы это и было так, то отсюда еще было бы очень далеко до «диффузии богатства»; во-вторых, нам известно, что вторая половина семидесятых годов ознаменовалась очень угнетенным состоянием промышленности, вызвавшим временное понижение крупных доходов, а, следовательно, и временное уменьшение их числа. Мы понимаем поэтому, как и почему сравнение чисел, относящихся к 1860 г.—с одной стороны, и к 1880 г.—с другой, указывает на более быстрый рост числа *умеренных* доходов, сравнительно с числом *крупных*. Но если мы сравним общие результаты экономического развития за более продолжительный период, то увидим, что, несмотря на временные задержки, число крупных доходов росло гораздо скорее числа умеренных. В самом деле, та же таблица Мёльголля показывает, что в 1812 г. на один миллион жителей в Англии приходилось 3,314 лиц с доходом от 200 ф. ст. и выше, а в 1880 г. их было 6,313, т. е. число их даже *не удвоилось;* между тем, число лиц с доходом выше 5,000 ф. ст. поднялось с 34 в 1812 г. до 88 в 1880 г.: *увеличение* на 163,6 процента.

Эти цифры совершенно опровергают Мёльголля, говорящего о диффузии общественного богатства, и вполне подтверждают справедливость слов Мёльголля, указывающего на то, что «состояния выше 5,000 ф. ст. умножились гораздо скорее, чем те, которые не достигали этой цифры». (см. выше, стр. 44).

«Сами по себе цифры никогда не лгут,—заметил Гошен в своей речи, разобранной нами выше,— но всякий должен признать, что нет ничего легче, как злоупотребить ими для той или иной посторонней цели». В этом случае мы совершенно согласны с Гошеном. Действительно, цифры не лгут...

---

[1]) См.. например, Бернштейна „Исторический материализм", стр. 87 и следующие. В прошлом году Луиджи Негри выпустил в свет работу, специально посвященную вопросу о концентрации в капиталистическом обществе (La centralizzazione capitalistica, Torino, 1900). Он заботливо перечисляет там все причины, *замедляющие* концентрацию. Но странно, что он не упоминает о причинах, *маскирующих* ее. А, между тем, такие причины существуют. Самой сильной из них является быстрое скопление богатства в верхних общественных слоях.

VI.

В нашем примере мы оперировали с гипотетическими данными. Теперь пора обратиться к действительности.

Просим читателя обратить внимание на следующую таблицу, показывающую рост различных разрядов дохода в Англии за время с 1843 г. по 1879—1880 г.г.

Доходы в фунтах стерл.	1843 г.	1879—1880 г.
От 500 до 5,000	17,990	42,927
» 5,000 » 10,000	493	1,439
» 10,000 » 50,000	200	785
50,000 и выше	8	68

Число лиц, получавших от 500 до 5,000 ф. ст. дохода, *более чем удвоилось;* число лиц с доходом от 5.000 до 10.000 ф. ст. *почти утроилось;* число богачей, ежегодно кладущих в свой карман от 10.000 до 50.000 ф. ст., *почти учетверилось;* наконец, число миллионеров, пользующихся ежегодным доходом в 50.000 ф. и выше, *увеличилось в восемь раз* [1]).

Таким образом никакое сомнение невозможно: *неравенство* в распределении национального дохода очень увеличилось в Англии за указанный период. «Диффузия богатства» является поэтому не более, как «благонамеренной» ложью.

Правда, за тот же самый период времени *более, чем* утроилось число лиц с доходом от 150 до 500 ф. ст. Выходит, что число плательщиков *этого,*— самого скромного,—разряда росло быстрее числа плательщиков двух непосредственно за ним следующих разрядов и отстало лишь от четвертого (10.000—50.000 ф. с.) и от пятого (50.000 и выше) [2]). При некоторой доброй воле можно, пожалуй, сказать по этому поводу несколько слов о диффузии богатства в средних слоях плательщиков. Но теперь мы уже не смутимся такими словами; теперь мы хорошо знаем, что указанное нами явление могло быть вызвано множеством причин, *не имеющих ровно никакого отношения к «диффузии богатства»*. К тому же у нас остается налицо факт еще более быстрого роста числа плательщиков двух высших разрядов. Стало быть, увеличение общественного неравенства остается для нас вне всякого сомнения [3]).

---

[1]) См. приложение А к чрезвычайно интересной записке г-жи Э. Симкокс: Loss or gain of the working classes during the Nineteenth Century, напечатанной в *отчете* об Industrial Remuneration Conference London, стр. 96—97.

[2]) В 1843 г. число плательщиков самого низшего разряда равнялось 87.946, а в 1879—1880 г. оно дошло до 274.943.

[3]) Приведенные нами цифры до такой степени *безусловно опровергают Гошена*, что мы не считаем нужным утомлять внимание читателя подробным разбором значения того указанного английским министром факта, что число доходов, записанных под рубрикой E, значительно увеличилось в период 1875—1886 г. Скажем только, что рост капитализма необходимо предполагает рост числа *служащих* у частных лиц, равно как и у акционерных компаний. Но именно этот рост и ведет к усилению общественного неравенства; именно он-то и ведет к тому, что *крупные* доходы в общем растут гораздо быстрее *„умеренных"*.

Такое же увеличение видим мы и в других капиталистических странах.

В *Цюрихском кантоне* в период 1848—1885 г.г. состояния разных величин росли так:

Состояния:	1848	1885	Рост.
От 5000 до 50.000 фр. (около)	9100	17.000	90 проц.
» 50.000 » 500.000 » »	930	2.650	185 »
Выше 500.000 » »	30	190	530 »

В Базеле, в Гларусе, в Бремене, в Гамбурге, в Саксонском королевстве и в Пруссии замечено было подобное же отношение между числами, выражающими рост имуществ различных величин.

В Саксонском королевстве в период времени 1879—1890 г.г. число доходов выше 9.600 марок увеличилось на 100 процентов, а число доходов выше 100.000 марок—на 228 проц. [1]).

Для *Пруссии* у нас есть, кроме того, поразительная таблица Энгеля:

В промежуток времени 1845—1873 г.г. число плательщиков разных разрядов росло так:

Число плательщиков выросло:

В первом разряде	1000— 1.500 талеров	на	11[illegible],2 проц.
Во втором „	1600 — 3.200 „	„	132,3 „
В третьем „	3200 — 6.000 „	„	153,9 „
В четвертом „	6000— 12.000 „	„	224,8 „
В пятом „	12000— 24.000 „	„	370,6 „
В шестом „	24000— 52.000 „	„	476,3 „
В седьмом „	52000—100.000 „	„	468,4 „
В восьмом „	100000—200.000 „	„	433,3 „
В девятом „	200000 и выше „	„	2.00,0 [2])

Куда ни посмотрите, везде вы увидите одно и то же: действительное движение во всех странах капиталистического мира совершается в том самом направлении, в каком двигалось наше гипотетическое общество: *число плательщиков высших разрядов везде растет несравненно быстрее числа плательщиков небогатых.* Результаты, добытые наблюдением действительности, *поразительно совпадают* с результатами, получившимися у нас, когда мы предположили, что *увеличение общественного дохода не увеличивает благосостояния рабочего класса.* Но во многих случаях действительность оставляет да-

---

[1]) Cм. „Wirthschftliche Grundbegriffe" Неймана в Шенберговом „Handbuch der Politischen Oekonomie". I. Bd., 4 Auflage, S. 186. „Вообще,—говорит Бёмерт,—на основании саксонских данных можно признать, что хотя доход средних классов от 2100 (2200) до 9500 (9600) марок значительно растет в абсолютном смысле, но, что его процентное отношение к общей сумме дохода довольно значительно падает. Таким образом, здесь как будто замечается тот же ход развития, который можно было констатировать для производства средних размеров на основании имперских данных". Die Vertheilung des Einkonomens in Preossen und Sachsen. Dresden, 1898, S., 12.

[2]) Handwörterbuch der Staatswissenchaften, 2 Auflage, II Band, S. 36.

леко за собой наш гипотетический пример: в нашем примере разница в росте чисел плательщиков различных категорий значительно меньше, чем в Пруссии (по таблице Энгеля) или хотя бы в Цюрихском кантоне. Вероятно, это об'ясняется тем, что в нашем примере не отводилось достаточно места для концентрации имущества в небогатых слоях общества. Очень возможно, что в действительности такая концентрация значительно замедляет рост числа «умеренных» доходов.

Одним словом, характер нашего примера вполне соответствует действительному положению вещей в капиталистическом обществе. Но наш пример основывался на том предположении, что *распределение общественного дохода между различными классами общества делается все более и более неравномерным*. Ясно, что то же самое происходит и на самом деле.

Но если это так, то разглагольствования на тему о притуплении общественных противоречий, о диффузии богатства, об «обеднении» капиталистов и об «обогащении» работников являются горькой насмешкой над тем классом, которому с особенной силой дает себя чувствовать общественное неравенство. Учение Кэри-Бастиа и их потомства: Гошена, Шульце-Геверниц и проч., и проч., и проч. есть не более, как хитрая, но ни мало не убедительная речь адвокатов дела, проигранного, по крайней мере, в принципе.

VII.

Убедившись в этом, мы можем обратиться, наконец, к г. П. Струве.

Как относится этот почтенный «критик» к учению Кэри-Бастиа?

В его статье, напечатанной в «Архиве» Брауна, встречаются места, позволяющие совершенно определенно ответить, по крайней мере, на вопрос о том, что думает он о новейшей разновидности этого учения, т.-е. «диффузии богатства», придуманной Гошеном, Шульце-Геверницем и компанией. Вот одно из этих мест.

Маркс утверждал, как известно, что с развитием капитализма и с ростом производительности труда *уровень прибавочной стоимости*,—а, следовательно, и степень эксплоатации рабочего капиталистом, *повышается*. По поводу этой мысли Маркса г. П. Струве замечает:

«Но именно это положение трудно согласить с фактами. Для начальной стадии развития крупного капитализма (первое торжество машинного производства) оно, вероятно, было в общем правильно. Но нельзя признать, что повышение степени эксплоатации имело место в дальнейших стадиях и продолжится на неопределенное время в будущем. Дело в том, что уровень прибавочной стоимости может повышаться только тогда, когда понижается, по каким-нибудь причинам, заработная плата или растет прибавочная стоимость. Но понижение заработной платы вовсе не может быть названо характеристическим признаком новейшего экономического развития в капиталистических странах. Помимо же понижения заработной платы прибавочная стоимость может увеличиться или путем удлинения рабочего времени, или же путем увеличения напряженности труда. Но мы не можем констатировать и удлинения рабочего времени в капиталистических странах... Скорее приходится наблюдать обратное явление. Увеличение напряженности труда действительно имеет место, но это увеличение, по физиологическим причинам, во-первых, часто связывается с повышением заработной платы, а, во-вторых, наталки-

вается на непереходимую границу. Поэтому учение о постоянном повышении уровня прибавочной стоимости или степени эксплоатации труда в развивающемся капиталистическом обществе кажется мне несостоятельным. С успехом можно защищать противоположную тезу, которая и в самом деле нисколько не противоречит общему характеру новейшего экономического развития».

«Противоположная теза» есть именно «теза» нынешних обновителей учения Кэри-Бастиа. Мы уже обнаружили полнейшую несостоятельность этой тезы. Доказав, что неравенство в распределении национального дохода *возрастает*, мы тем самым доказали, что достающаяся рабочему классу *доля* этого дохода *уменьшается*. Покончив с *«оригиналами»*, мы могли бы уже не останавливаться перед *«списком»*, ограничившись простым констатированием того более или менее утешительного и удивительного обстоятельства, что он сделан очень удачно и отличается большим сходством с подлинниками. Но так как нам все-таки нужно, хотя отчасти, следовать за нашим «критиком», то мы должны рассмотреть также и его аргументацию. Кроме того, нам следует признать, что до сих пор мысль Маркса об увеличении степени эксплоатации рабочего капиталистом подтверждалась нами лишь *косвенно*, лишь посредством указания на возрастающее неравенство в распределении общественного богатства. Посмотрим теперь, можно ли привести какие-нибудь *прямые* доводы в пользу этой мысли.

Мы видели, что, по мнению г. П. Струве, это невозможно. Он говорит, что мысль Маркса может быть признана правильной только в применении к начальной стадии развития капитализма. Это совершенно не так.

Возьмем Соединенные Штаты Сев. Америки, где, по очень многим причинам, условия продажи пролетариатом своей рабочей силы несравненно благоприятнее для него, чем в какой бы то ни было из европейских стран. Как изменилась там *доля* рабочего класса в стоимости, создаваемой его трудом?

В 1840 г. он получал 51 процент, а в 1890 г. ему доставалось только 45 проц. этой ценности. Стало быть, его *доля понизилась*, а *степень эксплоатации его капиталистом повысилась*.

Мы заимствовали только что приведенные нами цифры у Кароля Д. Райта, который, при всей своей добросовестности, все-таки решительно предпочитает розовую краску черной [1]).

Кароль Д. Райт указывает также на причину, способствующую уменьшению доли рабочего класса. Он видит ее в развитии машинного производства или, как сказал бы Маркс, в изменении органического состава капитала [2]).

Что скажет нам по этому поводу наш «критик»? Думает ли он, что Соединенные Штаты Сев. Америки до сих пор не вышли из начальной стадии капитализма?

Г. П. Струве цитирует книгу К. Д. Райта. Стало быть она ему известна. Но он, как видно, не расслышал того, что говорит американский статистик о понижении *доли* рабочего класса. Ох, глухота—большой порок!

---

[1]) См. его Industrial Evolution of the United States. New-Jork, 1895, p. 192. Если Эткинсон в своих расчетах приходит к другим выводам, то это объясняется просто-на-просто тем, что он *принимает понижение уровня прибыли за понижение нормы прибавочной стоимости*. Его пример прекрасно показывает, до какой степени необходимо для статистика знание *теоретической экономии*.

[2]) Там же та же стр.

В *Англии,* в период 1861—1891 г., национальный доход поднялся с 832 миллионов ф. с. до 1600 милл., между тем, как заработная плата повысилась от 388 до 693 милл. ф. с. Это значит, что уровень прибавочной стоимости, который в 1861 г. равнялся 114,43 проц., в 1891 г. поднялся до 130,8 проц. [1]).

Как думает г. П. Струве: в какой «стадии» находился английский капитализм в течение указанного периода?

Или, может быть, г. «критик» захочет повторять те доводы, с помощью которых цитированный нами Боулей старается смягчить впечатление, производимое сообщаемыми им цифрами, и убедить читателя в том, что *доля* английского рабочего класса в национальном продукте *все-таки* не уменьшилась? Пусть попробует. Мы без труда покажем ему слабость этих доводов. Теперь же на всякий случай, мы обратим его внимание на следующий факт.

У английских статистиков под рубрикой заработной платы фигурирует также *жалованье, получаемое прислугой,* которое на самом деле *уплачивается из прибавочной ценности.* Прислуга в Англии очень многочисленна. В 1884 г. число слуг доходило там, по Леони Леви, до 2.400.000, тогда, как число земледельческих рабочих не превышало 900.000. В том же году и по рассчету того же Л. Леви, английская прислуга получила 86 миллионов ф. с., а земледельческим рабочим досталось не более 67 миллионов. Если мы предположим, что в 1891 г. жалованье, уплаченное прислуге, не превышало того, что было получено ею в 1884 г., и если мы, вычтя 86 миллионов из общей суммы платы, полученной английским рабочим классом в 1891 г., приложим эти миллионы к общей сумме прибавочной стоимости того же года, то *уровень* этой последней еще более повысится. Вообще рабочий класс в Англии вряд ли получает более одной трети национального дохода.

Во *Франции,*—по рассчету А. Коста, относящемуся к 1890 г.—национальный доход распределяется так:

	Миллионы фр.
Земледельческие рабочие	2.000
Промышленные »	3.600
Служащие разных родов	1.000
Прислуга	1.400
Ремесленники, мелкие земледельцы, мелочные торговцы, лица, занимающиеся перевозкой, солдаты, моряки, жандармы, мелкие чиновники, белое духовенство, монахи, и монахини, учителя и учительницы и т. д. .	4.000

Капиталисты:

	Миллионы фр.
1) в земледелии	от 3.500 до 4.500
2) в промышл., торговле и в трактирном деле	» 3.500 » 4.500
3) рантье, лица, получающие пенсию от государства, и лица свободных профессий	» 2.500 » 3.000 [2])

---

[1]) Боулей, „Changes in Average Wages in the United Kingdom between 1860 and 1891, в „Journal of the R. S.“ June, 1895.

[2]) См. V Turquan „Evolution de la fortune privée en France“ в „Revue d'Economie politique“, Fevrier, 1900.

Сложив все эти цифры, мы получим около 22 миллиардов, из которых рабочим, ремесленникам и мелким крестьянам достается, как и в Англии, *не более одной трети.*

Такая высокая степень эксплоатации возможна *только при очень развитой производительности труда.* Она физически невозможна была 30—35 лет тому назад, когда, по расчетам самых компетентных людей, национальный доход Франции едва доходил до 15 миллиардов. Поэтому г. П. Струве очень ошибается, приурочивая рост эксплоатации рабочего класса к начальной стадии капитализма.

VII.

Нашего «критика» смущает то обстоятельство, что заработная плата повысилась в течение последнего полустолетия во многих странах и во многих отраслях промышленности. Но всякий, хоть немного знакомый с политической экономией, знает, что *повышение заработной платы* может итти рука об руку с понижением *цены рабочей силы,* а, следовательно, и с *возрастанием степени эксплоатации рабочего. Заработная плата* в Англии выше, чем на континенте, а *цена рабочей* силы выше на континенте, чем в Англии. Это—старая истина [1]). Но апологеты капитализма, часто повторяющие эту истину, обходят ее скромным молчанием, когда, основываясь на факте повышения заработной платы, они стараются доказать ту же знакомую нам «тезу», что капиталисты «беднеют», а рабочие «обогащаются». Маркс очень хорошо замечает в первом томе «*Капитала*»: «Понятно, следовательно, почему так важно *превращение формы* стоимости и цены рабочей силы в *рабочую плату* или в стоимость и цену самого труда. На этой *форме проявления,* скрывающей действительные отношения и показывающей совершенно противное им, основываются все правовые представления, как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все капиталистические иллюзии о свободе, все оправдательные уловки вульгарной политической экономии» [2]). Замечательно, что в своем качестве «критика» Маркса г. П. Струве не только стал очень снисходителен к оправдательным уловкам вульгарной политической экономии, но и сам начал прибегать к ним. Самым выдающимся проявлением этой новой его склонности является, бесспорно, его замечание о том, что «прибавочная ценность, воплощенная в прибавочном продукте, создается не только живым трудом», а есть функция всего общественного капитала [3]). Это—Геркулесовы столбы буржуазной апологетики. Но и в статьях, занимающих нас в настоящее время, встречаются очень ценные перлы этого рода. К их числу принадлежит ссылка на рост заработной платы, как на доказательство *понижения уровня прибавочной стоимости.*

Что рабочий день во многих,—и притом главнейших,—отраслях

---

[1]) „I maintain, un hesitatingly", that daily wages are no criterion at the actual cost executing works". (Th. Brassey, On Work and Wages, London, 4873, p. 66. XVI).

[2]) Капитал, том I, С.-Петербург. 1872 г., стр. 468.

[3]) В статье: „Основная антиномия теории трудовой ценности". „Жизнь", февраль, 1900 г. Эта статья мягко, но беспощадно разобрана Карелиным в октябрьской и ноябрьской книжках „Научного Обозрения" за тот же год, в статье "Заметки".

производства теперь короче, чем был несколько десятков лет тому назад, это справедливо, но и это неубедительно. Сокращение рабочего дня с лихвой окупилось увеличением напряженности труда. Это опять-таки всем известно. Правда, увеличение напряженности труда *может* натолкнуться *со временем* на непереходимые физиологические границы. Но опыт показывает, что эта *возможность* до сих пор не перешла в *действительность* [1]).

Не отрицая факта повышения заработной платы, позволительно, однако, спросить, как же высоко поднялась она, например, в передовых странах европейского континента? А на этот вопрос действительность отвечает подчас довольно неожиданным образом.

По Фойту, рабочему для восстановления его сил необходимы следующие количества питательных веществ:

	Белковых.	Жиров.	Углеводов.
При умеренной работе	118 грамм.	56 грамм.	500 грамм.
При интенсивной »	145 »	100 »	450 »

Если работающий человек не потребляет указанного количества веществ, то его организм истощается; его рабочая сила подрывается в своем корне; он переживает процесс *физиологического обнищания.* Далек ли от такого обнищания современный европейский рабочий?

На основании данных, собранных Дюкпесио, брюссельский профессор Гек. Дэни нашел, что в 1853 г. бельгийский рабочий в среднем потреблял:

Белковых веществ	70 граммов
Жиров	26,2 »
Углеводов	461 »

Это значит, что в то время бельгийский пролетарий далеко не мог восстановлять пищей свою силу, затрачиваемую в процессе производства. А из этого, очевидно, следует, что *цена рабочей силы стояла тогда гораздо ниже ее стоимости.*

Прошло более тридцати лет; бельгийский капитализм пережил блестящую «стадию» своего развития, а бельгийский рабочий продолжал разрушать свою силу недостаточным питанием. В восьмидесятых годах его организм получал:

Белковых	82.278 граммов.
Жиров	77.926 »
Углеводов	589.408 [2]) »

---

[1]) В Соединенных Штатах труд несравненно интенсивнее, чем в Европе, французские рабочие, ездившие на международную выставку в Чикаго, поражались интенсивностью труда американских рабочих (см. Rapports de la délégation ouvrière à l'exposition de Chicago, Paris, 1894). Но и в Америке естественный предел интенсификации пока еще не достигнут, хотя интенсивность труда растет очень быстро. См. об этом у Левассера, L'ouvrier americain, Paris, t. I, p. 97 и следующие. Не перейден этот предел и в *Австралии*: „Je n'ai trouvé en Australie personne, qui fut contre la journée de huit à neuf heures; chacun donnait pour expliquer cette opinion la méme raison: que l'intensité du travail est plus grande avec la journée courte". Albert Metin. „Le socialisme sans doctrines, Australie et Nouvelle Zélande", Paris 1901. p. 132. XVII). Увеличение *интенсивности труда* является там источником *безработицы* для *слабых* рабочих, не могущих поспевать за более сильными (Ibid., p. 146). Правда, для того, чтобы вызвать такое действие, нужно было еще установление *минимума заработной платы.*

[2]) H. Denis" La dépression économique et sociale" Bruxelles-, 1895 p. 145.

Какой огромный прогресс! Какое завидное улучшение участи рабочего класса! Рабочий получает теперь целых *двенадцать* лишних грамм белковины, не говоря уже о прибавке жиров и особенно углеводов! Как же не говорить после этого о притуплении общественных противоречий? Ведь если улучшение быта бельгийских рабочих и впредь пойдет также быстро, то в следующем геологическом периоде они станут, пожалуй, получать *почти* столько, сколько нужно для нормального питания организма.

Рассуждая серьезно, мы совсем не имеем права с уверенностью говорить об улучшении, хотя бы *самом крохотном,* питания бельгийского рабочего. Тут все зависит от того, как относится его теперешняя трата рабочей силы к ежедневной трате, имевшей место в пятидесятых годах. Если трата *увеличилась,* то питание стало, может быть, *еще менее удовлетворительным,* несмотря на некоторую прибавку питательных веществ. Следовательно, даже и двенадцать лишних грамм белковины не обеспечивает нас от пессимистических умозаключений насчет социальных последствий капиталистического прогресса.

Все, что мы знаем, это то, что бельгийский рабочий до сих пор не имеет экономической возможности восстановлять питанием свою рабочую силу. Вот что говорит по этому поводу человек, которого трудно заподозрить в упрямом «догматизме» ортодоксальных марксистов, именно, губернатор западной Фландрии:

«Известно, что минимальное количество необходимой для солдата пищи равняется 1066 гр. хлеба, 285 гр. мяса и 200 гр. овощей. Наши рабочие, трудящиеся с утра до вечера, нуждаются в значительно большем количестве питательных веществ. Однако, потребляемая ими пища очень отстает от минимального солдатского пайка» [1]).

Рабочая сила бельгийского пролетария до сих пор продается гораздо ниже своей стоимости, а его заработная плата в последнее полустолетие, несомненно, поднялась довольно «значительно». Известно, что чем ниже уровень заработной платы, тем громче звучит всякое его повышение. Если рабочий получает пятачок в день, то прибавка на одну копейку может быть окрещена громким именем *повышения уровня платы на 20 процентов!* Но само собою разумеется, что такое *«значительное»* повышение ни мало не устранит социальной и физиологической нищеты работника.

Г. П. Струве очень пренебрежителен к блаженной памяти железному закону заработной платы. Защищать этот закон теперь, конечно, совсем невозможно: слишком уже ясно обнаружил Маркс его несостоятельность. Но нельзя не согласиться и с тем, что иному бельгийскому рабочему закон этот,—даже в той его формулировке, которую ему придавали Лассаль и Родбертус,—мог бы показаться *золотым законом.*

IX.

У Ибсена тролли предлагают Перу Гюнту помять ему левый глаз. «Ты будешь, правда, слегка косить после этого,—успокоительно прибавляет их глава,—но все, что не немного представится твоему взору, покажется тебе

---

[1]) Цитировано у Г. Дени, op. cit., p. 144; это свидетельство относится к восьмидесятым годам.

прекрасным и отрадным». Над нашим критиком подобная же операция сделана была *школой Брентано,* свято хранящей традицию Кэри-Бастиа. Не знаем точно, какой именно глаз помяла ему почтенная школа; но во всяком случае она сделала так, что капиталистический порядок кажется ему теперь, если и не безусловно прекрасным и отрадным, то все-таки несравненно более привлекательным, чем он показался бы ему при нормальном зрении. Одним из многочисленных доказательств этого являются его рассуждения о капиталистической эксплоатации женщин и детей.

Каутский в споре с Бернштейном высказал ту мысль, что увеличение числа работающих по найму женщин и детей свидетельствует об обеднении рабочего класса. Эта мысль, как видно, очень не понравилась г. П. Струве. «Когда я читал Каутского»—ехидно замечает он,—мне показалось, что я слушаю речь почтенного Декуртинса на Цюрихском конрессе»... «Если бы я разделял взгляд Каутского на женский труд, то я принял бы также и касающиеся этого труда практические предложения католических социал-политиков» [1]). Прекрасно. Но как же смотрит на этот вопрос сам г. П. Струве? Слушайте.

Он признает, что в Германии женский и детский труд действительно очень увеличился в своих размерах в течение 1882—1895 г.г.; но он указывает на то, что рост женского и детского труда особенно заметен был там в торговле и вообще в таких отраслях, где в предприятии очень нередко трудятся члены собственной семьи предпринимателя. Отсюда он делает тот успокоительный вывод, что мнение Каутского об этом труде надо брать cum grano salis. «Ход развития вообще не так однообразен и смысл его не до такой степени одинаков,—говорит он,—как это представляется в схеме теории обнищания» [2]). А дальше у него следует уже совсем утешительная ссылка на Соединенные Штаты Северной Америки, где женский труд в период 1840—1890 г. г. уменьшился *относительно,* а детский также и *абсолютно.*

Выходит, что капитализм и есть то самое копье, которое само исцеляет наносимые им раны: в «начальной стадии» он точно, маленько пошаливает и не щадит ни взрослых мужчин, ни женщин, ни детей, стремясь взять под свой «начал» все живое и способное к производству прибавочной стоимости. Но это не более, как увлечения и ошибки молодости. Приходя в зрелый возраст, капитализм смягчается и мало-по-малу ослабляет крепко натянутые вожжи; тогда понижается степень эксплоатации им пролетариата, и тогда измученные им женщины и дети получают, наконец, возможность отдохнуть у себя дома, в той домашней обстановке, которая, в свою очередь, все более и более улучшается не только абсолютно, но и относительно, т.-е. в сравнении с домашней обстановкой г. г. капиталистов. Все это так отрадно, удивительно, утешительно и необходимо, что мы, право, не понимаем почему г. П. Струве высказывается против *«однообразия».* Конечно, однообразие производит очень тяжелое впечатление, когда мы встречаемся с ним *«в схеме теории обнищания»; но в схеме обогащения работников и обеднения капиталиста* оно скорее приятно и даже нисколько не утомительно,—в доказательство сошлемся на самого г. П. Струве: все его нынешние экономические рассуждения очень однообразны и монотонны, но нужно быть мрачным «эпигоном» Маркса, чтобы не умилиться душой под их облагораживающим влиянием...

---

[1]) Archiv, S. 732—73.
[2]) Ibid., S. 734.

Беда лишь в том, что неумолимая действительность резко противоречит этим облагораживающим рассуждениям. Возьмем хоть эксплоатацию капиталом женщин и детей. Г. П. Струве позабыл, что в Германии число женщин, занимающихся *промышленным трудом*,—число *наемных работниц*,— увеличилось в период 1883—1895 г. г. *на 82 процента*, тогда как число мужчин возросло только *на 39 процентов*. Если нас не обманывает наша односторонность «эпигона», то эти цифры указывают, *как на абсолютное, так и на относительное* увеличение числа эксплоатируемых капиталом лиц женского пола. А что же гонит женщин под иго капитала? Уж, конечно, не мнимое «*обогащение*» пролетариата!

Кароль Д. Райт действительно говорит, что в Соединенных Штатах число женщин, занятых промышленным трудом, было в 1850 г. *относительно* больше, чем в 1890 г., но сам же он и замечает при этом, что *точные* данные относительно женского труда существуют только, начиная с 1870 года [1]). А что же мы видим, начиная с того времени? Мы видим *постоянное— абсолютное и относительное—увеличение размеров женского труда.* В своем одиннадцатом годовом отчете тот же К. Д. Райт приводит цифры, из которых, по его собственным словам, следует, что «пропорция женщин, от 10 лет и выше, занятых во всех отраслях труда, *выросла* с 14,68 процентов (общей цифры женского населения. — *Г. П.)* в 1870 г. до 17,22 процентов в 1890 г., а пропорция мужчин *понизилась* (курсив опять наш) с 85,32 процентов в 1870 г. до 82,78 процентов в 1880 г., вполне подтверждая, (fully corroborating) тот факт, указанный в настоящем исследовании (т.-е. в одиннадцатом годовом отчете «комиссионера труда» — *Г. П.),* что женщины до известной степени занимают место в *ущерб мужчинам* (курсив наш) [2]).

В мануфактурной и механической промышленности (manufacturing and mechanical indusries) женщины составляли в 1870 г. 14,14 процентов, а в 1890 г. уже 20,18 процентов всего числа рабочих [3]).

«Поэтому абсолютно доказан тот факт (fact is absolutaly demonstrated), что пропорция женщин... (занятых наемным трудом — *Г. П.)* постепенно возрастает» [4]).

С тем же самым выводом г. П. Струве встретится в известном сочинении Сарториуса: «Die nordamerikanischen Gewerkschaften unter dem Einfluss der fortschreitenden Productionstechnik», Berlin, 1886. Там, на странице 109, мы находим следующую таблицу, показывающую *относительный* и абсолютный рост женского труда в различных штатах северо-американского союза.

	Работницы на фабриках.		Население.	
	1850	1880	1850	1880
Пенсильвания	22.078	73.046	2.311.786	4.282.891
Нью-Джерсей	8.762	27.099	489.555	1.131.116
Иллинойс	493	15.233	815.470	3.077.871
Нью-Иорк	51.612	137.455	3.097.394	5.082.871
Огайо	4.437	18.563	1.980.329	3.198.062
Нью-Гэмпшир	14.103	29.356	317.976	346.991

[1]) Industrial Evolution., p. 204.
[2]) Eleventh annual Report of the Commissioner of Labor Washington. 1897, p. 21.
[3]) Ibid., p. 22.
[4]) Ibid., p. 22.

Из этого видно, чьи слова надо брать cum grano salis—Каутского, или г. П. Струве.

А *детский* труд?

В период 1870—1880 г. число работающих детей от 10 до 15 лет *поднялось* в Соединенных Штатах с 13,9 процента всех детей этого возраста до 16,82 процента. Наоборот, с 1880 по 1890 г. это число *упало* до 10,34 проц. Это вызвано было действием фабричного законодательства, затруднившим применение детского труда. Число работающих детей сократилось преимущественно в штатах Новой Англии, где указанное действие было особенно сильно. А там, где оно было слабее, детский труд принял еще более широкие размеры, чем в предыдущее десятилетие [1]).

Оправдательные уловки г.г. «критиков» Маркса так же мало способны закрыть истину от глаз внимательного исследователя, как и апологетические упражнения вульгарных экономистов. Всякий, имеющий очи, видит, что развитие капитализма приводит именно к тем результатам, о которых говорил Маркс; не довольствуясь эксплоатацией взрослых рабочих, *капитал все более и более стремится подчинить себе женщин и детей.* А возрастающее подчинение ему женщин и детей, несомненно, означает ухудшение общественного положения рабочего класса.

Однако, остановило же фабричное законодательство увеличение числа работающих на фабриках детей, по крайней мере, в некоторых штатах Северной Америки,—скажет нам г. Струве [2]).

Да,—ответим мы! Но это совсем не опровергает и даже *не видоизменяет* общего смысла марксовой теории социального развития. Что фабричное законодательство способно сохранить некоторые интересы рабочих, это признается еще в «Манифесте коммунистической партии» [3]). Но вопрос не в том, оградило или не оградило фабричное законодательство *некоторые* интересы рабочих, а в том, какова *алгебраическая сумма* выгодных для пролетариата последствий фабричного законодательства, представляющих собою *положительную* величину, и той тенденции к ухудшению социального положения рабочего класса, которая свойственна капитализму и которая составляет величину *отрицательную.* Маркс утверждает, что эта алгебраическая сумма *не может быть положительной величиной,* т.-е. что социальное положение рабочего ухудшается, *несмотря* на выгоды, проистекающие для него от фабричного законодательства. Это же самое—и только это—до сих пор утверждают его «ортодоксальные» последователи. А так называемые критики Маркса говорят *противное.* Они стараются доказать, что знаменитая «социальная реформа» *уже повысила* социальное положение рабочего, со временем повысит его еще больше, так что со временем, приблизительно этак в следующем геологическом периоде, *капиталистический способ производства* незаметно перейдет *в социалистический.* Кто прав? Все, что мы узнали до сих пор, все те факты и явления, с которыми мы до сих пор имели дело, решительно свидетельствуют

---

[1]) Левассёр—L'ouvrier américain, I, 198.

[2]) Ср. его замечание о возможном влиянии „социальной реформы" на женский труд. Archiv., S. 733.

[3]) „Пользуясь взаимными несогласиями различных слоев буржуазии, она (организация пролетариев) добивается признания некоторых интересов рабочих со стороны закона. Так было с десятичасовым биллем в Англии" (Манифест, глава I, Буржуа и пролетарии).

в пользу Маркса и «ортодоксов»: в *экономическом* отношении расстояние между пролетариатом и буржуазией *увеличилось;* рабочий класс сделался *относительно* беднее, потому что его *доля* в национальном продукте относительно уменьшилась. Как ни важны были для рабочего класса фабричное законодательство и прочие паллиативы «социальной реформы», но они далеко не могли перевесить невыгодной для него тенденции развивающегося капитализма к приниженню пролетариата. Пролетариат находился в положении человека, плывущего против могучего течения: если бы он без сопротивления отдался силе воды, то его отнесло бы *очень далеко* назад; но он сопротивлялся; он старался подвинуться вперед, и потому течение отодвинуло его назад *не так далеко,* как *могло бы* отодвинуть; но оно *все-таки отодвинуло* его, потому что *все-таки оно было гораздо сильнее* [1]).

X.

До сих пор мы говорили об *относительном ухудшении* положения рабочих. Но мы не забыли, что некоторые «критики»,—в том числе и г. П. Струве,—доказывают, что у Маркса речь шла вовсе не об относительном, а об *абсолютном* его ухудшении. Если послушать этих господ, то выйдет, что все толки «ортодоксов» об относительном ухудшении представляют собою не более, как софизмы зарвавшихся спорщиков, чувствующих себя побежденными, но не желающих в этом сознаться. Так ли это на самом деле?

В брошюре *«Наемный труд и капитал»,* основой которой послужили, как известно, лекции, читанные Марксом в брюссельском немецком обществе *в 1847 году,* Маркс доказывает, что даже в том, наиболее благоприятном для рабочих случае, когда быстрый рост капитала, увеличивая спрос на рабочую силу, повышает заработную плату, положение рабочих *относительно ухудшается.* «Быстрый рост производительного капитала,—говорит он,—вызывает столько же быстрый рост богатства, роскоши и общественных наслаждений. Поэтому, несмотря на то, что доступные рабочему наслаждения возросли, доставляемое ими удовлетворение понизилось, в виду увеличившихся недоступных рабочим наслаждений капиталиста, в виду более высокой ступени общественного развития вообще. Наши потребности и наслаждения создаются обществом; поэтому мы прикладываем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для удовлетворения. Общественный характер наших потребностей и наслаждений делает их относительными».

Что это, как не теория *относительного* ухудшения быта рабочего класса?

---

[1]) *Примечание к настоящему изданию.* Роунтрей, на основании внимательнго изучения данных, относящихся к городу Йорку, пришел к тому выводу, что: I) Десять процентов населения этого города получает меньше 21 шиллинга 8 пенсов в неделю и потому живет в условиях того, что он называет primari poverdy II) 1793% того же населения живет в условиях secondary powerdy, т.-е. хотя и имеет заработок, превышающий 21 шиллинг 8 пенсов, но имеет разные побочные,— производительные или непроизводительные расходы. (Powerdy A study of Town Life, second edition, p. 298). По мнению Роунтрея, от 25% до 30% всего городского населения соединенного населения живет в бедности (Ibid., p. 304). Вот он „автоматический социализм"! Роунтрей прибавляет, что такая бедность царствовала, несмотря на рост народного богатства и во время „неслыханного процветания" (Ibid., p. 304). Да, Гошен прав. „Цифры не лгут".

Далее. «Если, следовательно, с быстрым ростом капитала увеличивается доход рабочего то в то же время увеличивается и общественная пропасть, отделяющая рабочего от капиталиста, увеличивается власть капиталиста, увеличивается власть капитала над трудом, зависимость труда от капитала. Сказать, что рабочий заинтересован в быстром возрастании капитала, это значит сказать лишь следующее: чем быстрее рабочий увеличивает чужие богатства, тем более жирные крохи достаются ему самому, тем больше рабочих может получить заработок, тем больше может увеличиться число рабочих— рабов капитала... При быстром росте капитала заработная плата может, пожалуй, увеличиться, но несравненно быстрее увеличивается, во всяком случае, прибыль капитала. Материальное положение рабочего улучшается, но улучшается на счет его общественного положения. Пропасть, отделяющая от капиталиста, расширяется».

Эти цитаты неоспоримо показывают, что Маркс вовсе не так чужд был понятия об *относительном* ухудшении положения рабочего класса, как хотят уверить нас г.г. «критики». Из них видно также и то, что Маркс не перестал бы говорить об *обеднении* рабочего класса даже в том случае, если бы в положении этого класса замечено было *абсолютное* улучшение. Но то правда, что в цитированной нами брошюре Маркс, анализируя *действительный* ход развития капиталистического общества, находит, что рост капитала далеко не всегда связан с абсолютным улучшением положения рабочего класса. «*Чем более возрастает производительный капитал,*—говорит он,—*тем более развивается разделение труда и применение машин, тем сильнее становится конкурренция между рабочими, тем более уменьшается их заработная плата*» [1]). Далее, он указывает на то, что развитие капитализма толкает в ряды наемных рабочих все новые и новые слои населения, и заканчивает свою брошюру таким общим выводом:

«*Быстрый рост капитала вызывает несравненно более быстрое усиление конкурренция между рабочими, — другими словами, ведет к тем большему относительному уменьшению источников заработка, средств существования рабочего класса; а, между тем, быстрый рост капитала является самым благоприятным условием для наемного труда*» [2]).

В то время Маркс полагал, как видно, что относительное уменьшение источников заработка непременно должно вести к понижению заработной платы. Поэтому он думал, что с развитием капитализма заработная плата стремится к понижению. Это был взгляд, общий со многими тогдашними социалистами [3]).

Но в брошюре «Наемный труд и капитал» экономические взгляды Маркса выступают перед нами еще не в законченном своем виде [4]). Он еще не различает там прибыли от прибавочной заработной платы от цены рабочей силы. Поэтому мы обратимся к главному его сочинению, к «*Капиталу*».

В первом томе «Капитала» Маркс говорит, что, благодаря росту производительности труда, цена рабочей силы может *упасть*, несмотря на одновременное *увеличение* количества жизненных средств, поступающих в распоряжение работника [5]). Здесь различается, стало быть, *относительное* ухудше-

---

[1]) Там же, стр. 47, курсив в подлиннике.
[2]) Там же, стр. 48.
[3]) Ср., например, Луи Блана—«Organisation du travail» V éd., p. 40.
[4]) Ср. замечание Энгельса в предисловии к этой брошюре.
[5]) Капитал, т. I, стр. 451.

ние положения работника от его *абсолютного* ухудшения. В другом месте того же тома Маркс, приведя мнение Гладстона о том, что «опьяняющий» рост общественного богатсва Англии сделал бедных менее бедными, замечает: «Если рабочий класс остался «беден» и только менее «беден» по мере того, как он производил опьяняющее увеличение богатства и силы» для имущих классов, то относительно он остался столь же беден, как и прежде. Если крайности нищеты не уменьшились, то они увеличились, потому что увеличились крайности богатства [1]).

Что это, как не теория *относительного* обеднения рабочего класса?

Правда, Маркс и в «*Капитале*» указывает на причины, стремящиеся *понизить заработную плату*. Но, установив чрезвычайно важное различие между *платой,* получаемой работником, и *ценой* его *силы,* он уже не утверждает, что повышение степени эксплоатации рабочего непременно ведет к падению заработка. Нет, по прямому и ясному смыслу его законченной доктрины понижение цены рабочей силы и относительное ухудшение положения рабочего может сопровождаться повышением его платы [2]). Нельзя поэтому не подивиться остроумию тех людей, которые хотят опровергнуть Маркса указанием на то, что заработная плата повышалась во второй половине XIX века. Их остроумие заслуживает тем большей похвалы, что указание это, — поскольку оно справедливо, — относится, в особенности, к так называемым обученным рабочим, между тем, как Маркс в «*Капитале*» приводит примеры преимущественно из жизни *необученных* рабочих [1]).

XI.

Г. П. Струве очень не нравится то место «Капитала», где Маркс говорит, что чем выше производительность труда, тем сильнее тяготение рабочих к средствам их занятия и тем ненадежнее условия их существования. Читатель помнит знаменитые строки:

«Наконец, закон, по которому относительный избыток населения или резервная промышленная армия постоянно находится в равновесии с размером и *силою накопления,* этот закон приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал к скале Прометея. Этот закон обусловливает *накопление нищеты* соответственно *накоплению богатства.* Накопление богатства на одном полюсе производит в то же время на другом,—т.-е. на стороне класса, *производящего свой собственный продукт в виде капитала,*—накопление нищеты, тягостей труда, рабства, невежества, огрубения и нравственного унижения [2]).

Г. П. Струве полагает, что эти строки не соответствуют истинному положению дела в современном обществе, и что, если бы они действительно соответствовали ему, то осуществление «конечной цели» Маркса стало бы совершенно невозможным.

Рассмотрим это мнение нашего «критика».

Верно или не верно то, что с развитием производительности труда условия существования работника становятся все более и более ненадежными?

---

[1]) Капитал, т. I. стр. 562.
[2]) Ibid. стр. 556.

Люди, внимательно изучившие этот вопрос и, сколько мы знаем, никем еще не заподозренные в «догматизме», говорят, что это верно.

В самом деле, припомните мнение английской комиссии, занимающейся изучением вопроса об угнетенном состоянии промышленности. Большинство комиссии думало, что в настоящее время цивилизованные нации могут производить гораздо больше продуктов, чем их нужно на всемирном рынке [1]). Несоответствие между производительной силой и способностью потребления вызывает угнетенное состояние промышленности и падение прибыли. Предоставляем самому читателю судить, *как* должно влиять на условия существования рабочих такое состояние дел, вызываемое высоко-развитым состоянием общественных производительных сил.

А меньшинство высказалось еще решительнее и определеннее. По его мнению, в последние сорок лет (доклад вышел в 1886 году) в жизни цивилизованных наций произошла очень большая перемена: производительность их труда достигла такой высокой степени развития, что теперь главное затруднение состоит уже не в дороговизне или редкости продуктов, а в приискании себе занятия, при отсутствии которого огромное большинство населения лишается всяких средств существования [2]).

Пусть опять сам читатель судит, противоречит ли это вышеприведенным словам Маркса, или же подтверждает их.

Комиссия не оставила места ни для какого сомнения насчет характера затруднения, вызванного развитием производительности труда: оно состоит, по ее словам, в уменьшении для рабочего класса источников заработка, т.-е., следовательно, в создании *относительного перенаселения. Это как раз то самое, что говорил Маркс.*

Итак, по мере развития капитализма, условия продажи рабочей силы *изменяются к невыгоде ее продавцов,* чем в достаточной степени об'ясняется указанное и доказанное нами уменьшение *доли* рабочего класса в национальном доходе. Но, говоря это, мы совсем не отрицаем повышения заработной платы в некоторых отраслях производства. Мы только замечаем, что это повышение сопровождается понижением цены рабочей силы, и что, кроме того, оно вовсе не так значительно, как уверяют апологеты капитализма.

Гиффен утверждал, что в периоде 1833—1883 г.г. уровень заработной платы поднялся в некоторых отраслях английской промышленности на 100 и даже более *процентов* [3]). Это—страшное преувеличение, на которое давно уже указано с разных сторон. Сравнение цифр 1833 года с цифрами восьмидесятых годов очень мало доказывает по той простой причине, что в 1833 году, т.-е. *до реформы законодательства о бедных,* многие семейные рабочие получали поддержку от своего прихода, что, несомненно, вызывало

---

[1]) См. уже много раз цитированный нами заключительный доклад этой комиссии, стр. XVII.

[2]) Там же, стр. LIV.

[3]) „The Progress of the Working Classe sin the last Half Century", речь, прочитанная в Статистическом обществе и перепечатанная в Essays in Finance, second series, London 1886; сравни его же „Further Notes on the Progress of Working Classe" etc в Journal of the R. S. Society, March, 1886 г. Эти Notes также перепечатаны в Essays in Finance.

искусственное понижение уровня заработной платы [1]). Кроме того, даже и это, непозволительное в научном смысле сравнение не всегда подтверждает радужные выводы «первого английского статистика». Так, например, плата хорошего матроса доходила в 1833 г. до 60 шиллингов в месяц; в восьмидесятых годах она стояла на том же уровне. В 1833 г. лондонские наборщики зарабатывали в среднем до 36 шиллингов в неделю; в восьмидесятых годах *их заработок был не* больше того [2]). Однако, главное дело не в этом, а в том, что повышение заработной платы сопровождалось в Англии целым рядом явлений, значительно ослаблявших его выгодные для рабочих последствия. В продолжение рассматриваемого периода городская жизнь получила очень большое развитие, вследствие чего неизбежные расходы рабочего значительно увеличились, вздорожали квартиры [3]), рабочие оказались вынужденными ездить на работу по железной дороге или в трамвае, между тем, как прежде краткость расстояния позволяла им ходить пешком, и т. д. Кроме того, невольные прогулы стали теперь чаще, чем прежде. Один из секретарей союза литейщиков, м-р Гей, расчитал, на основании имевшихся в его распоряжении книг союза, что его товарищи теряют в виде невольных прогулов до 20 проц. своего рабочего времени [4]). Эта цифра указывает на размеры той резервной армии рабочих, существование которой склонен *отрицать* наш «критик» [5]). Гобсон полагает, что «общее положение труда в Англии есть положение крайнего непостоянства занятий», и что «потеря времени и энергии в настоящее время гораздо больше, чем это было полвека тому назад или в течение XVIII столетия» [6]). Это, разумеется, забывают принять в соображение «ученые», разглагольствующие об «автоматическом социализме» капиталистического общества.

Как *легкомысленны* становятся самые «*достопочтенные*» представители буржуазии, когда они пускаются толковать об «обогащении» рабочих, показывает пример уже знакомого нам Гошена. Как на довод в пользу приду-

---

[1]) Ср. относящееся сюда замечание Б. Джонса в Discussion on. Mr. Giffen's Paper, Journal etc., March, 1886, p. 96. Само собою понятно, что чем больше было искусственное понижение уровня заработной платы *до* издания закона 1834 года, тем грандиознее должно было *казаться* улучшение материального положения рабочего *после* издания этого закона, когда заработная плата стала служить единственным источником существования трудящейся массы.

[2]) Указание того же Б. Джонса, там же, та же страница. Много очень решительных возражений Гиффену сделано было и на Industrial Remuneration Conference. Ллойд Джонс разоблачил на этой же конференции поэтические вольности некоторых других английских статистиков. См. Report этой конференции, стр. 35.

[3]) Чедуик говорит, что в Лондоне квартиры стали *вдвое* дороже (Journal of the R. S. Society, March, 1886, Discussion Mr. Giffen's Paper, p. 97). Г-жа Э. Симкокс находит, что вздорожание квартир поглотило до трех пятых того приращения, которое произошло в заработке рабочего вследствие повышения уровня платы. Industrial Rem. Conference Report, p. 92.

[4]) Ibid., p. 30.

[5]) Конечно, эта склонность свойственна не ему одному. Левассёр успокоительно говорит: „En temps ordinaire, on peut dire vaguement qu'il se trouve sans ouvrage moins du dixième des ouvriers de l'industrie et probablement moins du viengtième des salariés (femmes et enfants compris)" (L'ouvrier américain, t. XVIII. p. 584). Но это вовсе не так мало, г. профессор! „Moins du dixième" составляет колоссальную *безвозвратную потерю*, причиняемую противоречие м имущественных отношений общества, состоянием его производительных сил.

[6]) Вопросы нищеты и безработицы, С.-Петербург, 1900, стр. 239.

манного им «автоматического социализма», Гошен указывает на тот факт, что в периоде 1875—1886 гг. число домов, приносящих *менее десяти фунтов* ренты, росло гораздо медленнее, чем число домов, рента с которых колебалась от 10 до 20 фунтов. Он об'ясняет этот факт тем, что значительная доля рабочего класса стала пользоваться бо̀льшим благосостоянием и потому пред,-являет спрос на более дорогие помещения. Но он и сам предвидит, что ему могут указать на всем известное *вздорожание квартир.*

На это неизбежное возражение он заранее отвечает: «Стало быть, могут же рабочие «платить дороже за свои квартиры» [1]). Таких «об'ективных» исследователей не переспоришь!

«Благонамеренные» экономисты не хуже нас знают, что повышение уровня заработной платы само по себе вовсе еще не равносильно улучшению быта рабочих. Но они нередко умалчивают об этом, вероятно, в интересах *«социального мира»*. В других же менее щекотливых случаях они высказываются на чистоту. Для примера укажем на всесветную знаменитость, *Левассёра,* который в одном месте своего сочинения «La population de la France» очень благоразумно замечает: «Покидая деревню, рабочие соблазняются перспективой высокой платы; они не принимают в расчет невольных прогулов, дороговизны квартир и жизненных припасов и всего того, что побуждает к тратам; многие из них переменили свое положение, не улучшив своей судьбы [2]). А в других местах того же сочинения тот же почтенный ученый, который сам признается, впрочем, в своей слабости к «философским взглядам Бастиа относительно общественной гармонии» [3]), позабывает эти благоразумные соображения и, основываясь на повышении уровня заработной платы, толкует о всестороннем улучшении быта рабочих [4]).

Если читатель не захочет следовать примеру таких «об'ективных» ученых и будет *всегда* принимать в соображение *все* стороны рабочего быта, то он должен будет согласиться с нами в том, что даже в Великобритании улучшение материального положения пролетариата было очень незначительно. Обыкновенно указывают на уменьшение *пауперизма* в этой стране, как на яркое доказательство *«прогресса рабочих классов»*. Но еще Маркс сказал, что «официальная статистика пауперизма делается все более и более неверным указателем действительной нищеты по мере развития, вместе с накоплением богатства, сословной борьбы, а, следовательно, и чувства собственного достоинства работника» [5]). К этому надо прибавить, что уменьшение числа призреваемых нищих обусловилось также рядом законодательных постановлений, *все более и более* затруднявших помощь *на дому* всем вообще бедным, а особенно *взрослым рабочим,* имеющим хоть некоторый заработок. Благодаря этим постановлениям, отличавшимся неумолимою жестокостью, число бедных, получивших этот род помощи, *упало* в Англии и в Уэльсе с 955.146 (5,5 процента населения) в 1849 году до 600.505 (1,95 проц. насел.)—в 1897 г. Но в то же самое время число бедных, содержавшихся

---

[1]) Journal of the R. S. Society, Dec., 1888, p. 602.

[2]) „La population Francaise", t. II, p. 413. Ср. также H. Joly—„La France Criminelle" Paris. 1889, p. 350.

[3]) „L'ouvrier américain", t. I, p. 593.

[4]) „La population Francaise", t. III, p. 86 et suiv. Ср. также „L'ouvrier américain" t. II, p. 215 et suiv.

[5]) „Капитал", I, стр. 563—564.

в работных домах, *возросло* с 133.513 до 214.382. Процентное отношение числа бедных этого разряда к общей сумме населения осталось, правда, почти без перемены: 0,77 в первом случае и 0,70—во втором [1]). Но именно эта не изменность относительного количества бедных, призреваемых в работных домах, должна наводить на мысль о том, что пресловутое уменьшение английского пауперизма есть *фикция, способная обмануть лишь тех, которые хотят быть обманутыми и имеют очи вовсе не затем, чтобы видеть.* Г-жа Э. Симкокс справедливо говорит, что статистика английского пауперизма далеко не дает истинной меры английской нищеты. «Более 10 процентов лиц, умирающих в течение года,—говорит она,—умирает в работных домах и больницах (содержимых на счет благотворителей—*Г. П.*), и эта смертность соответствует населению в два с половиной миллиона; таким образом, около трех с половиной миллионов жителей нашей страны находится или в положении настоящих нищих, или в таком положении, при котором достаточно заболеть, чтобы сделаться настоящим нищим» [2]).

XII.

Это очень мрачная картина, но и эта мрачная картина не вполне передает мрачный характер действительности. Из других источников мы узнаем, что число лиц, умирающих нищими, гораздо более, чем думала г-жа Э. Симкокс. В работных домах и в находящихся при них больницах *умирает шестая часть* Лондона, богатейшего города в мире. Но это не все. Есть основание думать, что от 20 до 25 процентов английского населения умирает в положении столь близком к нищете, что приход оказывается вынужденным брать похороны на свой счет [3]). Известный исследователь Чарльз Бус показал, что в Англии и Уэльсе около 20 процентов всех лиц, достигших 65-летнего возраста, вынуждены обращаться к общественной благотворительности [4]). Так как в английском населении есть, разумеется, классы, в которых только немногим старикам случается,—если случается,—впасть в нищету, то выходит, что рабочий класс дает, относительно, еще более высокое число нищих стариков. В Лондоне и в центральных графствах *от 40 до 45 процентов всех пролетариев впадают на старости лет в нищету* [5]).

Это ужасно, в буквальном смысле слова! И в виду этого-то ужаса апологеты буржуазии толкуют о диффузии богатства, о притуплении общественных противоречий и т. д., и т. д. Поистине можно сказать, что их *цинизм* доходит здесь *до границ!* И нельзя не подивиться тому, что г. г. «критики» марксизма не умеют *критически* отнестись к такому цинизму, и все более и более поддаются влиянию апологетов!

---

[1]) P. F. Aschrott—„Das englische Armenwesen", Leipzig, 1886 S. 422, ср. его же Die Entwicklung des Armenwesens in England seit dem Jahre 1885", Lepzig, 1886, S. 64.

[2]) Industrial Remuneration Conference Report, p. 89.

[3]) Fifth and Final Report of the R. Commission of Labour, Part. I, London, 1894, Report by W. Abraham, M. Austin, I. Mawdsley and T. Mann., p. 128.

[4]) Pauperism, 1892, p. 54. The aged Poor England and Wales, London 1894, p. 38.

[5]) Charles Boothe, p. 39. Но и это еще не конец. В некоторых сельских округах *каждый старик-рабочий умирает нищим*, (см. Fifth and Final Report of the Com. of Labour, p. 125, 128 151).

Кто знаком с положением английского рабочего класса, тот не удивится, услышав, что *процент самоубийств* особенно силен в Англии именно между стариками 55 лет и выше [1]). Проработав всю жизнь с той напряженностью, с какою работает лишь англо-саксонский рабочий, старики-пролетарии добровольно покидают земной рай и переселяются в небесный. И, чем развитее становится английский работник, тем чаще апеллирует он к самоубийству, как к самому надежному средству избежания нищеты. В тех графствах, в населении которых насчитывается до 27 процентов лиц, не умеющих подписать свое имя, число самоубийц достигает 57,5 на миллион жителей; в тех графствах, где только от 17 до 25 проц. общего числа жителей неспособны подписать свое имя, число самоубийц поднимается до 69,2 на миллион душ. Наконец, там, где число лиц, неумеющих подписаться, не превышает 17 процентов, мы находим наибольшее число самоубийц: 80,3 на миллион жителей [2]). Оно и понятно: чем развитее человек, тем труднее ему переносить унижения, связанные с бедностью и вообще с житейскими неудобствами. Или, может быть, здесь уместнее другое об'яснение? Может быть, надо предположить, что число лиц, неспособных подписать свое имя, уменьшается,—как это мы видим в России,—вместе с ростом *промышленного развития;* и что возрастание числа самоубийств составляет таким образом благодетельный результат увеличения *«общественного» богатства?* В обоих случаях мы приходим к выводу совсем нелестному для капиталистического общества и для тех господ, которые на разные лады поют усыпляющую песенку *о притуплении* общественных *противоречий.*

Несмотря на неумолимую свирепость, с которой английская буржуазия практикует свою «благотворительность», число призреваемых нищих в богатом Лондоне растет быстрее общей цифры его населения [3]). Как же можно после этого обвинить в преувеличении Маркса и Энгельса, которые говорят: *«Работник становится нищим, и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство».*

Если таково положение дел в Великобритании, которая, благодаря своему продолжительному господству на всемирном рынке, все-таки могла хоть несколько улучшить положение хоть некоторых слоев своего пролетариата, то каково же оно в других странах, не пользовавшихся преимуществами промышленной монополии? Об этом может дать некоторое понятие уже тот указанный нами выше факт, что *бельгийский* рабочий вынужден продавать свою силу ниже ее стоимости. Приведем здесь несколько фактов, характеризующих положение *французского пролетария.*

В период 1833—1843 г. г. белый хлеб продавался во Франции по 34½ сантима за килограмм. В 1894 г. килограмм хлеба стоил в Париже от 37½ до 40 сантимов [4]). В 1831—1840 г. г. килограмм говядины стоил (в оптовой продаже) 1 франк и 5 сантимов, а килограмм свинины 78 сантимов; в 1894 г. говядина продавалась уже по 1 фр. 64 сант. за килограмм, а свинина по 1 фр. 54 сант. [5]). В 1854 г. тысяч яиц стоила 52 фр., а в настоящее время

---

[1]) Ср. Ogle—„On suicides in England and Wales", Journal of the R. S. Society, March, 1886.
[2]) Ogle, op. cit., Ibid., p. 112.
[3]) Гобсон, op. cit. стр. 21.
[4]) M. Pelloutier—„La vie ouvrière en France", Paris, 1900, p. 183.
[5]) Ibid., p. 186.

82 фр. [1]). В 1849 г. гектолитр картофеля (низшего сорта) стоил от трех с половиной до четырех с половиной франков; теперь же он стоит от 7 до 12½ франков. За килограмм масла платили в 1849 г. от 1 фр. 28 сант. до 1 фр. 90 сант.; в настоящее время за него платят от 2 фр. 5 сант. до 4 фр. 26 сант. Наконец, бобы удвоились в цене в промежуток времени от 1849 до 1892 года [2]).

По рассчету Пеллутье, цена жизненных припасов поднялась во Франции за последние 30 лет на 22—23 процента, а уровень заработной платы повысился в среднем не более, как на 17 процентов [3]). Если вы прибавите к этому огромное увеличение квартирных цен в больших городах, то вы неизбежно придете к тому заключению, что материальное положение французского пролетария *ухудшилось* за это тридцатилетие *не только относительно, но и абсолютно.* И это заключение вполне подтверждается статистикой, которая показывает, что французский рабочий питается теперь хуже, чем питался полвека тому назад [4]).

Абсолютное ухудшение экономического положения французского пролетариата естественно ведет за собою *рост пауперизма: «работник становится нищим, а нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство».* В пятилетие 1886—1891 г.г. население французской столицы возросло на 4,01 процента, а число нищих в этой ville-lumière увеличилось за то же время на 23,1 процента. И это отнюдь не исключительное пятилетие. Следующая таблица показывает, что рост нищеты давно уже принял в Париже поистине потрясающие размеры.

Годы.	Сумма, расходуемая Парижем на нищих.	Население.
1850	5.000.000	1.532.622
1870	10.000.000	
1892	18.000.000	2.386.232 [5])
1895	20.000.000	

И не думайте, что так дело идет в одном Париже. Приблизительно так же идет оно во всей Франции. В 1837 г. во Франции было 6,715 «благотворительных бюро», которые оказали помощь 806.000 бедным; в 1860 г. 11.351 благотворительное бюро поддерживало 1.115.900 человек; в 1880 г. число благотворительных бюро достигало уже до 15,138, а число поддерживаемых ими бедных до 1.647.000 [6]). За 28 лет (1860—1888) число нищих

---

[1]) Ibid., p. 189.
[2]) Ibid., p. 191.
[3]) Ibid., p. 194.
[4]) Ср. Пеллутье, op. cit., p. 187, 190, 194.
[5]) Pelloutier, op. cit., p 289.
[6]) Leroy-Beaulieu—„Traité théorique et pratique d'Economie politique", Paris 1896, t. IV, p. 468.

возросло на 42 процента, население же увеличилось только на 5,4 процента. *«Работник становится нищим, а нищета развивается быстрее, чем население и богатство»...*

XIII.

Буржуазные экономисты, гордо поднимающие голову при виде уменьшения официального числа пауперов в Англии, скромно опускают глаза перед статистикой французского пауперизма, очень кстати вспоминая при этом, что цифры официальной нищеты сами по себе еще ничего не доказывают. Мы тоже думаем, что, взятые в отдельности, цифры эти не могут служить безошибочным показателем экономического положения пролетариата. Поэтому мы считаем необходимым *проверить* свидетельство этих цифр с помощью статистических данных другого рода.

За пятидесятилетие 1838—1888 г. г. *преступность* во Франции выросла так:

Число осужденных за 50 лет увеличилось на:

Насилия	51 проц.
Преступления против собственности . .	69 »
Преступления против нравственности. .	240 »
Бродяжество и нищенство	430 » [1]).

Поразительный рост числа лиц, осужденных за нищество и бродяжество, самым решительным образом подтверждает оставшееся для нас сомнительным свидетельство официальной статистики французского пауперизма. Нам приходится стало быть признать, что статистика эта говорит правду.

И пусть говорят нам, что Франция—страна, клонящаяся к упадку: эта «клонящаяся к упадку» страна до сих пор остается одной из самых богатых стран в Европе. А, кроме того, быстрый рост пауперизма наблюдается не только во Франции. Вот таблица, показывающая увеличение числа призреваемых бедных в Брюсселе и в плотно прилегающих к нему больших городских общинах в период 1875—1895 г. г. [2]).

Общины.	Один призреваемый на столько-то человек.	
	1875 г.	1894 г.
Брюссель.	9	4
Шарбеек.	16	12
Моленбек.	11	10
Лакен.	16	25
Андерлехт	35	8
Сен-Жосс.	24	15
Сен-Жилль.	25	20
Иксель.	20	17

---

[1]) H. Joly—„La France criminelle", p. 20. Другой источник так выражает рост числа осужденных за бродяжество и нищенство: в 1838 г. во Франции на 100.000 жителей приходилось 16 человек, осужденных за эти преступления, а в 1887 г. их было уже 85 (см. интересный доклад Кавальери", „Criminalité et vagabondage"' представленный на женевский конгресс криминалистов и напечатанный в Compte-Rendu конгресса).

[2]) См. „L'organisation de la Bienfaisance publique", par L. Bertrand, Bruxelles 1900, p. 16.

За исключением Лакена, мы видим во всех общинах чрезвычайно быстрый рост нищеты. В Андерлехте в 1875 г. один призреваемый приходился на 35 человек, а теперь один призреваемый приходится уже на 8 человек. Брюссель пошел еще дальше: там четвертая часть населения протягивает руку за милостыней. В провинции: в Брюгге, в Ипре, в Энгиене, в Нивелле, в Турнэ дело обстоит не лучше, а местами и *еще хуже:* в некоторых из этих городов один призреваемый нищий приходится *на двух—трех жителей.* Выходит, что и в Бельгии «работник становится нищим, и нищета развивается быстрее, чем население и богатство»... [1]).

Автор, у которого мы заимствуем эти данные, спешит сделать оговорку, уже не раз сделанную нами в этой статье: число призреваемых бедняков еще не показывает истинных размеров нищеты И этого, разумеется, никто не станет оспаривать. Но несомненно, что чрезвычайно быстрый рост этого числа не показывает также и роста благосостояния рабочего класса: какой рабочий пойдет обивать пороги благотворительных учреждений, если только бедность не победит в нем чувство человеческого достоинства и классовой гордости?

В Германии, где размеры официальной нищеты гораздо меньше, чем в Бельгии, мы встречаемся с следующим интересным явлением. В городах, имеющих менее 20.000 жителей, процент призреваемых бедняков доходит до 4,75; в городах с 50.000—100.000 жителей он повышается до 6,39, и, наконец, в городах с населением более 100.000 жителей он составляет уже 6,51 общей цифры населения [3]).

Тут опять оказывается, стало быть, что нищета развивается быстрее, чем население, если не быстрее, чем богатство. Что скажет об этом г. П. Струве?

Он скажет, может быть, что в последние годы в Германии число призреваемых бедных значительно уменьшилось. Это будет правда. Но почему уменьшилось? Просто потому, что *изменена система призрения.* От такого изменения еще далеко до *улучшения* быта рабочих.

Просим также нашего «критика» заметить, что *преступность* растет не только во Франции, но во всех капиталистических странах, изученных в этом отношении [4]). В Германии в 1882 году на 100.000 человек старше 12 лет и не служащих в военной службе приходилось 1043 осужденных, а в 1895 г. уже 1251 [5]). Чем обусловливается этот рост преступности? Французские социалисты (например, Луи Блан в своей «Organisation du travail») давно уже указывали на нее, как на *следствие возрастающей трудности борьбы за существование и, в частности, обеднения рабочего класса.* Опыт вполне подтвердил это указание. Только что цитированный нами профессор Лист говорит, что зависимость преступности от экономического положения всем известна и никем уже не оспаривается [6]). И он же замечает, что под эконо-

---

[1]) Ibid, p. 17.
[2]) Ibid, p. 16.
[3]) Leroy-Beaulieu, op. cit., t. IV, p. 471.
[4]) См. H. Ferri—„La sociologie criminelle". Paris, 1863, p. 163 и след.
[5]) Dr. Franz von List—„Das Verbechen als sozial-patologische Erscheinung", Dresden 1899, S. 13—14.
[6]) Ibid., S. 19.

мическим положением надо прежде всего понимать *общее положение* рабочего класса (die Gesammtlage der arbeitenden Klassen), т.-е. положение его не только в «финансовом» смысле, но и во всех других. Мы уже знаем, что повышение уровня заработной платы,—которым буржуазные экономисты прожужжали нам все уши,—еще не ведет за собою общего улучшения быта пролетариев. Преступность, растущая гораздо быстрее, чем население, лишний раз напоминает нам об этой неоспоримой истине. В самом деле, заметьте, что *преступность детей растет гораздо быстрее преступности взрослых.* С 1826 по 1880 г. г. общая цифра преступлений, совершенных во Франции взрослыми, *утроилась,* а число преступлений, совершенных детьми, учетверилось [1]). После 1880 г. детская преступность росла еще быстрее. В настоящее время, по словам Фулье, более половины всех лиц, арестуемых в Париже по обвинениям разного рода, принадлежит к числу малолетних.

А параллельно с детскою *преступностью* растут детская *проституция и детские самоубийства,* прежде представлявшие собою до последней степени редкое явление. И это происходит не только

В Париже, где средь стогнов шумных
Кипят распутство и порок,—

это происходит во всей Франции и это же происходит за пределами Франции. В благочестивой Германии, в период 1882—1895 г. г. число молодых преступников увеличилось *почти на 50 процентов* [2]). Не стояла на месте эта благочестивая страна и по части *проституции:* в 1875—1890 г. г. население Берлина росло ежегодно на *3—4 процента,* а число проституток увеличивалось на *6—7 процентов* [3]).

Нужно ли распространяться о причинах, вызывающих рост преступности и разврата в детской среде? Для уяснения этих причин достаточно вспомнить, что, например, во Франции 60 процентов «преступных» детей состоит из *нищих и бродяг,* а 25 процентов попадает под удары буржуазной Фемиды *за кражу* [4]). Вследствие *плохого ухода,* который сам обусловливается ростом женского наемного труда, ребенок приобретает привычки *бродяги,* а потом оказывается вынужденным побираться и воровать, чтобы не умереть с голода. *Увеличение преступности вообще, а особенно детской преступности, неотразимо* свидетельствует об *ухудшении общественного положения пролетария.*

Заметим мимоходом, что признание этого неоспоримого факта еще не обязывает Каутского поддерживать требования христианских социалистов относительно запрещения женского труда на фабриках. Каутский убежден, что такое запрещение не только не улучшило бы общественного положения рабочего, но, напротив, еще более ухудшило бы его, давши новый и чрезвычайно сильный толчок возникновению и упрочению самых грубых и

---

[1]) A. Fouillé—„Les jeunes criminels", „Revue de deux Mondes", 1897, 15. Janvier, p. 418.

[2]) Von List, op. cit., S. 17.

[3]) Paul Hirsch—„Verbrechen und Prostitution", Berlin, 1897, S. 7. Ср. интересную книгу д'Оссонвиля—„Salaires et misères des femmes". Paris, 1900; эта книга ясно показывает, как тесно связана проституция с нищетою.

[4]) Ferdinand Dreyfus—„Misères Sociales", Paris, 1901, p. 8.

жестоких форм эксплоатации женщин капиталом. Возникновение и упрочение таких форм эксплоатации еще никогда не способствовало улучшению положения трудящейся массы. Вот почему Каутский и его единомышленники решительно восстают против реакционного предложения христианских социалистов. Это как нельзя более логично, и если здесь есть место для насмешки, то разве для насмешки над г. П. Струве, вздумавшим иронизировать по поводу мнимой непоследовательности Каутского, который в развитии женского труда видит доказательство обеднения рабочего класса, но в то же время не одобряет практических предложений какого-нибудь Декуртинса.

XIV.

Говоря о преступности, не следует забывать, что при ее быстром росте особенно быстро растет *число рецидивистов* [2]). «Наши наказания,—замечает по этому поводу Ф. Лист,—не оказывают улучшающего или устрашающего влияния; они вообще не предупреждают преступления, т.-е. не удерживают от него; они скорее усиливают склонность к нему [2]).

Это верно. Но не менее верно и то, что рецидивисты представляют собою среду, в нравственном отношении совершенно различную от так называемых *случайных преступников.* Это именно та среда, где, к сожалению, почти полновластно царствуют если не невежество, то *нравственное падение и огрубение.* И не только нравственное падение и огрубение. Между рецидивистами много людей, отличающихся несомненными признаками *вырождения.* К ним в особенности могут быть применимы слова Маудсли: «Между преступниками есть класс, отмеченный несовершенством физической и умственной организации... значительная пропорция слабоумных или эпилептиков, страдающих умопомешательством или принадлежащих к таким семьям, где есть помешанные» [3]). Кто захочет убедиться в справедливости этих слов, того мы отошлем к чрезвычайно интересной книге доктора Э. *Лорана* «Les habitués des prisons de Palis», вышедшей в прошлом году в Париже с не менее интересным предисловием *Лакассаня* [4]). Лоран так же далек от смешных преувеличений *школы Ломброзо,* как и Лакассань. Но кто внимательно прочтет его книгу, тот вынесет из нее непоколебимое убеждение в том, что в лице рецидивистов общество очень часто карает *выродившихся людей,* представляющих собою *пассивный, патологический продукт общественно-исторического процесса.* А если число таких людей растет вместе с ростом числа нищих, бродяг, проституток, «макро» и прочих представителей Lumpenproletariat'a, то не ясно ли, что мы до сих пор имеем право сказать вместе с Марксом: «*Накопление богатства на одном полюсе производит в то же время на другом накопление нищеты, тягостей труда, рабства, невежества, огрубения и нравствен-*

---

[2]) Исключение из общего правила составляют лишь некоторые кантоны Швейцарии, где уменьшается как общая цифра, так и процент рецидивистов. Но эти кантоны не идут в счет в виду их *исключительного положения,* о котором см., например, у John Cuénod—„La criminalité à Genéve an XIX siècle. Genève, 1891, p. 116—117. Ср. Zuercher—„Die Selbstmorde im Kanton Zürich in Uergleichung mit der Zahl der Verbrechen" в „Zeitschrift für schweizerische Statistik" за 1898, Lieferung, VI. Цюрхер доказывает, что уменьшение *преступности* в Цюрихе сопровождалось ростом числа *самоубийц.*

[2]) Op. cit., S. 16.

[3]) „Le crime et Folie", Paris, 1880, p. 30.

[4]) Писано в 1901 году.

ного унижения. Это факт, от которого не удается *отболтать* прочь (wegschwatzen) нынешним брентанистам и «критикам» Маркса, как не удавалось отболтаться от него Бастиа и его ближайшим последователям. И в виду этого неоспоримого факта нас очень удивляют те люди, которые считают крайним преувеличением ту мысль Маркса и Энгельса, что в средние века общественное положение рабочего было лучше, чем в капиталистическом обществе. Эта мысль, может быть, неудобна для тех, которым хотелось бы *притупить* противоречия, свойственные нынешнему обществу. Но что она справедлива, это признают не одни «эпигоны» Маркса [1]).

Здесь г. П. Струве останавливает нас, чтобы напомнить о том своем аргументе, который он считает неотразимым: если накопление богатства на одном полюсе сопровождается накоплением нищеты, физического вырождения и нравственного вырождения—на другом, то как может произойти коренное переустройство общества. Разве выродившийся рабочий класс способен совершить величайший из всех переворотов, какие только знала история [2])?

На это мы ответим, что Маркс и Энгельс *никогда не рассчитывал и на выродившиеся элементы пролетариата, как на общественную силу.* Об этом категорически говорится как в «*Манифесте Коммунистической Партии*», так и в предисловии к книге «Der deutsche Bauern Krieg» Энгельса [3]). Но развитие капитализма ведет за собою не только относительное (а местами и абсолютное) ухудшение положения пролетариата и создает не одни только «*пассивные продукты общественного разложения*». Оно, кроме того, будит мысль тех пролетариев, которые не попадают в разряд этих пассивных продуктов, и образует из них все более и более растущую *армию общественного переустройства.* Указывая на рост нищеты и т. д., Маркс указывал также и на «*возмущение рабочего класса, который постоянно растет и постоянно обучается, об'единяется и организуется самим механизмом капиталистического процесса производства*» (курсив наш). Взгляните на Францию или на Германию. Несмотря на быстрый рост преступности, проституции и других признаков духовного падения *некоторых элементов* трудящейся массы, рабочий класс, *взятый в его целом,* становится все более сознательным и все более проникается новаторским духом. *Ухудшение общественного положения пролетариата вовсе не равносильно созданию условий, затрудняющих развитие его классового самосознания.* Конечно, только анархисты а la Бакунин могли воображать, что *бедность* уже *сама по себе* есть лучший из всех возможных

---

[1]) „La condition de l'ouvrier était donc alors (в средние века) très supportable, et j'ajouterai, avec les enseignements que la critique moderne nous fournit, qu'elle devait, être supérieure à celle de nos ouvriers... Ce serf prétendu... avait un situation que sollicitent comme très enviable les ouvriers de notre temps". P. Hubert-Valleroux, „Les Corporations d'Arts et Métiers" etc, Paris, 1885, p. 44—45. Ср. также Alfred Franklin—„La vie privée d'autrefois. Arts", Moeurs, usages des Parisiens du XII au XVIII siècle. Comment on devenait patron". Paris 1889, p. 65; „La vérité qui se dégage d'une étupe approfondie et impartiale du régime des corporations, c'est que la condition de l'ouvrier au treizième et quatorzième siècle était supérieure à la condition actuelle. XIX.)

[2]) Этот довод, как и огромнейшее большинство всех остальных, заимствован нашим „критиком" у буржуазных противников Маркса. См. например, Кэркопа—„History of Socialims", p. 16 (мы цитируем второе издание, но указанный нам довод содержится также и в первом).

[3]) Интересно, что Бакунин обвинял Маркса и Энгельса именно в том, что они не хотели возлагать никаких надежд на „*нищенский пролетариат*", см. „Государственность и анархию", стр. 8.

социалистических агитаторов. Но ведь и *зажиточность* сама по себе далеко не всегда является *«внушителем»* революционного духа. *Все зависит от обстоятельств времени и места.*

«Критики», считающие ухудшение общественного положения рабочего класса несовместимым с развитием классового самосознания, просто-на-просто не понимают материалистического об'яснения истории, на которое они, однако, любят ссылаться. И это их непонимание сказывается также и в рассуждениях *об экономических условиях, необходимых для политической победы пролетариата над буржуазией.* Политическая сила всякого данного класса, говорят эти господа, определяется его экономической и социальной силой. Поэтому рост политической силы пролетариата необходимо предполагает рост его экономической силы и, наоборот, ослабление этой последней необходимо ведет за собою ослабление политического значения пролетариата. Так смотрят в Германии Давид, Вольтманн, Т. Кампфмейер и многие другие представители «новой методы» [1]). Г. П. Струве вряд ли разделяет, во всей его полноте, этот взгляд, являющийся чем-то вроде консервативной разновидности *бакунизма* [2]). Но он не согласен и с Каутским, который в своем ответе Бернштейну указывал на его теоретическую несостоятельность. По мнению г. П. Струве, для победы пролетариата необходима «организационная сила», которая может быть приобретена лишь постепенно, на почве экономической организации и экономических учреждений [3]). В этом мнении истина тесно сплелась с заблуждением. Что организационная сила необходима пролетариату, как была она необходима всякому другому общественному классу, стремившемуся к новым производственным отношениям, это неоспоримо и этого никогда не оспаривали «ортодоксальные» марксисты. Но почему г. П. Струве думает, что эта сила может быть приобретена только на почве «экономической организации», т.-е.,—если мы правильно его поняли,—на почве кооперативных товариществ и тому подобных «экономических учреждений?» Если бы организационная сила пролетариата могла развиваться лишь в той мере, в какой развиваются его «экономическия учреждения», то она *никогда не развилась бы до степени, необходимой и достаточной* для создания новых отношений производства, потому что в *капиталистическом обществе* названные учреждения рабочих всегда будут совершенно ничтожны в сравнении с «учреждениями», находящимися в руках буржуазии.

Далее, в словах нашего «критика» справедливо то, что организационная сила пролетариата,—как и всякая другая сила,—может быть приобретена лишь *постепенно.* Но почему эта справедливая мысль должна исключать понятие коренного общественного переустройства? Ведь французская буржуазия *тоже* лишь постепенно приобрела свою организационную силу, а, между тем, добилась же она своего именно благодаря Zusammenbruch'у.

Впрочем, соображение о неизбежности *постепенного* приобретения организационной силы есть лишь одна из небольших пушек, выставленных г. П. Струве рядом со многими очень большими осадными орудиями, на теоретической батарее, обстреливающей в его статье ненавистное ему понятие Zusammenbruch'а. Согласно нашему первоначальному плану, мы должны

---

[1]) Ср. Кампфмейера—„Wohin steuert die ökonomische und staatliche Entwicklung?" Berlin 1901, S. 32, 33, 35 и другие.

[2]) Характеристику взгляда Бакунина на отношение политики к экономике см. в брошюре—„Anarchimus und Socialismus".

[3]) Archiv, I, 735.

были атаковать эту батарею в статье, лежащей теперь перед читателем. Но потом мы увидели себя в необходимости подробно разобрать теорию притупления общественных противоречий на экономической почве. Поэтому атака батареи, возведенной против понятия о Zusammenbruch'e нам пришлось отложить до следующей статьи. Там сведем мы свои последние счеты с нашим «критиком». Там мы еще яснее увидим, какого рода «марксизм» проповедует он в настоящее время.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

I.

Г. П. Струве очень любит, как известно, потолковать о «*гносеологии*». Правда, до сих пор он не нашел нужным (или возможным) сколько-нибудь стройно и последовательно изложить свои «гносеологические» воззрения. Сомнительно даже, есть ли у него стройные воззрения такого рода. Но это не мешает ему ссылаться на «гносеологию» при всех удобных и,—что гораздо хуже,—при всех неудобных случаях. В виду этого нельзя удивляться тому, что «гносеологические» соображения составляют у него главное оружие в его борьбе с «*социальным переворотом*».

Чтобы показать нам, до чего несостоятельно это «теоретическое псевдо-понятие», наш «критик» об'ясняет, как должен понимать «эволюционизм» всякий, кто не хочет грешить против *теории познания*. Вот что мы узнали от него на этот счет.

Принцип эволюции, ничего не говоря о том, *почему* совершаются изменения, очень определенно указывает нам, однако, на то, *как* они совершаются. Он знакомит нас с их формой. А форма их может быть определена одним словом: *непрерывность* (die Stetigkeit»). Нам может быть понятно только непрерывное изменение. Поэтому старое положение: natura non facit saltus (природа не делает скачков) должно быть дополнено другим положением: intellectus non patitur saltus (интеллект не терпит скачков). Гегель говорит, что *количественные изменения*, перейдя известный предел, превращаются в *качественные*. И на эту формулу любят ссылаться правоверные марксисты, наивно воображающие, что она дает реальное об'яснение хода социальной революции. На самом же деле она не об'ясняет явлений, а только описывает их с помощью логических категорий [1]). И при том она указывает именно на непрерывный характер изменения. Вот почему ссылки на нее совсем неубедительны. Мы неизбежно приходим к тому выводу, что понятие—«общественный переворот» не выдерживает критики и что его приходится поставить на одну доску с понятием о свободе воли (в смысле беспричинного действия), о субстанциальности души и т. п.: со времени Канта мы знаем, что эти понятия очень важны в практическом отношении, но совершенно несостоятельны в теории.

Так рассуждает г. П. Струве, старательно подкрепляя свои рассуждения цитатами из сочинений Шуппе, Канта, Зигварта, Цигена и даже...

---

[1]) Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik Bd. XIV, Hef 5/6, S. 679.

г. Ф. Кистяковского. Но хотя Гейне и справедливо говаривал, что цитаты очень украшают писателей, мы, следя за доводами г. «критика», к сожалению, все более и более убеждаемся в том, что далеко не все писатели, «украшающие» себя цитатами, отличаются ясностью и последовательностью мысли.

Если понятие *общественный переворот* не выдерживает критики, то спрашивается, как же быть с теми общественными переворотами, которые уже совершались в истории? Считать ли их *несовершившимися,* или признать, что они не были переворотами в том смысле, какой придают этому слову правоверные марксисты? Но если мы даже и скажем, что, например, Великая Французская Революция на самом деле вовсе не имела места, то ведь этому вряд ли кто поверит. А если мы вздумаем утверждать, что эта великая революция совсем не похожа на ту, о которой толкуют правоверные марксисты, то эти упрямые люди немедленно прервут нас, заметив, что мы неправильно изображаем дело. По мнению правоверных марксистов, Великая Французская Революция была общественным переворотом в полном смысле этого слова. Правда, это была *революция буржуазии.* Но это не изменяет дела. Если понятие—*общественный переворот* несостоятельно потому, что природа скачков не делает, а интеллект их не терпит, то, очевидно, что эти решительные доводы должны в одинаковой мере относиться *ко всем переворотам.* А если революция буржуазии давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки *«невозможны»,* а изменения *«непрерывны»,* то у нас есть все основания думать, что в свое время совершатся и другие перевороты, если только, разумеется, они не встретят на своем пути других препятствий, более серьезных, чем те, на которые указывает нам г. П. Струве в своих «гносеологических» рассуждениях.

Гегелева «формула» *не об'ясняет* явлений, а *только описывает их.* Это так. Но ведь вопрос совсем не в этом. Вопрос в том, *верно или ошибочно описание,* даваемое «формулой». Если оно верно, то ясно, что верна и «формула»; а если верна «формула», то не менее ясно, что Гегель прав, а, если ясно, что Гегель прав, то опять столь же ясно, что *непрерывный характер изменений,*—на который, к тому же, «формула» Гегеля *указывает,* по признанию самого г. П. Струве,—совсем не исключает возможности тех самых *«скачков»,* которых будто бы не делает природа и которых будто бы не терпит интеллект.

II.

Надо заметить, что вообще *«скачки»* довольно зло подсмеиваются над нашим «критиком», неудержимо проникая даже в область его собственной аргументации. Лучше всего это подтверждается цитатой, сделанной им из Зигварта.

Зигварт говорит, что, если на наших глазах изменяется какая-нибудь вещь, например, если краснеет синяя бумага или тает кусок воска, положенный в печку, то мы имеем дело с *непрерывным процессом,* не дающим нам никакого повода предполагать, что данная субстанция заменяется какой-нибудь другой. Напротив, непрерывность изменений, совершающихся в данном месте, убеждает нас, что вещь осталась той же самой, даже в том случае, когда изменились все ее непосредственно воспринимаемые нами свойства: температура, цвет, внешний вид и т. д.

Эти соображения Зигварта приводятся нашим «критиком», как один из доводов, раскрывающих несостоятельность понятия—*общественный переворот*. Но на самом деле они не разрушают этого понятия, а скорее подкрепляют его. Они отвечают,—поскольку отвечают,—на вопрос о том, *при каких условиях и почему данный предмет продолжает оставаться для нас тем же самым предметом, несмотря на претерпеваемые им изменения.* Но в них нет ни тени доказательства той мысли, что в окружающих нас предметах невозможны такие быстрые и коренные перемены, которые мы имели бы право называть скачками. Как раз наоборот: один из взятых Зигвартом примеров очень выразительно напоминает нам о том, что такие перемены вполне возможны, совершенно естественны и ни мало не удивительны. Когда тает воск, положенный в печку, то в его состоянии происходит целая революция: он *был* твердым, он *стал* жидким. И хотя эта коренная перемена, конечно, предполагает более или менее «*непрерывный*» процесс более или менее «*постепенного*» нагревания воска [1]), но сама-то она совершается не «*постепенно*», а именно *вдруг*, как только достигнута необходимая для таяния высота температуры. Тут происходит самый несомненный «saltus» (скачок). А г. П. Струве взялся показать нам, что природа скачков не делает, и что интеллект их не терпит. Как же это так? Или, может быть, он имеет в виду только свой собственный интеллект, который, действительно, *не терпит скачков* по той простой причине, что он,—как говорится,—«*терпеть не может*» *некоей диктатуры.*

Если мы, дав себе труд правильно понять рассуждения Зигварта, захотим приложить их к человеческим обществам, то мы должны будем сказать, например, так: мы убеждены, что в начале XIX столетия Франция оставалась Францией (*«той же самой» страной),* хотя в ней и совершился в конце XVIII столетия общественный переворот, известный под именем великой революции; и мы убеждены в этом, во-первых, потому, что все изменения в этой стране, во время революции и после нее, непрерывно совершались на определенной территории («в данном месте»); во-вторых, потому, что население этой страны во многих отношениях (например, в отношении расы и языка) было в XIX веке таким же, каким оно было и до революции; в-третьих, потому... но нам нет надобности перечислять все эти «потому»; нам нужно только показать, что иное дело вопрос о том, почему и когда данная вещь (или страна) продолжает *оставаться для нас «той же самой»*, а иное дело вопрос о том, возможны ли и мыслимы ли в организации человеческих обществ (или в свойствах вещей) быстрые и коренные перемены, называемые революциями (или подобные им). Если бы авторы, цитируемые г. П. Струве, представили даже вполне исчерпывающий ответ на *первый* из этих вопросов, то это отрадное обстоятельство все-таки не дало бы нам никакого права и даже никакого подобия, никакой тени права на решение в отрицательном смысле *второго* вопроса.

Г. П. Струве возразит нам, может быть, что как бы там ни обстояло дело с цитатой Зигварта и с некоторыми другими его цитатами, но цитата

---

[1]) Читатель понимает, что непрерывность нагревания необязательна. Если я, доведя температуру воска до a градусов, прекращу его нагревание и дам ему остыть до $\frac{a}{2}$, а затем опять стану нагревать, пока он не растает, то результат будет такой же, как и в случае непрерывного нагревания, но только он потребует больше времени и большего числа калорий.

из Канта отвечает именно на второй вопрос. Прочтем же эту цитату. Вот она целиком.

«Всякое изменение... возможно только в силу непрерывного действия причинности... В явлении нет различия реального так же, как ни одно различие в величине времен не есть самое меньшее; таким образом, возникает новое состояние реальности из первого, где его не было, через все бесконечные степени его, все различия которых друг от друга всегда бывают меньше, чем различие между О и А» [1]).

Тут как будто в самом деле выходит, что «скачки» невозможны и перед нами опять возникает весьма мучительный вопрос о том, как же нам быть с теми «скачками», которые уже произошли в истории. Но по некотором размышлении оказывается, что и эта страшная цитата совсем не так страшна, как вообразил наш «критик».

У Канта речь идет о *состояниях,* различающихся одно от другого *только по величине* [2]). Что представляет собою ряд последовательных состояний, отличающихся друг от друга только величиной? Он представляет собою ряд *количественных изменений.* Кант говорит, что этот ряд *непрерывен* в том смысле, что *скачки* в нем немыслимы. Допустим, что это правда. Но какое отношение имеет это к вопросу о том, возможны ли скачки *при переходе количественных изменений в качественные?* Ровно никакого: этот вопрос вовсе не решается тем, что мы узнали от Канта насчет невозможности скачков в непрерывном процессе изменений количества. Выше мы отметили, что, по словам самого г. П. Струве, «формула» Гегеля тоже указывает на непрерывный характер изменений. Теперь мы можем прибавить, что она признает изменения непрерывными именно постольку, поскольку они остаются *количественными.* Но она об'являет скачки неизбежными при переходе количества в качество. Если г. П. Струве хотел опровергнуть Гегеля,—а с ним и правоверных марксистов,—то ему надо было направлять свои критические удары как раз в это самое место. Ему надо было показать, что количество не переходит в качество или,—если и переходит,—то никакого скачка при этом не бывает и быть не может. А г. П. Струве ограничился тем, что сделал из *«Критики чистого разума»* цитату, гласящую, что невозможны скачки *при изменениях количества.* Странная логика! Удивительный «критик»!

Далее Кант говорит, что данная величина реальности возникает, проходя через все меньшие степени, лежащие между предельными моментами изменения. Но *какое* возникновение, возникновение *чего* имеет он в виду? На этот вопрос он отвечает категорически: возникает не субстанция, количество которой в природе всегда остается неизменным, *а только новое состояние субстанции* [3]). Хорошо. Примем это к сведению и спросим себя: разве возникновение нового *состояния* (субстанции) есть единственно мыслимое возникновение? Разве не может возникнуть новое *отношение* (между частями субстанции)? Не только может возникнуть, но и беспрестанно возникает. И не только беспрестанно возникает, но и должно беспрестанно воз-

---

[1]) „Критика чистого разума", перевод Н. М. Соколова. С.-Петербург, стр. 184. Г. П. Струве цитирует по второму немецкому изданию К. Кербаха, в котором приведенные им строки находятся на стр. 194—195.

[2]) *„Если состояние В отличается от состояния А только по величине"* и т. д. Там же, стр. 183 русского перевода Соколова (курсив наш).

[3]) Там же, стр. 182, 183 того же перевода. Курсив опять наш.

никать, вследствие тех самых изменений состояния субстанции, о которых Кант собственно и говорит, т.-е. *вследствие ее движения*. Именно это возникновение новых отношений и есть та область, в которой количество переходит в качество, а «*непрерывное изменение*» приводит к «*скачкам*».

III.

Когда кислород соединяется с водородом, то проходит ли вновь возникшая молекула воды через «все бесчисленные степени», которые отделяют ее от молекулы водорода (или кислорода)? Мы не думаем. И не думаем по той простой причине, что промежуточных «*степеней*» между водой и составляющими ее элементами невозможно себе и представить. *Такого рода непрерывность немыслима; ее «не терпит интеллект»*.

Еще пример. Положим, что в данной стране существует закон, ограничивающий рабочий день девятью часами в сутки. Но рабочие находят, что их труд все-таки слишком продолжителен, и требуют сокращения рабочего дня до восьми часов. Законодатель исполняет, наконец, их требование, и вот с такого-то числа, скажем, хоть с первого января следующего года, восьмичасовой рабочий день становится законным рабочим днем. Спрашивается, можно ли здесь говорить о каких-то «бесчисленных степенях», которые отделяют новый закон от старого? Ясно, что нельзя: таких степеней и не было; законодатель *сразу* передвинул предел рабочего дня на один час. Тут был saltus,—хотя, разумеется, и не такой большой, как общественный переворот,—и если мы, «*не терпя скачков*», заговорим *о «непрерывности»*, то скоро вынуждены будем сознаться, что здесь ее не было и что поэтому, «*здесь* интеллект ее «*не терпит*». Выходит, что без скачков не обойдешься даже и в «*социальной реформе*».

А вот еще пример, несколько более «*революционный*». Двадцать четвертого февраля 1848 года в парижской ратуше была провозглашена *республика*. Пусть нам скажет г. П. Струве, в чем заключались, в чем *могли* заключаться «бесчисленные степени» между июльской монархией и второй республикой. Уж не в том ли революционном движении восставшего парижского народа, которое, постепенно подрывая силу сопротивления войска, тем самым постепенно уменьшало шансы сохранения монархии? Но слишком уж было бы странно ссылаться на победоносное народное *восстание*, как на доказательство невозможности *скачков*. С помощью таких ссылок г. П. Струве доказал бы как раз обратное тому, что требуется доказать.

Кант сам замечает, что *изменяются* только те предметы, которые «*остаются*», т. е. продолжают существовать. Возникновение—равно как и исчезновение—*вовсе не есть изменение того, что возникает или исчезает* [1]). Но если это так,—а это в самом деле совершенно так,—то очевидно, что изменение вообще, а, следовательно, и постепенное, *непрерывное* изменение не об'ясняет *ни возникновения, ни исчезновения* предметов. А если мы не можем об'яснить ни возникновения, ни исчезновения предметов, то мы вообще

---

[1]) „Veränderung ist eine Art zu existeren, welche auf eine andere Art zu existiren eben desselben gegenstandes erfolgt. Daher ist alles, was sich verändert, *bleibend* und nur sein Zustand wechselt". Kritik der reinen Vernunft, herausgegeben von Kehrbach, 2 Auflage, S. 179. XX).

не понимаем их, и о нашем научном к ним отношении не может быть и речи.

Непрерывность, о которой говорит Кант, есть та самая непрерывность, которую Лейбниц еще раньше его возвел в *закон* под именем *loi de continuité*. Но тот же Лейбниц признавал, что, имея дело с «choses composées», мы находим, что иногда небольшое изменение вызывает очень большое действие, т.-е., другими словами, причиняет *перерыв постепенности, скачок*. Такие скачки невозможны, по словам Лейбница, только в «простых вещах» («a l'égard des principes ou des choses simples»), потому, что они противоречили бы божественной мудрости[1]). Оставляя в стороне божественную мудрость, мы заметим, что все примеры, приведенные нами выше, взяты именно из области des choses composées. Значит, сам Лейбниц не стал бы возражать против них с точки зрения «закона непрерывности». Да что мы говорим: «не стал бы возражать»! Нам сдается, что если бы он предвидел, какое употребление сделают из его «закона» некоторые любомудры некоторого последующего времени, то он прибавил бы на их счет какую-нибудь ядовитую оговорку, если бы только не побоялся раздразнить тех, всегда многочисленных, консервативных гусей, «интеллект» которых издавна не терпел «*скачков*», особенно там, где дело касалось «сложной вещи», называемой общественными отношениями.

Заметим мимоходом, что и в «простых вещах» вопрос о скачках решается совсем не так просто, как это казалось Лейбницу и Канту. Возьмем, например, уже знакомые нам рассуждения автора «*Критики чистого разума*».

Он говорит, что новая величина реальности (A—B) возникает посредством всех меньших степеней, заключающихся между моментами A и B. Положим, что это так, и возьмем две, непосредственно следующие одна за другой степени из тех, которые находятся между указанными моментами. Спрашивается, как возникает та величина реальности, которая равняется разности между этими двумя степенями? Тут можно сделать только два предположения: 1) она возникает *сразу* или 2) она возникает *постепенно*. Если она возникает *постепенно,* то, значит, она сама проходит многие промежуточные степени. Но это противоречит условиям нашей задачи, так как мы взяли две такие степени, которые *непосредственно* идут одна за другою. Стало быть, остается только второе предположение, согласно которому разность между взятыми нами степенями возникает *сразу*. А это возникновение *сразу* и есть один из тех *скачков,* которые будто бы невозможны. А это значит, что *не скачков не терпит* интеллект, а *именно непрерывности*.

Тезису, гласящему, что *скачков не бывает, а есть только непрерывность,* с полным правом можно противопоставить *антитезис,* по смыслу которого в действительности *изменение всегда совершается скачками, но только ряд мелких и быстро следующих один за другим скачков сливается для нас в один «непрерывный» процесс.*

Правильная теория познания, конечно, должна примирить этот *тезис* и этот *антитезис* в одном *синтезе*. Мы не можем рассматривать здесь, как можно примирить их в области «*простых вещей*». Это завело бы нас слиш-

---

[1]) Не имея под рукой сочинения Лейбница, укажем хоть на «Grundriss der geschichte, der Philosophie» Ибервега, Berlin, 1880. III Theil, S. 130.

ком далеко [1]). Здесь для нас достаточно знать и помнить, что в «*сложных вещах*», с которыми нам так часто приходится иметь дело при изучении природы и истории, *скачки предполагают непрерывное изменение, а непрерывное изменение неизбежно приводит к скачкам.* Это—два необходимых *момента* одного и того же *процесса.* Устраните мысленно один из них, и весь процесс станет невозможным и немыслимым [2]).

IV.

Все течет, все изменяется,—говорит «темный» эфесский мыслитель. Все течет, все изменяется,—повторяли и повторяют сторонники диалектического метода. Но, если все течет и все изменяется, если явления постоянно переходят одно в другое, то не всегда легко бывает обеспечить *границы,* отделяющие одно явление от другого. «Мы, например,—говорит Энгельс,—в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует данное животное, или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени запутанный вопрос, трудности которого прекрасно известны юристам, тщетно пытавшимся открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка во чреве матери можно считать убийством. Невозможно тоже точно определить и момент смерти, так как физиология показывает, что смерть не есть внезапный, мгновенный акт, а очень медленно совершающийся процесс. Всякое органическое существо в каждое данное мгновение есть то же, каким оно было в предыдущем, и вместе не то же. В каждое данное мгновение оно перерабатывает извне получаемую материю и выделяет из себя другую, одни клеточки его организма вымирают, другие вновь нарождаются, так что спустя известный период времени материя данного организма вполне обновляется, заменяется другим составом атомов; вот почему каждое органическое существо всегда тоже и, однако, не тоже.

Г. П. Струве, которому, разумеется, хорошо знакомы эти соображения, хочет поймать правоверных марксистов на слове. Он упрекает их в том, что они ожидают найти пропасть там, где на самом деле, может быть, лишь ровный и почти незаметный переход. Он об'являет лишенными разумной теоретической основы их толки об общественном перевороте, который означал бы собою именно резкое—в действительности невозможное—разграничение двух общественных формаций, двух способов производства.

Но подобными доводами можно сбить с толку разве лишь такого мар-

---

[1]) Заметим, однако, что здесь прежде всего пришлось бы считаться с *диалектической природой движения.*

[2]) Гегель давно уже показал, как несостоятельны ходячие рассуждения на ту тему, что природа скачков не делает. «Es hat sich gezeigt,—говорит он,—dass die Veräederungen des seins überhaupt nicht nur das Uebergehen einer Grösse in ein andere Grösse, sondern Uebergang vom Qualitativen in das Quantitative und umgekehrt sind, ein Anderswerden, des ein Abbrechen des Allmähligen und ein qualitativ Anderes gegen das vorhergehende Dasein ist» (Wissenschaft der Logik. Hegels Werke, III Band, Zweite Auflage, S. 434. XXI). Г. П. Струве вообразил, что цитаты, так неудачно натасканные им из различных авторов, опровергают эту мысль Гегеля. На самом деле в них нет даже и намека на ее опровержение.

ксиста, который еще не успел свести в своем миросозерцании концы с концами. Марксист, продумавший основные положения своей теории, знает, что на самом деле развитие совершается вовсе не так, как хотели бы г. г. «критики». Если я вижу, что нагревание превращает лед в воду, а воду—в пар, то мне нужно сделать много усилий над собою, чтобы не заметить *скачков,* подготовляемых здесь *постепенным изменением.* Конечно, такие скачки имеют место не повсюду. Но даже и там, где их не бывает, или там, где то, что представляется нам скачком, на самом деле состоит из ряда постепенных, но незаметных для нас переходов, даже и в этих случаях мы нередко имеем полную возможность разграничить явления с точностью, достаточной для преследуемой нами определенной цели. Так, хотя смерть и есть более или менее медленно совершающийся *процесс,* а не внезапный *акт,* мы все-таки в огромном большинстве случаев умеем отличать живых от мертвых, и, если мы видим, что Иван ударом топора отсекает голову Семену, то мы можем, не опасаясь ошибки, сказать, что он совершает убийство, и что отсечение Ивановой головы топором и есть то действие, которое лишает его жизни. То же и в области социально-политических явлений. Общественное *развитие* совсем не исключает общественных *переворотов,* которые являются его *моментами.* Новое общество развивается «в недрах старого»; но, когда наступает время «*родов*», тогда медленный ход развития обрывается и тогда «старый порядок» перестает заключать новый в своих «недрах» по той простой причине, что *он исчезает вместе со своими «недрами».* Это и есть то, что мы называем *общественным переворотом.* Если г. П. Струве хочет иметь наглядное представление об общественном перевороте, то мы еще раз отсылаем его к великому социальному перевороту, положившему во Франции конец существованию того самого «ancien régime», внутри которого так долго развивалось третье сословие. Г. Струве думает, что капиталистическому порядку не суждено умереть такою быстрою и такою насильственною смертью. Мы не препятствуем ему думать, как угодно. Но мы попросим его привести в защиту своего мнения что-нибудь более убедительное, нежели его нескладные и неладные соображения о «*непрерывности*».

Но, если эти доводы нашего «критика» несостоятельны в смысле логики, то они интересны в *психологическом* отношении. И с этой стороны их интересно сопоставить с некоторыми доводами г. Э. Бернштейна.

Энгельс сказал в своем сочинении «Людвиг Фейербах», что мир представляет собою совокупность процессов, в которой вещи и их умственные образы, т.-е. *понятия,* находятся в беспрерывном изменении. Г. Э. Бернштейн счел нужным подвергнуть это положение Энгельса своей «*критике*». Он заявил, что «в принципе» (prinzipielle) он, «конечно», признает это положение правильным (sicherlich richtig), но сомневается насчет того, в какой мере верна мысль, лежащая в его основе (welche Tragweite dürfen wir dem ihm zu Grunde liegenden Gedanken beilegen) и как надо понимать слова—*постоянное изменение.* Чтобы пояснить, что именно показалось ему сомнительным, г. Бернштейн привел такой пример: по учению физиологов, составные части человеческого организма постоянно переменяются. В промежуток времени, не превышающий десяти лет, в этом организме происходит полное обновление всего вещества. Поэтому можно сказать, что в каждую данную минуту каждый данный человек не совсем тот, каким он был в предыдущую минуту, а по истечении некоторого времени он в мате-

риальном отношении совершенно переменяется. Но несмотря на это, он остается той же самой *личностью,* какою был и прежде. Правда, он стареет и изменяется. Он развивается, но его развитие определяется свойствами его организма, и хотя оно могло бы быть замедлено или ускорено, но оно ни в каком случае не могло бы привести к тому, чтобы из данного человека получилось существо совсем другого рода. На этом основании г. Э. Бернштейн думал, что вышеприведенное положение Энгельса надо изменить так: мир представляет собою совокупность готовых вещей и процессов. видим в нем такие процессы, для завершения которых нужно менее одной секунды, но видим также и такие, для которых необходимы целые столетия или даже тысячелетия, и которые с практической точки зрения могут быть названы *вечными.* Ради некоторых определенных целей исследования и изложения не только можно, но и нужно бывает иногда отвлеченные от некоторых специфических признаков вещей. Но диалектические формулы,— думает г. Бернштейн,—побуждают к такому отвлечению даже там, где оно совсем недопустимо или же допустимо только в известных пределах. И в этом заключается опасность диалектических формул.

Мы не хотим касаться здесь вопроса о том, насколько *поправка,* сделанная г. Бернштейном, *поправляет* Энгельса. Не будем мы также распространяться и о поразительной, чисто институтской наивности «критических» соображений г. Бернштейна. Главная отличительная черта его, как «критика» философских и социологических основ марксизма, вообще состоит в непонимании им критикуемого предмета [1]). Но здесь нам нет до нее никакого дела. Нам нужно только выяснить себе смысл упрека, делаемого г. Бернштейном диалектикам вообще и марксистам—в частности. А этот упрек сводится к тому, что они недостаточно считаются со специфическими признаками вещей. Заметив это, вспомним, в чем упрекает правоверных марксистов г. П. Струве.

У него выходит, что эти люди слишком сосредоточивают свое внимание на специфических признаках противоположных понятий и изменяют диалектике, забывая о постепенном и непрерывном развитии форм общественной жизни [2]).

Таким образом, мы имеем перед собою *два прямо противоположных упрека.* По г. Бернштейну, правоверные марксисты из-за *развития* не видят готовых *вещей;* по г. Струве, они из-за резко-очерченных *понятий* не видят *развития.* По г. Бернштейну, они слишком верны диалектике; по г. Струве, они недостаточно верны ей.

Оба эти упрека вышли из одного и того же источника: из неправильного представления о диалектике.

Г. Бернштейн почему-то думает, что диалектика не считается с тем, что Гегель называл *правами рассудка,* т.-е. не заботится о точном определении понятий. Г. П. Струве почему-то вообразил, что считаться с «правами рассудка», значит изменять диалектике.

На самом деле, отличительная черта людей, умеющих мыслить диалектически, состоит в том, что они свободны, как от того, так и от другого

---

[1]) Об его «критических» подвигах см. нашу статью: «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна».

[2]) Archiv, S. 688.

недостатка: они знают, что развитие каждой данной «вещи» ведет к ее *отрицанию* и к переходу ее *в другую «вещь»*. Но они также хорошо знают, что этот процесс перехода одной вещи в другую может быть для нас понятен только тогда, когда мы научимся отличать их одну от другой и не давать нашим понятиям о них сливаться в одно безразличное целое: ведь на самом деле речь идет именно *о возникновении различных вещей, а не о постоянном изменении одной и той же вещи*. Выражаясь словами Гегеля, можно сказать, что остается верным диалектическому методу только тот, кто умеет отдавать должное и *разуму*, и *рассудку*. Кто забывает о правах «разума», тот становится *метафизиком;* кто упускает из виду права «рассудка», тот впадает в *скептицизм* [1]).

Кто воображает, что сторонники диалектического метода *пренебрегают* правами «рассудка», тот так же мало понимает истинную природу этого метода, как и тот, кто во *внимательном отношении* к названным правам видит измену диалектике. Первый случай есть случай г. Бернштейна, второй—случай г. П. Струве.

А впрочем, какое дело до всего этого г. Струве и г. Бернштейну? Крайне ошибочно было бы воображать, что так называемая критика марксизма стремится удовлетворить какой-нибудь серьезной теоретической потребности. До теории г.г. «критикам», в сущности, очень мало дела. Им нужно побороть или хотя бы только ослабить известную практическую тенденцию. Их «критика» служит им оружием в «духовной борьбе» с этой тенденцией, и их аргументы имеют в их глазах цену лишь постольку, поскольку они помогают выставлять в неблагоприятном освещении ненавистное им понятие: *переворот, скачок*. Эта практическая цель оправдывает все теоретические средства. И если один «критик» выдвигает против правоверных марксистов такое обвинение, которое совершенно несовместимо с обвинением, в то же самое время выдвигаемым против них другим «критиком», то тут нет *противоречия*, а есть только *разнообразие в единстве*. Оба «критика» вполне согласны между собою в том, что надобно разрушить Карфаген, т. е. все тот же *«скачок»*. И это обстоятельство делает их *единомышленниками*, создает взаимное сочувствие между ними. А какой *предлог* следует выбрать для разрушения Карфагена,—это каждый из них решает по-своему, ни крошечки не смущаясь тем, что предлог, выбираемый им самим, лишает всякого смысла предлоги, выбираемые его союзниками. Не даром г. г. «критики» восстают против «шаблонов»!

В теоретическом отношении защищаемая г. П. Струве теория эволюции имеет, как мы видели, тот коренной недостаток, что в ней *есть место только для изменения уж возникших вещей, а не для возникновения новых*. Но на этот недостаток охотно закрывает глаза и сам г. П. Струве, и вся та ученая и полуученая, крупная и мелкая буржуазия, которая стремится побороть «духовным оружием» стремления пролетариата. Консервативный классовой инстинкт, всегда очень зло подшучивавший над идеологами высших классов, подшучивает теперь над буржуазными «гносеологами». Он за-

---

[1]) См. об этом «большую» энциклопедию Гегеля, параграф 81-й и *дополнение* к нему. Ср. также «Die Phenomenologie des Geistes», Bamberg und Würzburg 1807, стр. 134 и след. Гегель очень хорошо замечает, что „das Etwas ist die erste Negation der Negation» (Werke, III, S. 114), XXI/A).

ставляет их гордиться своими многочисленными и вопиющими теоретическими ошибками, распускать их, как павлин распускает свой пышный хвост, и свысока посматривать на людей, избегающих таких ошибок.

V.

Читатель заметит нам, пожалуй, что говорить о *консервативном* инстинкте г. г. П. Струве и Э. Бернштейна нельзя потому, что они все-таки выступают решительными сторонниками *социальной реформы*. Но в том то и дело, что решительное отстаивание социальной реформы как нельзя лучше уживается в настоящее время с *консервативным инстинктом буржуазии*.

Вот, например, послушайте г. Вернера Зомбарта.

«Мысль, занимавшая в половине нынешнего века самые светлые головы,—говорит он,—мысль о возможности в близком будущем общественного производства без капиталистического предпринимателя, эта мысль в наши дни живет только в представлениях вымирающей генерации социальных фантазеров. Теперь мы знаем, что предприниматели могут стать излишними только путем медленного органического процесса... Еще на целые столетия хватит интенсивной и экстенсивной работы капитализма... И мы с удовольствием приветствуем перспективу еще долго видеть во главе нашего экономического прогресса тех людей, которые и теперь руководят общественною жизнью: гениальных предпринимателей, имперских купцов, директоров крупных акционерных обществ, имеющих почти столь же важное значение, далее—руководителей нашего государственного, городского и коммунального хозяйства» [1]).

Перспектива видеть во главе экономического прогресса имперских купцов, директоров акционерных компаний, гениальных предпринимателей и т. п., совершенно неотделима от перспективы видеть всю эту почтенную братию *«во главе» эксплоататоров наемного труда*. Человек, «с удовольствием приветствующий» одну перспективу, с удовольствием приветствует и другую. Такой человек, несомненно, стоит на точке зрения буржуазии. Ему дороги ее интересы. Ее инстинкт самосохранения говорит его устами. И, тем не менее, он горячо защищает... *«социализм»*.

«Но это вовсе не значит,—уверяет он,—что перед колоссальной сферой деятельности современного капитализма должны капитулировать социалистические идеалы: *скорее наоборот, именно на капиталистическом пути они получают возможность реализации*. Это справедливо, как в том случае, если мы социалистическим идеалом считаем планомерное управление производством и дикими стихийными силами рыночного обращения при помощи союза картелей, так и в том случае, когда мы на первый план выдвигаем защиту интересов труда против интересов собственности. Последний идеал достигается путем медленного преобразования господствующего хозяйственного порядка; сюда относится фабричное законодательство, государственное страхование рабочих и вообще все реформы в законодательстве и упра-

---

[1]) *«Во что бы то ни стало! Из теории к истории профессионального движения»*. Перевод с немецкого, напечатанный в приложении к русскому переводу книги В. Кулемана—«Профессиональное движение», С.-Петербург, 1901, стр. 95—96.

влении, которые на место первоначального частно-правового договора о найме ставят публично-правовое отношение» [1]).

Что такое «интересы собственности», т. е. интересы капиталистической собственности, собственности тех купцов, акционеров и предпринимателей, которым г. Вернер Зомбарт с таким удовольствием пророчит такое долгое господство? Это интересы эксплоатации наемного труда. Оградить интересы наемного труда против интересов этой собственности, значит понизить уровень эксплоатации работника капиталистом. Спрашивается, понизился ли этот уровень, благодаря тем реформам в отношении труда к капиталу, о которых нам все уши протрубили сторонники теории постепенного «опорожнения» капитализма? Нет, до сих пор этого не было! Нам очень хорошо известно, что, наоборот, несмотря на все эти реформы, *относительная доля* рабочего класса в общественном доходе *уменьшается* во всех передовых капиталистических странах. Но это означает *повышение уровня эксплоатации рабочего класса и увеличение его зависимости от капиталистов.* Стало быть указанные реформы не вносят ровно никаких *существенных* изменений в капиталистические отношения производства и нимало не ограничивают *существенных прав капиталистической собственности.* И если весь возможный теперь «социализм» сводится к таким реформам, то нимало не удивительно, что «социалистические идеалы» лучше всего реализуются на *капиталистической* основе. Передовая промышленная буржуазия капиталистических стран давно уже поняла, что осуществление *таких* «идеалов» *не только не вредит ей, но приносит значительную пользу.* Вот почему она, так решительно восставшая прежде против государственного вмешательства в отношения труда к капиталу и против профессиональных союзов рабочих, теперь сама готова требовать такого вмешательства и содействовать возникновению таких союзов. Она поняла, что,—как выражается один из буржуазных Пиндаров трэд-юнионизма,—«в большой механической мастерской розничная покупка рабочей силы есть бессмыслица и нелепость» [2]). И вот ее публицисты и ее ученые выступают убедительными проповедниками «социализма» этого разбора [3]).

В качестве ученого буржуа, очень хорошо знающего, «где раки зимуют», г. Вернер Зомбарт весьма красноречиво рассуждает о *социализме на капиталистической основе.* Но заметьте, читатель, что этот социализм и есть та пресловутая «*социальная реформа*», которую нам так настойчиво рекомендуют и так старательно расписывают г. г. Э. Бернштейн, П. Струве e tutti frutti. Мы не скажем, что «социалистические идеалы» г. В. Зомбарта

---

[1]) Там же, стр. 96. Курсив г. В. Зомбарта.

[2]) Paul Bureau—«Le Contrat de Travail, le Rôle des syndicats professionnels». Paris 1902, p. 257.

[3]) Надо, впрочем, заметить, что в самое последнее время в Англии отношение общественного мнения буржуазии к трэд-юнионам начинает резко изменяться. Теперь почти каждый номер „Justice" приносит нам несколько новых известий о ходе «*войны*» с трэд-юнионами («The war on Trade Unions»). Английская буржуазия как будто возвращается к той мысли, что трэд-юнионы мешают ей успешно конкурировать с другими странами на всемирном рынке. Если эта «война с трэд-юнионами» не прекратится в скором времени, то «социализм» английской буржуазии отойдет в область предания, показав, что даже и он, при всей своей безобидности, мог уживаться с капитализмом лишь до поры, до времени, *лишь до известного предела.*

вполне покрывают собою социал-реформаторские планы наших «критиков». Возможно, что кое в чем они и разойдутся между собою. Но мы с уверенностью утверждаем, что «социализм» г. В. Зомбарта отличается от «социальной реформы» г. П. Струве никак не больше, чем отличается одна от другой две разновидности одного и того же вида. *Это вариация на одну и ту же тему.* И именно поэтому г. П. Струве так превозносит г. В. Зомбарта, а г. В. Зомбарт возлагает такие большие надежды на «неомарксизм» г. П. Струве [1]). Рыбак рыбака видит издалека. И оба рыбака руководствуются одним и тем же классовым инстинктом.

В своей известной книге г. Бердяев прекрасно выражает то представление о постепенном реформировании капиталистического общества, которое свойственно г. г. «критикам» à la П. Струве. «Поправки, создаваемые самим капиталистическим развитием,—говорит он,—до тех пор будут штопать дыры существующего общества, пока вся общественная ткань не сделается сплошь новой» [2]). Лучше выразиться невозможно. Беда только в том, что удачно выразить данное представление еще не значит устранить из него элементы ошибки. Возникновение *новой* «общественной ткани», как следствие усиленного штопанья *старой,* есть *единственный, признаваемый г. г. «критиками» случай перехода количества в качество.* Но это сомнительный случай. Если я штопаю *чулки,* то они останутся чулками и не превратятся в *перчатки* даже в том крайнем случае, когда вся их «ткань» подвергнется сплошному обновлению. Тоже и со штопаньем дыр капиталистического общества. Капиталистический способ производства утвердился благодаря *устранению* феодально-цехового строя, а не благодаря его *заштопыванью.* И совершенно непонятно, каким образом и почему штопанье капиталистической «ткани» может и должно привести (хотя бы и путем самого медленного изменения) к *устранению капиталистических отношений производства и к замене их совершенно другими отношениями.* Употребляемое г. Бердяевым образное выражение лишь с большею яркостью оттенило несостоятельность защищаемой г. г. «критиками» теории эволюции. Мы уже видели, что она может об'яснять *только изменение* уже существующих «вещей», а не *возникновение* новых. Теперь мы с ясностью видим, что она способна служить теоретическим руководством *только для тех, чьи «идеалы» не идут дальше «непрерывного» штопанья дыр капиталистического общества.* Тем же, которые стремятся к созданию нового общественного порядка, она, как говорится, *совсем ни к чему.* Это именно теория буржуазной *социальной реформы,* выставленная против теории, приводящей к совершенно иным выводам, «идеалам» и,—это самое главное,—*практическим* задачам.

«Непрерывно» штопать старье и столь же «непрерывно» воображать при этом, что заштопываемое *старье* «непрерывно» превращается в нечто совсем *новое,* это значит «непрерывно» верить в такое чудо, которое открыто и «непрерывно» насмехается над всеми законами человеческого мышления. И такую-то *веру,* являющуюся в теоретическом отношении настоящим *про-*

---

[1]) См. третье издание его сочинения: «Sozialismus und soziale Bewegung im 19 Jhsrhundert . Jena, 1900, S. 126–127.

[2]) «Суб'ективизм и индивидуализм», стр. 266.

тивоестественным пороком, превозносят теперь на счет якобы утопизма правоверных марксистов! О, «критики»!

На самом деле утопистами являются не правоверные марксисты, а именно теоретики *«штопанья»*. Но утопия этих теоретиков есть утопия совсем особого, нового свойства. В истории социальных учений такой еще никогда не бывало. Вера в чудодейственную силу «штопанья» мирно уживается в головах г. г. «критиков» с той несокрушимой и непреоборимой «трезвенностью», которая благоразумно довольствуется отрадным сознанием того, что,—как выражается где-то Г. И. Успенский,—в будущем историческом периоде почтовые марки станут дешевле на целую копейку. Мало того. Эта утопия так же немыслима без этой трезвенности, как *«низ»* немыслим без *«верха»*, а *положительный* полюс без *отрицательного*. Мещанский трезвенный «интеллект» теоретиков штопанья «не терпит» других «скачков», кроме удешевления почтовых марок во всем отдаленном будущем. И они безусловно повинуются голосу своего интеллекта во всем, что касается практической деятельности. На практике ими начата эпоха того *сознательного* оппортунизма, который тем более доволен собою, чем полнее и удобнее его требования укладываются в схему *«штопанья»*. Но, чем более ими овладевает гордое сознание своей трезвенности, тем непоколебимее становится их убеждение в том, что им позволительно побаловать себя *мечтою*. И вот они благодушно разрешают себе *поверить,* что заплата, помноженная на заплату, дает новую «общественную ткань», а удешевление почтовых марок будет знаменовать собою наступление золотого века. Но и вера у г. г. «критиков» не похожа на вульгарную, слепую веру обыкновенных смертных. *Она насквозь проникнута неверием,* так как г. г. «критики» *верят* в то, что они же сами *об'являют теоретически-несостоятельным*. Это—вера, на которую способны только кантианцы. Психология таких «верующих» людей несколько напоминает психологию гоголевского Подколесина. Этот персонаж в глубине души прекрасно знает, что у него нет ни малейшей охоты жениться и что он никогда не женится. Его нерасположения к брачным узам не пересилят никакие Кочкаревы. Но это не мешает ему говорить: «Вот как начнешь этак один на досуге подумывать, так видишь, что, наконец, точно надо жениться! Что в самом деле? Живешь, живешь, да такая, наконец, скверность становится... Право, самому как-то становится совестно»... Разница только в том, что Подколесин не имеет того «критического» образования, каким отличаются г. г. реформаторы новой школы. Под влиянием собственных речей Подколесин хоть иногда, хоть на короткое время становится «женихом». А г. г. «критики» решительно не идут дальше «штопанья», так как их решительно никогда не покидает та мысль, что *обновление общественной ткани есть утопия*. Если г. г. «критики» не насмехаются над своими читателями, не осененным «критической» благодатью; если они действительно верят в то, во что, по их же словам, верить невозможно, то мы имеем перед собой чрезвычайно интересный случай *«двойного сознания»*.

«Каждый социалист, — пишет г. П. Струве, — исходит из социализма, как из нравственно-политического идеала, социализм есть для него регулятивная идея, с помощью которой он подвергает нравственно-политической оценке и измерению отдельные события и действия. И не иначе обстоит дело с целым классом, который, будучи организован в партию, выступает... как единый нравственно-политический суб'ект. Социал-демократическое движение

должно подчиниться в идеале конечной цели, иначе оно разложится. Вера в конечную цель есть религия социал-демократии, и эта религия—вовсе не «частное дело», а важнейший общественный интерес партии» [1]).

И это при том теоретическом сознании, что «конечная цель»—утопия! Нет, что ни говорите, а такая «*религия*» невозможна без «двойного сознания». Но мы находимся в здравом уме и в твердой памяти; мы «двойным сознанием» не страдаем, и нам нет ни малейшей нужды в «религии» г. П. Струве. Мы очень благодарны ему за его «*регулятивную идею*», но и ее нам не требуется. Мы говорим о своей конечной цели не потому, что мы считаем ее «*нас возвышающим обманом*», а потому, что мы *твердо убеждены в неизбежности ее осуществления*. Заведомо несбыточный идеал для нас не идеал, а просто безнравственные *пустяки. Наш идеал,* это—*действительность будущего*. За его осуществление ручается нам весь ход современного общественного развития, и вот почему наша уверенность в его будущем осуществлении имеет в наших глазах так же мало родственного с «религией», как и общая нам с «критиками» уверенность в том, что солнце, «севшее» сегодня, не поленится «взойти» завтра. Это вопрос более или менее безошибочного знания, а вовсе не более или менее твердой веры.

VI.

Но почему наш «критик» так сильно убежден в том, что наша «*конечная цель*» может быть для *нас только* предметом «*веры*»? Почему он нам разрешает говорить о ней только в виду нашего «божественного права» на порядочный кусок утопии? Потому что, говоря о ней, мы покидаем *почву реализма*.

А что такое реализм? Это марксизм, пересмотренный, исправленный, очищенный и дополненный г. П. Струве.

«Изложенное в этой статье реалистическое воззрение также основывается на идеях Маркса и особенно на коренном положении исторического материализма о постоянно совершающемся приспособлении права к экономии, как и нереалистическое воззрение, оперирующее с теоретическим псевдопонятием: общественный переворот. Маркс против Маркса» [2]).

В первой из статей, посвященных нами критике наших «критиков», мы показали, как уродливо-плохо понял г. П. Струве «коренное положение» исторического материализма о причинной зависимости между экономией и правом. Кто внимательно прочитал эту статью, тот знает, что «реалистическое воззрение» г. «критика» основывается на «коренном» недоразумении. А кто знает это, тот понимает, чего можно ожидать от «реалистической» критики нашей «*конечной цели*». Но не мешает подвергнуть и эту критику подробной и внимательной критике.

Г. П. Струве неправильно называет учение Маркса об отношении экономии к праву *коренным* положением исторического материализма. На самом деле оно является *лишь одним из коренных положений этой теории*. Рядом с ним надо поставить учение Маркса об отношении экономии ко *взглядам и*

---

[1]) Archiv, S. 698—699.
[2]) Archiw, S. 690.

чувствам людей и к тем *целям,* которыми задаются люди в своем историческом движении.

Почему некоторые из этих целей представляются нам *утопическими?* В чем вообще заключается критерий «*реальности*»? Послушаем г. П. Струве.

«Движение есть исторический Prius, — говорит он. — Социализм всегда обладает реальностью в той мере, в какой он заключается в движении, порождаемом «современным хозяйственным порядком,—не более и не менее»[1]).

Социализм заключается в движении, порождаемом современным хозяйственным порядком. И поскольку он заключается в нем, постольку он «*реален*». Хорошо. Но каким же образом социализм заключается в указанном движении? Это можно понимать двояким образом: 1) или социализм заключается в нем в той мере, в какой он заключается во взглядах и в чувствах участников движения; 2) или он заключается в нем в той мере, в какой участникам движения *удается в данное время переделать окружающую их действительность сообразно их взглядам и их чувствам.* Если мы примем первое толкование, то мы придем к тому выводу, что социализм «реален» постольку, поскольку *к нему стремятся участники движения,* порождаемого нынешним историческим порядком, т.-е. именно в той мере, в какой он является их «конечной целью». Это совершенно логичный вывод. Но он лишает наших «критиков» всякого подобия права называть *утопией* нашу конечную цель: ведь стремление к этой цели несомненно окрашивает собою взгляды и чувства огромной части людей, примыкающих теперь к «движению, порождаемому», и т. д.

А к какому выводу приводит нас *второе* толкование? К тому, что социализм реален настолько, насколько он может быть осуществлен в настоящий момент, т.-е. именно в то время, когда мы с вами, читатель, рассуждаем об его *реальности:* «не более и не менее». Все, что не может быть осуществлено за это время, оказывается *утопией.* Прекрасно. Но в таком случае *к области утопии* приходится отнести *не только нашу конечную цель, но и все те ее цели, которые не могут быть осуществлены ее нынешними силами.* Таким образом область утопии расширяется чрезвычайно сильно, а область «*реалистической*» деятельности, наоборот, чрезвычайно сильно суживается. Более того, утопистом выходит у нас *всякий* общественный деятель, ставящий себе какую бы то ни было другую цель, кроме цели быть беззаботным насчет каких бы то ни было других целей. Всякая другая цель непременно *приурочивается к будущему;* всякая другая цель неизбежно *предполагает недовольство настоящим* и, следовательно, уже тот факт, что ее ставит себе данный индивидуум, ясно показывает, что этот индивидуум не удовлетворяется тем, *что происходит в настоящее время благодаря существующему теперь соотношению общественных сил;* всякая другая цель означает желание изменить это соотношение в ту или другую сторону; всякая другая цель выходит, таким образом, из границ «*реальности*». Это тоже вполне логичный вывод. Но его не делает г. П. Струве и его «критические» единомышленники. Хотя они придерживаются именно того взгляда на «коренное» условие «реальности», из которого этот вывод неизбежно вытекает, но они не додумывают своей мысли до конца; они останавливаются на полдороге и признают «реальным» тот «идеал», который, хотя

---

[1]) Archiw, S. 698.

и не довольствуется существующим порядком вещей, но в своих «реформаторских» стремлениях не отваживается итти дальше «штопанья дыр». При этом *утопическими* естественно оказываются все те задачи, для решения которых необходимо *устранить капиталистические отношения производства.*

Теперь, когда мы узнали, в чем состоит искомый нами критерий «реальности», у нас возникает другой и еще более «проклятый» вопрос о том, можно ли согласить этот критерий с *подлинным*—не искаженным «критикой» — учением Маркса о *целях в историческом движении человечества*?

На этот вопрос мы принуждены ответить отрицательно. Г. П. Струве преподносит нам, в несколько измененном виде, ту мнимо-реалистическую путаницу понятий, которая наиболее ярким образом выразилась в печальной памяти «Credo» и которая сводится к повторению на разные лады (но всегда «с ученым видом знатока») той мысли, что наша конечная цель перестанет быть утопией только тогда, точнее, только в том случае, *если* весь рабочий класс, процессом самобытного развития, без всякого участия в этом процессе *интеллигентной «бациллы»*, будет приведен к тому убеждению, что его интересы требуют немедленного осуществления этой цели.

Эта путаница понятий, несколько лет тому назад сбившая у нас довольно многих, могла бы быть принята за злейшую пародию на знаменитое предисловие к «Zur Kritik der politischen Oekonomie», если бы люди, ей предающиеся, не сохранили самой невозмутимой и самой неподдельной серьезности.

VII.

Источником их заблуждения послужило следующее место из упомянутого предисловия: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производительные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения».

Человечество ставит себе только такие задачи, которые оно может разрешить. Следовательно, если оно еще не поставило себе той или другой задачи,—скажем, задачи полного устранения капиталистических отношений производства, — то, значит, эта задача еще не может быть разрешена. Ну, а стремиться к разрешению задач, неразрешимых для настоящего времени, может только тот, кто покидает *реальную* почву и пускается в область *утопии.*

Так рассуждают многие «критики», а раз утвердившись на этой точке зрения, они уж без большого труда отделяют в данных «идеалах» «реалистический» элемент от «утопического». Представителем передовых стремлений современного человечества в деле преобразования экономических отношений является теперь, как известно, рабочий класс.

В чем же состоят те практические задачи, решением которых занят он в настоящее время? Они состоят в сокращении рабочего дня, в улучшении санитарных условий труда, в организации профессиональных союзов, кооперативных товариществ, и т. д., и т. д. Устранение капиталистических производственных отношений еще не занесено пролетариатом в число *практических* вопросов дня. Это именно и показывает, что еще не готовы материальные условия, необходимые для решения этой задачи.

Правда, в пролетариате есть слой, стремящийся к обобществлению средств производства и обращения продуктов и ставящий его во главу всей своей программы. Этот слой надеется увлечь за собою *весь* пролетариат. Может быть, эта надежда когда-нибудь и осуществится, но, пока она не осуществилась, обобществление средств производства и обращение продуктов останется *утопическим* элементом программы. Реальны только те задачи, для решения которых *уже* имеются средства.

Особенность этой цепи силлогизмов составляет ее *метафизический характер*. Люди, ее придумавшие, мыслят так, как мыслят все метафизики: «да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого». У них материальные условия решения данной общественной задачи, *или* существуют *или не* существуют. Слова Маркса о том, что эти условия могут находиться в процессе своего возникновения, не производят на них никакого впечатления, или, по крайней мере, нисколько не помогают им определить, где кончается «*реальность*» и где начинается «утопия».

Процесс возникновения материальных условий, необходимых для решения данной общественной задачи, не может быть подмечен одновременно *всем тем* «человечеством», которому со временем придется решать эту задачу. Это «человечество» состоит из слоев и из отдельных лиц, отличающихся неодинаковой степенью развития (слои) или даже неодинаковыми природными дарованиями (отдельные лица). То, что уже понято одними, как историческая необходимость, часто еще даже и не подозревается другими. В группе людей, идущих по одной дороге, почти всегда найдутся *дальнозоркие,* видящие предметы на большом расстоянии, и *близорукие,* различающие эти самые предметы только вблизи. Значит ли это, что дальнозорких надо отнести к «утопистам», а «реалистами» можно признать только близоруких? Кажется, что не значит. Кажется, что дальнозоркие лучше других различают направление общего пути, и что поэтому их суждение о нем ближе к *действительности,* чем суждение близоруких. Иные захотят, может быть, упрекнуть дальнозорких в том, что они слишком рано поднимают разговор о тех предметах, мимо которых придется со временем проходить всей компании. Но, во-первых, слишком рано заговорить *о реальном предмете* еще не значит покинуть *реальную почву*. А, кроме того, как судить о том, время или не время поднимать тот или иной разговор? Представьте себе, что, чем раньше дальнозоркие люди заговорят, положим, о том доме, который стоит на пути и в котором путников ожидает необходимый им отдых, тем скорее они к нему приблизятся, потому что тем более они станут торопиться. В таком случае, дальнозоркие *не могут заговорить слишком рано,* если только путники хоть немножко дорожат своим временем.

В этом смысле Маркс и Энгельс высказались еще в начале 1848 г. в одном из своих произведений. И то, что они сказали там, вполне приме-

нимо к передовым деятелям нашего времени. Эти люди борются за ближайшие цели рабочего класса, но они отстаивают также и будущность движения. Отстаивать будущность движения это и значит бороться за его «конечную цель» и бороться именно теперь,—сегодня, завтра, послезавтра, в каждую данную минуту. Если будущность движения понята правильно, а ее правильно понимают те, которые сумели выяснить себе ход современного экономического развития, то в отстаивании конечной цели нет решительно ни одного атома утопии. Говорить об утопии в этом случае, значит придавать словам совершенно произвольный смысл. «Конечная цель» здесь также *«реальна»*, как реально современное экономическое развитие.

Люди, о которых мы говорим, на практике представляют собою самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть пролетариата всех цивилизованных стран. Они относятся к остальной части производителей почти так, как *дальнозоркие* относятся в нашем примере к *близоруким* [1]). Они уже видят то, чего еще не видят другие производители, и, раз'ясняя им, куда им предстоит направиться в будущем, она осмысливает их движение и ускоряет его. Скажите, ради бога, где же здесь «утопия»? И почему это не «реально»?

Тот факт, что есть люди, раз'ясняющие классу производителей будущность его собственного движения, его *«конечную цель»*,—доказывает, что материальные условия, необходимые для достижения этой цели, уже находятся в процессе своего возникновения и что этот процесс уже может быть замечен более зоркими глазами. Так представляется дело с точки зрения исторической теории Маркса. А наши «критики» поняли эту теорию так нелепо, что у них оказывается утопией всякая попытка людей, обладающих острым зрением, приглядеться к названному процессу и определить его последний результат. Ах, господа, господа, слона-то вы и не заметили!

VIII.

А, может быть, г.г. «китики» à la Струве все-таки еще не сообразили, в каком именно месте они «дают ошибку»? Побеседуем еще немного с этими догадливыми «реалистами». Будем держаться того элементарного, но иногда совершенно неизбежного педагогического приема, который так часто и с таким успехом практиковал великий русский просветитель Н. Г. Чернышевский. Станем об'яснять по складам: буки-аз—ба, буки-аз—ба,—баба, и т. д.

Экономические отношения определяют собою *взгляды* людей и их *действия*. Но люди не всегда понимают характер своих собственных экономических отношений, и не всегда их взгляды развиваются так же быстро, как совершается развитие их экономических отношений. Чаще бывает так, что *взгляды* более или менее значительно отстают в своем развитии от *экономики. Новые экономические отношения лишь* с тече-

---

[1]) С тою разницей, что, между тем, как дальнозоркие на близком расстоянии видят хуже близоруких, а люди, о которых мы говорим, даже и ближайшие интересы рабочих понимают обыкновенно лучше, чем люди, не признающие «конечной цели».

нием времени, лишь мало-по-малу расшатывают *старые взгляды* и порождают *новые*. Причина возникает раньше своего следствия. Благодаря этому бесспорному обстоятельству, лица или группы лиц, одаренные проницательностью, получают возможность принимать деятельное участие в поступательном движении человечества. Поняв смысл существующих экономических отношений, они выясняют его другим, менее проницательным, и тем влияют на их взгляды, а через посредство их взглядов и на их действия, которые, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию данного экономического порядка [1]). Но все течет, все изменяется. Понять то, что изменяется, значит выяснить себе, к чему придет оно на *последней* ступени своего развития. Иначе нет полного понимания, как это известно еще со времен Аристотеля. Стремление определить последнюю стадию, окончательный исход данного процесса развития не только вполне законно, но прямо обязательно для всех тех, которые хотят притти к его пониманию. Поэтому люди, желающие понять экономические отношения современных цивилизованных обществ, должны употребить все силы своего разума на то, чтобы узнать, куда идет развитие этих отношений и *чем закончится* процесс их развития. Если эти люди убедились в том, что он закончится устранением *капиталистических отношений производства,* и если они, по своим симпатиям или по своему классовому положению, имеют основание радоваться такому исходу, то они станут *указывать на него другим и будут побуждать их содействовать ему всеми средствами.* Он сделается *конечной целью* всех их усилий, он ляжет в основу всей их программы. И, если они не заблуждаются на его счет, если «ход вещей», в самом деле, направляется в сторону их конечной цели, то они могут смело сказать, что под ними есть твердая реальная почва, и что *утописты не они, а все те, которые считают утопией их конечную цель.*

Конечная цель передовых общественных деятелей нашего времени представляет собою не более, как сознательное выражение бессознательной тенденции, свойственной развитию нынешнего общества. Их «идеал» только потому имеет право называться *научным,* что они решили, наконец, ту в высшей степени важную теоретическую задачу, которую еще Шеллинг ставил общественной науке в своем,—столь богатом содержанием,—сочинении «System des transcedentalen Idealismus»: об'яснить, каким образом сознательная *(«свободная»)* деятельность людей в истории не только не исключает того, что называется *исторической необходимостью,* но предполагает ее, как свое необходимое условие. *Утописты* исходили из того или другого отвлеченного принципа и опирались на его силу. Передовые общественные деятели нашего времени исходят из сознания исторической необходимости и опираются на ее силу. «Конечная цель» есть у одних, как была она и у других; но «конечная цель» утопистов относилась к действительности совсем иначе, чем относится к ней «конечная цель» указанных деятелей. Вот почему между теми и другими лежит целая пропасть. И вот почему названным деятелям так трудно помириться с утопическими элементами, нередко и теперь еще встречаю-

---

[1]) В действительности, исторический процесс выяснения и изменения взглядов людей не ограничивается выяснением и изменением одних только *экономических* взглядов. Но мы упростили ход дела для более наглядного его изображения.

щимися в программах деятелей «широкого» образа мыслей. Они не выносят утопии, а их величают за это *сектантами, догматиками* и прочими ласкательными прозвищами.

Чтобы влиять на историческое движение, надо понять существующий экономический порядок. Понять существующий экономический порядок значит выяснить себе процесс его развития, вплоть до его *окончательного исхода* включительно. Будучи выяснен, этот *исход* неизбежно становится нашей «конечной целью» при первой же нашей попытке *положительного участия* в историческом движении. Выталкивайте *«конечную цель»* в дверь, она ворвется в окно, если только вы не закроете окна ставнями, преграждающими доступ всякому поползновению *понять* данный процесс общественного развития и всякому искушению *действовать* сообразно с достигнутым вами пониманием.

Для того, чтобы «конечная цель» стала для меня более или менее благочестивой утопией, неосуществимость которой ясна для меня при свете сознания, необходимо, чтобы я предварительно убедил себя в том, что никакого окончательного исхода развитие нынешнего экономического порядка иметь не будет и не может по самому своему существу. Раз такой исход признан невозможным, то тем самым признано теоретически несостоятельным и стремление расположить всю свою деятельность так, чтобы она ускоряла его приближение. Невозможность окончательного исхода *лишает «конечную цель» реальной основы.* Но что же означает собою это признание невозможности окончательного исхода? Оно означает убеждение в том, что *процесс развития капитализма будет продолжаться постоянно,* т.-е., другими словами, что *капитализм будет существовать всегда,* или, *по крайней мере, так необозримо долго, что незачем и задумываться об его устранении.* Это, как видите, есть уже известное нам убеждение г. В. Зомбарта, сообщившего нам ту великую и отрадную новость, что социализм не исключает капитализма, т.-е что *даже развитие социализма не положит конца капиталистическому способу производства.* Это есть также убеждение г. П. Струве и других «критиков» [1]). Раз у человека возникло такое убеждение, ему в самом деле не остается ничего другого, как положить *«конечную цель»* на божницу благочестивых утопий и признать *штопанье дыр* единственной общественной деятельностью, имеющей под собою *реальную почву.* Но ведь это значит, что «конечная цель» делается *утопией* только тогда, *когда* человек *добровольно поворачивается к ней спиной.*

IX.

Г. П. Струве сам чувствует, что убеждение в практически бесконечной прочности и «приспособляемости» капиталистического способа производства является необходимым *предварительным условием* того отношения к *«конечной цели»,* которое он рекомендовал, как единственное достой-

[1]) «Единственное, что позволяют нам утверждать данные науки,—уверяет г. С. Булгаков,— это то, что настоящее экономическое развитие ведет к постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплоатации человека человеком». «*Капитализм и земледелие*», т. II, стр. 456.

ное мыслящего человека. Именно для того, чтобы вселить в нас это убеждение, он и принялся «критиковать» понятие: *общественный переворот* с помощью тех глубоких «гносеологических» соображений, которые должны были обнаружить пред нами полную несостоятельность этого— «псевдопонятия», и которые превосходно резюмируются в знаменитом вопросе Козьмы Пруткова: «*Где начало того конца, которым оканчивается начало?*» А для того, чтобы *подготовить* нас к принятию указанного убеждения, он стал уверять нас в том, что общественные противоречия постепенно «*притупляются*» и что если мы взглянем на дело без предрассудков, привитых нам правоверным марксизмом, то сами увидим, что прибавочная стоимость, воплощенная в прибавочном продукте, есть функция всего общественного капитала [1]). При столь «*реалистическом* воззрении» понятие об эксплоатации капиталистом работника облекается таким густым туманом «критики», что мы совсем перестаем понимать, зачем же и кому же, — кроме «утопистов», «эпигонов», догматиков» и т. д., — нужно устранение капиталистических отношений производства, и тогда вопрос о «*конечной цели*» решается сам собою: в лучшем случае, мы третируем эту цель, как «нас возвышающий обман». «*Критика*» *г. П. Струве полна ошибок и недоразумений.* Но она имеет то несомненное достоинство, *что она от начала до конца остается верной своей собственной «конечной цели».*

Господа, придерживающиеся «*реалистического воззрения*» г. П. Струве,—а им у нас имя легион,—беспрестанно говорят о «критике». Без «критики» они не делают ни одного шага, «критический» демон искушает их денно и нощно. Но очень странным представляется на первый, невнимательный взгляд, что та критика, которой предаются наши «критики», чрезвычайно предрасполагает их *к совершенно некритическому усвоению учений новейших представителей буржуазной экономии* до какого-нибудь Бем-Баверка,— этого Бастиа наших дней,—включительно. И чем усерднее работает оружие «критики», тем полнее и прочнее становится *единомыслие* между нашими «критиками»—с одной стороны и профессиональными защитниками буржуазии—с другой. Искушающий господ «критиков» демон «критики» оказывается «домовым» современной буржуазии.

Это странно именно только на первый, невнимательный взгляд. При ближайшем же рассмотрении все дело оказывается как нельзя более простым и понятным.

Историческая миссия наших «критиков» заключается в «пересмотре» Маркса для устранения из его теории всего ее истинно-новаторского содержания. Маркс, имя которого с увлечением повторяется теперь производителями всех цивилизованных стран; Маркс, который призывал производителей к устранению капиталистических производственных отношений,—*этот* Маркс очень несимпатичен нашей образованной мелкой буржуазии, идеологами которой являются г. г. «критики». Ее отталкивают его крайние выводы; ее пугает его страсть. Но «по нынешним временам» трудно обойтись и совсем без Маркса: его критическое оружие необходимо в борьбе с охранителями всех реакционных цветов и с утопистами разных народнических оттенков. Поэтому надо очистить теорию Маркса

[1]) Эта последняя мысль высказана была в статье *„Основная антиномия теории трудовой ценности“*, „Жизнь“ февраль, 1900 г.

от ее плевел; надо противопоставить настоящему Марксу Маркса-*реформатора,* Маркса-«*реалиста*». «*Маркс против Маркса*»! И вот закипает работа «критики». Из теории Маркса выбрасываются одно за другим все те положения, которые могут служить пролетариату духовным оружием в его борьбе с буржуазией. Диалектика; материализм; учение об общественных противоречиях, как о стимуле общественного прогресса; теория стоимости вообще и теория прибавочной стоимости—в частности; устранение капиталистических отношений производства; диктатура пролетариата,—все эти необходимые составные части марксова учения, без которых оно утрачивает все свое существенное содержание, об'являются *второстепенными частностями,* несоответствующими нынешнему состоянию науки, тенденциозными, утопичными и потому подлежащими ампутации в интересах беспрепятственного развития основных положений того же мыслителя. «Маркс против Маркса»! «Критическая» работа «непрерывно» продолжается. И мало-по-малу из горнила «критики» выходит такой Маркс, который, мастерски доказывая нам историческую необходимость *возникновения капиталистического способа* производства, обнаруживает очень большой скептицизм во всем том, что касается его устранения. «Критика» ухитряется сделать из Маркса *почти консерватора.* И все это будто бы с помощью его же собственных положений. Поистине можно сказать, что подобные этому превращения пришлось пережить только Аристотелю, которого средневековые схоластики из языческого философа сделали чем-то вроде отца христианской церкви...

«В своем мистифицированном виде диалектика сделалась немецкой модой,—говорит Маркс,—так как казалось, что она служила для прославления существующего порядка. В своем рациональном виде она огорчает и раздражает буржуазию и ее теоретических выразителей, потому что, давая положительное об'яснение существующему, она в то же время об'ясняет его отрицание, его неизбежное падение; потому, что она рассматривает каждую возникшую форму в потоке ее движения, а следовательно, и с ее преходящей стороны [1]).

Настоящий Маркс до конца своих дней оставался верен этому духу *диалектики.* Но именно это обстоятельство и не нравилось г. г. «критикам». Они «пересмотрели» теорию Маркса с точки зрения «*реализма*», и в результате их «пересмотра» получилась такая доктрина, которая, *давая «положительное об'яснение» капитализму, в то же время отказывается констатировать «неизбежность его падения»,* анализировать его с его «*преходящей стороны*». *С этой* стороны «*пересмотренный*» *нашими «критиками» Маркс анализирует только старые, до-капиталистические способы производства и вырастающие на их основе политические формы.* Таким образом, наш «неомарксизм» является самым надежным оружием русской буржуазии в борьбе ее за духовное господство в нашей стране [2]).

---

[1]) См. предисловие по второму немецкому изданию первого тома „Капитала“ стр. XIX.

[2]) Психология западно-европейских „критиков“ Маркса отличается от русских „критиков“ лишь в той мере, в какой западная буржуазия старше русской. Но существенного различия здесь нет, не было и быть не может: та же погудка, хотя немного и на другой лад.

Г. П. Струве стоит за «социальную реформу». Мы уже знаем, что эта пресловутая реформа не идет дальше штопанья буржуазной общественной «ткани». В том виде, какой придается ей в теории г. П. Струве, она не только не угрожает господству буржуазии, но, напротив, обещает поддерживать его, содействуя упрочению «*социального мира*». И если наша крупная буржуазия до сих пор и слышать не хочет об этой «реформе» [1]), то это не мешает нашему «*неомарксизму*» быть лучшим и самым передовым выражением общих специально-политических интересов буржуазного класса, *как целого*. Теоретики нашей мелкой буржуазии видят дальше и судят лучше, чем дельцы—вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикам нашей мелкой буржуазии будет принадлежать руководящая роль в освободительном движении нашего «*среднего*» *класса*. Мы нисколько не удивимся, если тот или другой из наших критиков дойдет в этом смысле *до степеней* весьма «*известных*» *и станет, например, во главе наших либералов*.

---

[1]) Письмо в 1901 году.

Cant против Канта или Духовное завещание г. Бернштейна.

(Э. Бернштейн. Исторический материализм. Перевод Л. Канцель. Второе издание. С. Петербург, 1901 г.).

Умер, Касьяновна, умер, болезная...
Некрасов.

Die Todten reiten schnell.
G. A. Bürger.

Г. Бернштейн умер для школы Маркса, к которой он когда-то принадлежал. Теперь уже невозможно раздражаться против него: против мертвых не раздражаются. Теперь бесполезно и сожалеть о нем: сожалениями не поможешь делу. Но мы все-таки должны отдать последний долг нашему покойнику, мы должны посвятить несколько страниц его книге, наделавшей много шума в политических кругах всего цивилизованного мира, переведенной на русский язык и вышедшей теперь вторым изданием в Петербурге.

Известно, что в этой книге г. Бернштейн подвергает «критическому пересмотру» теорию Маркса-Энгельса. Мы со своей стороны сделаем здесь несколько критических указаний насчет результатов этого «пересмотра».

I.

Г. Бернштейн замечает, что «важнейший элемент основания марксизма (т.-е. важнейший элемент в основе марксизма: г. Л. Канцель очень плохо перевела книгу г. Бернштейна—*Г. П.),* так сказать основной закон его, проходящий через всю систему, есть его специфическая историческая теория, носящая название исторического материализма». Это неверно. Материалистическое об'яснение истории, действительно, является одним из самых главных отличительных признаков марксизма. Но это об'яснение все-таки составляет лишь *часть материалистического миросозерцания Маркса-Энгельса.* Критическое исследование их системы должно поэтому, начинаться с критики общих *философских* основ этого миросозерцания. А так как метод несомненно составляет душу всякой философской системы, то критика *диалектического метода* Маркса и Энгельса, естественно должна предшествовать «пересмотру» их исторической теории.

Верный своему неверному взгляду на «основной закон» марксизма, г. Бернштейн начинает с критики материалистического понимания истории и лишь во второй главе своей книги переходит к оценке диалектического

метода. Мы, в свою очередь, останемся верны своему взгляду на решающее значение метода в каждой серьезной системе и начнем с *диалектики*.

Что говорит о ней г. Бернштейн?

Он не отказывается признать за нею некоторые достоинства. Более того. Он признает, что она имела полезное влияние на историческую науку. По его словам, Ф. А. Ланге был совершенно прав, сказав в своем «*Рабочем вопросе*», что гегелевскую историческую философию с ее основным положением,—развитием путем противоположностей и их примирением,—можно назвать почти антропологическим открытием (стр. 39). Но он думает,—вместе с тем же Ланге,—что «как в жизни индивидуума, так и в истории, развитие путем противоположностей совершается не так легко и радикально, не так точно и симметрично, как в спекулятивных построениях» (та же страница). Маркс и Энгельс не догадывались бы об этом, и потому диалектика имела вредное влияние на их социально-политические взгляды. Правда, основатели научного социализма не любили умозрительных построений. Убежденные материалисты, они стремились «поставить на ноги диалектику», стоявшую у Гегеля «на голове», т.-е. *вверх ногами*. Но г. Бернштейн думает, что не так-то легко решить такую задачу. «Как всегда бывает в действительности, лишь только мы покидаем почву эмпирически установленных фактов и начинаем мыслить помимо них, мы попадаем в мир производных понятий; если мы в таком случае станем следовать законам диалектики, как их установил Гегель, то мы очутимся, прежде, чем это заметим, снова в тисках «саморазвития понятий». В этом крупная научная опасность для гегелевской логики противоречий» (т.-е. в этом—*опасность логики противоречий*, повторяем, г. Канцель плохо перевела г. Бернштейна) (стр. 37). Не заметив этой опасности, Маркс и Энгельс не уберегли от нее и потому не один раз были введены в заблуждение своим собственным методом. Вот, например, в «Манифесте Коммунистической Партии» они высказали ту мысль, что в Германии буржуазная революция может послужить непосредственным прологом рабочей революции. Это предположение (*«может* послужить») оказалось ошибочным: буржуазная революция 1848 г. не послужила непосредственным прологом рабочей революции. Почему же ошиблись Маркс и Энгельс? *Потому что придерживались диалектики*. По крайней мере так говорит г. Бернштейн. Еще пример: если в 1885 г., по случаю нового издания брошюры Маркса «Enthüllungen über den Kommunistenprozess», и в 1887 г., в предисловии к своей брошюре «Zur Wohnungsfrage», Энгельс высказал мысли, которые, по мнению Бернштейна, трудно согласить с его резко отрицательным отношением к известному бунту «молодых» в немецкой социал-демократии, происшедшему несколько лет спустя, то и в *этом виновата диалектика*. Вы не верите, читатель? Смотрите сами: «Эта двусмысленность, столь мало свойственная характеру Энгельса, в конце концов коренилась в заимствованной у Гегеля диалектике» (стр. 44). В этой фразе нет, к сожалению, и следа «двусмысленности». И если, убедившись в этом, вы спросите г. Бернштейна: почему же, однако, диалектика располагает к двусмысленности, то получите от него такое об'яснение: «Ее да—нет и нет—да» вместо «да—да и нет—нет», ее взаимные переходы противоположностей и превращения количества в качество, и другие диалектические красоты всегда стояли препятствием ясному представлению о значении признанных изменений» (та же стр.).

Если «диалектические красоты» *всегда* препятствовали ясному пред-

ставлению об изменениях, совершавшихся в действительности, то, очевидно, что диалектический метод ошибочен по самому своему существу, и что от него должны решительно отказаться все те, которые, дорожа истиной, стремятся к правильному пониманию природы и общественной жизни. При этом остается нерешенным только один вопрос о том, каким образом далеко не прекрасные диалектические «красоты» могли привести Гегеля в его философии истории к тому, что г. Бернштейн, вслед за Ланге, признает «почти антропологическим открытием». Словечко «*почти*», на которое напирает г. Бернштейн, ничего не об'ясняет в этом случае и может служить разве лишь новым подтверждением той старой истины, что *слова* являются кстати там, где отсутствуют *понятия*. Впрочем, эту «*двусмысленность*» можно было бы, пожалуй, подарить г. Бернштейну, если бы он постарался хоть как-нибудь *доказать* справедливость своего мнения о вреде «диалектических красот». Но о доказательствах у него нет и помину. Да и неоткуда ему взять их: *ведь он и сам не решится утверждать, что он когда-нибудь изучал Гегеля. А если бы он и вздумал утверждать это, то очень легко было бы показать, что он... заблуждается.* Вот почему г. Бернштейн даже и не пытается доказывать свое мнение. Он просто *высказывает* его, очень основательно рассчитывая на то, что всегда найдутся наивные читатели, которые не только поверят ему на слово, но еще подивятся его глубокомыслию.

II.

Habent sua fata libelli XXII), говорили римляне. Писатели тоже имеют свою судьбу, подчас чрезвычайно странную. Возьмите хоть Гегеля. Как *мало* теперь людей, давших себе труд изучения его философии, и как *много* в то же время «критиков», позволяющих себе судить о ней вкривь и вкось! И те же легкомысленные люди возмутились бы до глубины души, если бы кто-нибудь вздумал осудить книгу г. Бернштейна, не прочитавши ее. Откуда тут берутся две мерки? Почему в отношении к великому Гегелю позволительно такое легкомыслие, какое всякий назовет непозволительным в отношении к маленькому г. Бернштейну? That is the question XXIII).

Если бы г. Бернштейн *знал* предмет, о котором он так наивно и так неуклюже судит, то он, конечно, сам устыдился бы своего отзыва о диалектике. Он думает, что диалектическое «да—нет и нет—да», препятствуя трезвому отношению к действительности, отдает нас во власть «саморазвития понятий». Но этим грехом грешит именно то метафизическое мышление, приемы которого характеризуются у г. Бернштейна формулой: «да—да и нет—нет».

Гегель говорит: «Юности свойственно бросаться в абстракции, между тем как человек, имеющий опыт, не увлекается отвлеченным «или—или», а держится конкретной почвы». Этими простыми словами можно очень удовлетворительно характеризовать разницу между диалектикой—с одной стороны—и мышлением по любезной г. Бернштейну формуле: «да—да и нет—нет»—с другой.

Ведь эта последняя формула и есть то «*отвлеченное* или—или», пристрастие к которому свойственно, по замечанию Гегеля, молодости. А что «*отвлеченное или—или*» долго препятствовало правильной постановке вопросов в общественной жизни и даже в естествознании, это известно теперь,

всем и каждому. У нас, в России, покойный Н. Г. Чернышевский очень популярно и очень хорошо выяснил отличительный характер *диалектического отношения* к изучаемому предмету. С точки зрения диалектики, «определительное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит... Например, благо или зло дождь? Это вопрос отвлеченный, определительно ответить на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя реже, приносит вред; надобно спрашивать определительно: после того, как посев хлеба окончен в продолжение пяти часов шел сильный дождь,—полезен ли был он для хлеба? Тут только можно отвечать определительно: да, он был полезен». С такой же точки зрения смотрела,—по совершенно верному об'яснению Чернышевского,—диалектическая философия Гегеля и на общественные явления. Пагубна или плодотворна война? «Вообще нельзя отвечать на это решительным образом: надобно знать, о какой войне идет дело... Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества». Но смотреть на явления с такой точки зрения, значит именно поставить их исследование на *конкретную почву*. Вот почему диалектическая философия признала, по словам Чернышевского, что «прежние общие фразы, которыми судили о добре и зле, не рассматривая причин, по которым возникло данное явление, что эти общие, отвлеченные изречения неудовлетворительны. Отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна».

На первый взгляд кажется, что это ясно само собою; но это ясно только тому, *кто,—сознательно или бессознательно,—стал на диалектическую точку зрения* и не считает *«отвлеченного или—или»* (иначе—формулы: «да, да и нет, нет») важнейшим приемом мышления. Спросите, например, графа Л. Н. Толстого, правильно ли приведенное нами рассуждение Чернышевского о войне? Он ответит вам, что оно совсем неправильно, так как война есть *зло,* а зло никогда не может быть *добром*. Граф Толстой обо всех вопросах судит с точки зрения *«отвлеченного или—или»*, что и лишает его выводы сколько-нибудь серьезного значения. Как *мыслитель,* он совершенно чужд диалектики, и этим об'ясняется, между прочим, его инстинктивное отвращение от марксизма. К сожалению, и сам Чернышевский часто забывал, что «истина всегда конкретна». В своей политической экономии он сам нередко склоняется к *«отвлеченному или—или»*. Но этот неоспоримый факт неинтересен для нас в настоящее время. Здесь нам важно напомнить читателям, как хорошо понял и как просто и наглядно об'яснял Чернышевский (в своих *«Очерках гоголевского периода русской литературы»*) несовместимость диалектического взгляда с отвлеченными суждениями.

Анархисты спрашивают марксистов: признаете ли вы свободу личности?—Признаем, отвечают марксисты, но признаем условно, потому что *безусловная свобода* одного лица означает *безусловное рабство* всех его окружающих, т.-е. *превращает свободу в ее собственную противоположность*. Такой ответ не нравится анархистам, которые, кажется, искренно считают марксистов *врагами свободы* и, с своей стороны, провозглашают *неограниченную, т.-е. безусловную свободу* личности. Превращение свободы в ее собственную противоположность является в их глазах простым софизмом или,—как выразится, пожалуй, кто-нибудь из них теперь, ознакомившись с терминологией г. Бернштейна—*одной из красот гегелевской диалектики*. Анархическое учение о свободе насквозь пропитано духом *«отвлеченного или—или»* (*или свобода,* или деспотизм), оно целиком построено по любезной г. Берн-

...тейну формуле: *«да, да и нет, нет»*, между тем как марксисты смотрят на вопрос о свободе с *конкретной точки зрения*. Они помнят, что *отвлеченной истины нет, что истина конкретна*. В этом отношении они проникнуты *духом диалектики*.

Конечно, сам г. Бернштейн охотно осудит анархическое учение о свободе и согласится с тем, что отвлеченной истины быть не может. И, поскольку он выскажется в этом смысле, постольку он сам перейдет на точку зрения *диалектики*. Но он сделает это *бессознательно*, вследствие чего и не избавится от одолевающей его путаницы понятий. Мольеровский г. Журдэн мог говорить сносной прозой, даже и не подозревая существования прозаической речи. Но когда о диалектике пускаются рассуждать люди, способные лишь к бессознательному употреблению диалектического метода, то они не скажут о ней ничего, кроме вздора.

Искание конкретной истины составляет отличительный признак диалектического мышления. Чернышевский выразил ту же мысль, сказав, что со времени Гегеля «об'яснить действительность стало существенной обязанностью философского мышления» и что «отсюда явилось чрезвычайное внимание к действительности, над которой прежде не задумывались, без всякой церемонии искажая ее в угодность собственным односторонним предубеждениям».

Если это так,—а это в самом деле так,—то не трудно понять роль диалектики в *развитии социализма от утопии до науки*.

Французские просветители XVIII века смотрели на общественную жизнь с точки зрения отвлеченной противоположности между добром и злом, между разумом и глупостью. Они постоянно «бросались в абстракции». Достаточно напомнить их отношение к *феодализму*, в котором они видели величайшую нелепость и ни за что не соглашались признать, что было время, когда он мог быть по-своему *разумной* системой общественных отношений. У социалистов-утопистов замечается подчас сильное недовольство отвлеченным мышлением восемнадцатого века. Некоторые из них, в своих суждениях *об истории*, иногда покидают отвлеченную формулу *«да, да и нет, нет»*, чтобы стать на диалектическую точку зрения. Но это бывало с ними *только иногда*. Огромное большинство их и в огромнейшем большинстве случаев продолжало, в своих рассуждениях *об общественной жизни*, довольствоваться «отвлеченным или—или». Духом этого «или—или» пропитаны все их системы, и именно это «или—или» придает их системам *утопический характер*. Чтобы из утопии сделаться наукой, социализм необходимо должен был перерасти этот прием мышления и доразвиться до диалектического метода. Маркс и Энгельс сделали эту необходимую реформу в социализме. Но они могли сделать ее *только потому*, что они предварительно прошли школу гегелевской философии. Они и сами охотно признавали, что они очень многим обязаны диалектическому методу. Но г. Бернштейну угодно, чтобы это было иначе. Он об'являет нам, что превращение социализма из утопии в науку совершилось *вопреки* диалектике, а не *благодаря ей*. Это, конечно, очень решительно, но очень мало доказательно.

Г. Бернштейн твердо уверен в том, что Гегель и его ученики пренебрежительно относились к точно определенным понятиям, считая их *метафизикой*. Читатель уже знает со слов Чернышевского, какого внимательного отношения к действительности требовала диалектическая философия Гегеля. Но внимательное отношение к действительности невозможно без точно опре-

деленных понятий. Поэтому приходится предположить, что г. Бернштейн и в этом случае не понял великого мыслителя. Так оно и есть. И, чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать (и, разумеется, понять) восьмидесятый параграф большой «Энциклопедии» Гегеля, который гласит так:

Параграф.

«Мышление, как деятельность рассудка, держится твердых определений, исключающих друг друга. Эти ограниченные отвлеченности кажутся ему прочно существующими».

Прибавление к параграфу.

«Рассудочному мышлению следует прежде всего воздать должное и точно так же надо признать его заслугу, состоящую в том, что без рассудочного мышления нельзя притти ни к чему прочному и определенному ни в области теории, ни на практике. Познание начинается с того, что предметы берутся в их определенных различиях. Так, например, при изучении природы различаются отдельные вещества, силы, роды и т. д. и фиксируются в этой своей изолированности. Дальнейший успех науки состоит в переходе с точки зрения *рассудка* на точку зрения *разума,* исследующего каждое из этих явлений,—которое рассудок фиксирует, как отделенное целою пропастью ото всех остальных,—в процессе его перехода в другое явление, в процессе его возникновения и его уничтожения».

Кто за *словами* способен видеть связанные с ними *понятия,* тот, не смущаясь странной теперь терминологией Гегеля, согласится, что указанный им путь исследования есть именно тот путь, следуя которому, наука нашего времени,—например, естествознание,— сделала самые блестящие свои теоретические приобретения.

Гегель не только не игнорирует прав рассудка (а, следовательно, и *точно определенных понятий),* но энергично отстаивает его права даже в таких областях, которые, казалось бы, очень далеки от «рассудочности»: в философии, в религии и в искусстве. Он делает тонкое замечание о том, что всякое удачное драматическое произведение предполагает ряд точно определенных характеров. А что касается философии, то она, по его словам, *требует прежде всего* точности (Präzision) мысли [1])!

Но какое дело г. Бернштейну до истинного характера гегелевской философии? Какое ему дело до «Энциклопедии» вообще и до того или другого ее параграфа—в частности? Он хорошо знает, что у него всегда найдутся такие читатели, которые станут рукоплескать ему даже в том случае, если заметят его ошибки. *Он «критикует» Маркса! Он старается разрушить марксистскую «догму».* Этого совершенно достаточно теперь для того, чтобы приобрести громкую славу. Не мешает, конечно, и изучить то, что берешься критиковать. Но можно обойтись и без этого...

Г. Бернштейн уповает на свой здравый смысл, но здравый смысл остается надежным спутником лишь до тех пор, пока не выходит из пределов своей компетенции. До чего договорился г. Бернштейн, показывает следующее его соображение, содержащееся, впрочем, не в разбираемой нами

---

[1]) G. W. Fe. Hegels Werke, B-d. IV, S. 150—151.

теперь книге, а в одной из его статей, напечатанных в «Neue Zeit» уже после выхода книги.

В своем известном сочинении о Л. Фейербахе Энгельс говорит, что в глазах диалектики мир представляет собою совокупность *процессов,* в которой вещи и их умственные образы, т.-е. понятия, не остаются неподвижными, а находятся в постоянном изменении. В принципе («prinzpiell») г. Бернштейн «конечно», находит это положение правильным. Но он не знает, в каких пределах оно сохраняет свою правильность, и как понимать слова: *постоянное изменение.* По его замечанию, *изменения, которым подвергается организм всякого данного человека, все-таки не могут сделать из него существа совершенно другого рода.* Такому глубокомыслию мог бы позавидовать сам Санчо Панса. Но неужели г. Бернштейн думает, что Гегель и гегельянцы могли хоть на минуту упустить из виду эту глубокую, старую и почтенную истину? Как будто предвидя появление «критиков» à la г. Бернштейн, Гегель обращал внимание своих слушателей на то, что развитие всякого данного явления может сделать *действительным* лишь то, что заключено в нем, как возможность (an sich). Для примера он указывал на *растение,* говоря, что хотя растение и изменяется, но изменяется сообразно природе своего зародыша, а «не теряется в простом и ни с чем не сообразном изменении» [1]). Судите после этого, была ли нужда в глубокомысленном замечании г. Бернштейна!

III.

Г. Бернштейн утверждает, что Маркс преувеличивал быстроту хода исторического движения. Это справедливо в применении ко взгляду Маркса на развите *капиталистического* общества. *Но почему* же Маркс склонен был к такому преувеличению? Г. Бернштейн и тут винит *диалектику. И эта* сторона влияния диалектики кажется ему самой вредной и самой опасной. Именно она то и отпугивает и Бернштейна от «диалектических красот». Но, к сожалению, и она существует только в его воображении.

По Гегелю, *логический* процесс отрицания совершается *вне времени. Реальные* же процессы отрицания одного явления природы другим или одной общественной системы другой определяются, *в быстроте своего хода, своей собственной природой,* и теми *конкретными условиями,* среди которых они совершаются. В своей полемике с Дюрингом и в книге «Л. Фейербах» Энгельс указывает на развитие вселенной, как на диалектический процесс. *Преувеличил ли* он *быстроту* этого процесса, требовавшего, по его собственным словам, чрезвычайно продолжительных периодов времени? Мы не думаем. Но если бы даже и случился с ним такой грех, то винить в нем можно было бы совсем не диалектику, а какие-нибудь другие обстоятельства: или недостаток естественно-научных сведений, или невнимательное отношение к предмету, или еще что-нибудь подобное. Влияние диалектики на его суждение о быстроте этих процессов было бы в этом случае так же ничтожно, как и влияние на него, например, цвета лица китайской императрицы.

Возьмем другой пример, на этот раз из *исторической* области. В своей «Misére de la Philosophie» Маркс, противополагая свой диалектический метод отвлеченному мышлению Прудона, говорит: «В Германии понадобилось

---

[2]) „Vorlesungen über die Gechichte der Philosophie Erster Theil", Hegels Werke, B-d III, S. 34—45.

три столетия для того, чтобы установилось первое разделение труда,—отделение города от деревни». Преувеличена ли здесь быстрота хода исторического развития? Кажется, что и тут нет никакого преувеличения, а если и есть оно, то диалектика здесь совершенно, ровнехонько ни при чем.

Третий пример, касающийся *современной нам* общественной жизни. Лассаль был, как известно, решительным сторонником диалектического метода. Но этот решительный сторонник диалектического метода думал, что для постепенного устранения «поземельной и капиталистической собственности» (des Grund-und Kapitaleigenthums) понадобится от 100 до 200 лет. Судя по теперешнему настроению г. Бернштейна, можно ожидать, что и этот срок покажется ему слишком коротким. Вероятно, г. Бернштейн думает теперь, подобно Родбертусу, что для названного устранения понадобится не менее 500 лет. Это его дело. Но Маркс, наверное, сказал бы, что Лассаль требует больше времени, чем нужно для коренного переустройства общества. Из этого следует, что гегельянцы, совершенно сходившиеся между собой в признании важности диалектического метода, могли очень различно оценивать быстроту современного им общественного развития. А отсюда выходит, что, если какой-нибудь сторонник диалектики в самом деле преувеличивает эту быстроту, то об'яснять это надо чем-нибудь другим, а вовсе не влиянием диалектики.

Г. Бернштейн говорит: «Мы знаем, что мы думаем и мы также достаточно знаем, каким образом мы думаем. Но мы никогда не узнаем, как это происходит, что мы думаем; каким образом из внешних впечатлений, из возбуждения нервов или из изменения положения и взаимодействия клеточек нашего мозга возникает сознание».

Справедливо то, что мы никогда не узнаем, как возникает наше сознание. Но вопрос совсем не в этом, а в том, может ли это наше незнание служить возражением против *материализма*. «Критические» мыслители, вроде Ф. А. Ланге, и даже физиологи, вроде Дюбуа-Реймонда, думали, что—да. Пишущий эти строки думает, что—*нет*. Мы доказали это выписками из сочинений Ламеттри в статье, направленной против г. Бернштейна. Г. Бернштейн очень сердит на нас за эту статью, но,—как в этом сейчас убедится читатель,—он ровно ничего не понял из наших возражений.

«Пытались об'яснить это,—продолжает г. Бернштейн,—приписывая этому известную долю сознательной способности, долю одушевленности в смысле учения о монадах».

Действительно,—*пытались*. В числе пытавшихся был, как мы указали в своей статье, и *материалист Ламеттри*, хотя сравнивать его учение с учением Лейбница о монадах все-таки очень рискованно. Г. Бернштейн ничего не говорит собственно о Ламеттри, но он вообще думает, что «это» (вышеуказанная им попытка об'яснения)—мысленный образ, предположение, к которому вынуждает нас наш способ мышления и наша потребность цельного мировоззрения».

Вы понимаете, читатель? Если—да, то мы поздравляем вас от всей души, потому что вы счастливее, как пишущего эти строки, так и самого г. Бернштейна, который, очевидно, не понимает того, что говорит. *Это не более, как предположение!* Ну, разумеется! Г. Бернштейн догадался об этом только тогда, когда вздумал отрекаться от материализма, между тем как никто из людей, понимавших дело, не выдавал «этого» за что-нибудь другое.

Но что же *следует* из того, что «это»—простое предположение? То ли, что материализм несостоятелен? В этом весь вопрос. А на этот вопрос ни в прежних «критических» упражнениях г. Бернштейна, ни в разбираемой нами книге нет даже ни одного *«атома»* ответа.

Дальше. «Статья, в которой я указывал на это обстоятельство и замечал, что чистый материализм в конце-концов сводится к идеализму, дала г. N. желанный повод напасть на меня в «Neue Zeit» (вып. 44, год 16, II), упрекая меня в невежестве вообще и в особенности в полном отсутствии понимания философских воззрений Энгельса. Я уже не говорю о том, как г. N. произвольно отнес мои слова к предметам, которых я вовсе не касался,— я констатирую лишь то, что его статья оканчивается заявлением, будто Энгельс однажды ответил на вопрос г. N.: «Так вы думаете, что старик Спиноза был прав, говоря, что мысль и протяжение не что иное, как два аттрибута одной и той же субстанции?—словами: «Конечно, старик Спиноза был вполне прав».

Пишущий эти строки действительно очень удивился, увидев, как плохо понял философию Энгельса (а следовательно, и Маркса) г. Бернштейн, проживавший несколько лет в самых тесных с ним отношениях. В ответ на призыв г. Бернштейна: *«Назад к Канту»* мы пригласили его вернуться *назад к изучению философии* (Zurück ins studirzimmer). Мы не искали повода напасть на г. Бернштейна. Если наше удивление выражено было с некоторой резкостью, то эта резкость об'ясняется нашими предыдущими отношениями к г. Бернштейну. Хотя он всегда казался нам *ограниченным* человеком (это могут засвидетельствовать многие из наших ближайших единомышленников). но мы все-таки считали его принадлежащим к школе Маркса и были очень поражены теми, поистине ребяческими *пустяками,* которые он написал тогда о материализме. В то время наш резкий отзыв о нем мог показаться несправедливым некоторым читателям. Теперь вряд ли найдется хоть кто нибудь из людей, не совершенно лишенных знаний, кто решился бы упрекнуть нас в преувеличении. *Теперь философское невежество г. Бернштейна выступило во всем своем блеске,* и теперь мы даже не станем приглашать его вернуться к учебникам: *мы видим, что учебники не для него написаны.*

Чистый материализм, в конце концов, сводится к идеализму! Но в таком случае философия Фихте и Гегеля «в конце концов» сводится к философии Ламеттри или Гольбаха?! Это может утверждать только тот, кто не понимает ни материализма, ни идеализма, ни Гольбаха, Ламеттри, ни Гегеля, ни Фихте. Идеализм несомненно имеет один общий признак с материализмом: стремление к *монистическому* об'яснению явлений. Но *способ,* которым осуществляется это стремление в *материализме, диаметрально противоположен* способу осуществления его в *идеализме,* и потому «в конце концов» материализм *радикально расходится* с идеализмом.

Призывая *«назад к Канту»,* г. Бернштейн должен был показать, что путь, по которому идет материализм, неправилен в том или в другом отношении. Вместо этого, он ограничился «сведением» (и каким неловким наивным сведением!) материализма к идеализму. Удивительная сила и глубина критики!

Теперь о Спинозе. Г. Л. Канцель плохо перевела относящееся сюда место в книге г. Бернштейна. Г. Бернштейн говорит, что наша статья, написанная по поводу его «возвращения к Канту» (которого он никогда не знал

и не знает,—что признает даже его единомышленник г. Струве) *сводится* к цитированному им нашему разговору с Энгельсом. Это неправда.

Один из немецких товарищей, гораздо более компетентный в философии, чем г. Бернштейн, высказал в «Neue Zeit» ту мысль, что естественно-научный материализм не выдерживает критики и что напрасно связывают с ним теорию Маркса-Энгельса, которую очень легко связать с гораздо более состоятельным философским учением *Спинозы*. Так как г. Бернштейн сослался между прочим на статью этого товарища, то мы сочли нужным ответить и *на нее*. Мы показали, что Маркс и Энгельс никогда не придерживались того материализма, который у товарища-спинозиста назван естественно-научным, т.-е. материализма Фихте и Молешотта. Далее, на основании сочинений Ламеттри и Дидро мы показали, что французский материализм XVIII века был в сущности *не более, как видоизмененным спинозизмом*. То же самое показали мы и относительно *Фейербаха*. Только *после этого*, перейдя к Марксу и Энгельсу, основателям научного социализма, мы,—отметив близкое родство их философских взглядов со взглядами Фейербаха,—высказали свое убеждение в том, что и их материализм был разновидностью спинозизма. И наконец, — *как на одно из оснований* для этого убеждения,—мы сослались на одну из своих бесед с Энгельсом. У г. Бернштейна выходит, что к передаче этой беседы сводится *вся* наша статья. Чему приписать эти его слова: недостатку правдивости, или слабости понимания?

«Субстанция, которой Спиноза приписывает эти два аттрибута—продолжает г. Бернштейн, — есть бог. Во всяком случае, Спиноза отождествляет бога с природой, почему еще очень давно Спиноза считался за отрицателя бога, а его философию упрекали в атеизме, между тем, как формально она является пантеизмом... Спиноза дошел до понятия бесконечной субстанции бог с упомянутыми и другими аттрибутами чисто спекулятивным путем; для него законосообразное мышление и бытие идентичны. В этом отношении он похож на некоторых материалистов; но было бы произвольным пониманием слова назвать его представителем философского материализма... Если под словом «материализм» надо понимать вообще нечто определенное, то он может быть только учением о материи, как последнем и единственном основании вещей. Но Спиноза ясно называет свою субстанцию «бог» невещественной... Каждый, конечно, волен быть последователем Спинозы, только тогда он уже не будет материалистом».

Вот все, что г. Бернштейн ответил нам на нашу историческую справку. Это немного. Однако, к этому немногому может быть в известном смысле применено латинское выражение: non multa, sed multum.

Спиноза похож на некоторых материалистов в том отношении, что для него законосообразное мышление и бытие идентичны. Хорошо. Стало быть, существуют материалисты, признающие идентичность бытия и мышления? Выходит, что так. Но это совершенный вздор, и если бы г. Бернштейн *понял*, что собственно означают слова: *идентичность бытия и мышления*, он, разумеется, никогда не открыл бы этой идентичности ни у одного материалиста. Он увидел бы тогда, что *признание идентичности бытия и мышления возможно только в идеализме*. И тогда,—новая и тоже очень не малая выгода понимания предмета,—он не сказал бы, что чистый материализм в конце концов сводится к идеализму. Но он не понимает, о

чем говорит, и потому он так же неловок и беспощаден в употреблении философской терминологии, как неловок и беспощаден был в употреблении литературного языка «маг» (в рассказе Г. И. Успенского «Нужда песенки поет»), обещавший изобразить перед почтеннейшей публикой «обезглавение головы, носа и прочих частей тела».

Если бы Спиноза признавал идентичность бытия и мышления, то он был бы «*чистым» идеалистом,* т.-е. именно тем, чем он не был. Его единая субстанция—*одновременно и вещественна и духовна*[1]). По словам же Бернштейна, Спиноза «*ясно называет*» ее невещественной. Очень хорошо понял он Спинозу! Почти так же хорошо, как Гегеля!

Все эти промахи г. Бернштейна до такой степени очевидны и до такой степени непростительны; они свидетельствуют о такой полной и решительной некомпетентности г. Бернштейна в области философии, что у читателя может возникнуть вопрос: да стоит ли на них останавливаться? Но тот, кто хоть на минуту склонился бы к *отрицательному ответу* на такой вопрос, сделал бы ошибку.

IV.

Обрадованная отступничеством г. Бернштейна, буржуазия так носится теперь с этим «критиком»; она так громко трубит об его «критических» подвигах, что внимательный разбор его аргументации может дать много интереснейших психологических «документов» для характеристики нашей эпохи. А кроме того, отречение г. Бернштейна от материализма и его стремление «*вернуться к Канту*»[2]) является вовсе не простыми ошибками философского ума (если только можно говорить о философском уме г. Бернштейна); нет, они явились естественным, неизбежным и ярким выражением его нынешних социально-политических тенденций. Тенденции эти могут быть выражены в словах: *сближение с передовыми слоями буржуазии.* «То, что называют буржуазией,—говорит он,—есть сложный класс, состоящий из разных слоев с очень различными интересами. Эти слои держатся вместе до тех пор, пока они одинаково притеснены или, пока им одинаково угрожают. В данном случае речь может итти, конечно, только о последнем, т.-е. о том, что буржуазия образует однородную реакционную массу потому, что всем ее элементам одинаково угрожает социал-демократия—одним их материальным, другим их идеологическим интересам: их религия, патриотизму, их желанию уберечь страну от ужасов насильственной революции (стр. 248—249). Эта небольшая выписка дает ключ к пониманию психологии, предпринятого г. Бернштейном, пересмотра марксизма. Чтобы не «угрожать» идеологическим интересам буржуазии»,—и прежде всего ее *религии,*— г. Бернштейн «вернулся» на точку зрения «*критической*» *философии*[3]).

---

[1]) Ср. „Die Ethik von Spinoza", neu übersetzt von J. Stern, II Th., S. 77 und 80.

[2]) В своей книге он говорит, впрочем, что выражение: „вернемся к Канту" он заменил теперь выражением: „вернемся к Ланге". Но это не меняет дела.

[3]) Еще древние понимали, в чем заключается одна из великих культурных заслуг материализма. Лукреций красноречиво выразил это сознание в своей похвале Эпикуру: „Когда на земле человеческая жизнь была презри-

Чтобы не «угрожать» буржуазному «патриотизму», он стал опровергать то положение Маркса, что пролетариат не имеет отечества, и рассуждать об иностранной политике Германии тоном настоящего «государственного мужа» из школы реальных политиков; наконец, чтобы не затрагивать других предрассудков буржуазии, он ополчился против «Zusammenbruchstheorie» (которую, кстати сказать, он сам же и смастерил из некоторых, частью плохо им понятых, частью искаженных слов Маркса и Энгельса) и пустился доказывать, что «классовая диктатура есть признак более низкой культуры... является шагом назад, политическим атавизмом». Кто хочет понять г. Бернштейна, тому надо выяснить себе не столько его теоретические доводы, в которых нет ничего, кроме невежества и путаницы понятий, сколько его практические стремления, которыми об'ясняются все его теоретические заключения и грехопадения. *Каков человек, такова его и философия,* справедливо говорит Фихте.

В интересной брошюре «Reform oder Revolution» К. фон-Массов, Geheimer Regirungsrath, Mitglied der Internationalen Kommission für Schutzpflege u. s. w., словом, человек вполне «*почтенный*»—высказывает свое твердое убеждение в том, что «если наше развитие пойдет так же, как оно шло до сих пор, то в будущем нашему отечеству угрожают потрясения» («Vorwort, S. 1). Для избежания этих потрясений необходима, по его мнению, всесторонняя реформа (eine Gesammtreform auf staatlichem und sozialem Gebiet), требованию которой и посвящена его книга. Но всесторонняя социальная реформа не исключает в его программе и борьбы против «революционных сил» (die Mächte des Umsturzes). Пока еще не произошло революционного взрыва, надо бороться с ними *духовным* оружием (mit geistigen Waffen), а в этой борьбе необходимо направить свои силы прежде всего *против материализма.* Но г. фон-Массов думает, что удачнее других будут бороться с материализмом те противники новаторских стремлений, которые сами очистят себя от материалистической скверны. «Враг, с которым мы должны вступить в борьбу прежде всего, есть материализм в нашей собственной среде, проповедует он. Социал-демократия совершенно материалистична, она отрицает бога и вечность (sic). Но от кого заимствовано это учение? Не спустилось ли оно сверху вниз? Огромнейшее большинство образованных людей нашего времени отвернулось от веры своих отцов»... «Часть образованного мира совершенно атеистична» [1]). А социальные последствия атеизма ужасны. «Если нет ни бога, ни загробной жизни, ни вечности; если со смертью прекращается также и существование души, то в двести, в триста раз более несправедливым становится всякое бедствие, всякая нищета одной части человечества, страдающей в то время, когда другая его часть наслаждается избытком. На каком основании девять десятых народа должны нести на себе тяжелое бремя жизни, между тем как, меньшинство остается свободным от всякой тяжести?» [2]).

тельно подавлена под тяжестью суеверия, которое с неба показывала свою главу и страшным видом грозила смертным: тогда впервые греческий муж. смертный осмелился направить туда свой взгляд и противостать; он, которого не укротили ни храмы богов, ни молнии, ни угрожающий треск неба" и т. д.

[1]) Op. cit., S. 222.

[2]) Ibid., S. 222—223.

На этот вопрос атеист не может ответить сколько-нибудь удовлетворительно. Но именно здесь то и лежит *социальная* опасность атеизма: он воспитывает и возбуждает революционные чувства в рабочей массе. И именно потому наш тайный советник правления и проч., и проч., и проч., проповедует образованной буржуазии покаяние и борьбу с материализмом. Г. фон-Массов толковый человек. Он гораздо толковее всех тех «марксистов», которые, искренно сочувствуя рабочему классу, в то же время не менее искренно увлекаются «критической» философией. Эти люди придерживаются материалистического понимания истории. Но они приходят в большое удивление, когда им указывают на *социальные*, — т.-е. в последнем счете, на *экономические*—причины того отрицательного отношения к *материализму* и того распространения неокантианства, которые замечаются в среде образованной буржуазии нашей эпохи.

V.

Но вернемся к г. Бернштейну. Заключительная глава его книги украшена эпиграфом: Cant wider Kant (Кант против Канта). Раз'ясняя смысл этого эпиграфа, г. Бернштейн говорит, что дух кенигсбергского философа призывается им для борьбы с условностью устарелых взглядов, стремящихся утвердиться в марксизме и составляющих для нее большую опасность. «Припадки бешенства,—замечает он,—которые я вызвал этим у г-на N. укрепили меня в убеждении, что марксистам нужен новый Кант, который направил бы оружие своей критики, который доказал бы, в чем кажущийся материализм есть величайшая и потому наиболее легко сбивающаяся с пути идеология,—доказал бы, что презрение к идеалу, признание материальных факторов всемогущими силами развития есть самообман, всегда на деле признававший и признаваемый таковым теми, кто его проповедует (стр. 330). Читатель недоумевает причем же здесь кажущийся материализм, причем же здесь самообман, да еще самообман «на деле» совершенно *сознательный?* Дело об'ясняется очень просто: по мнению г. Бернштейна, самообман неизбежен там, где люди, признающие экономические факторы «всемогущими» в то же время «на деле» не чужды *идеалов*. Уже из одного этого видно, как *близок* теперь г. Бернштейн к г. Карееву и как *далек* он, стало быть, от серьезной критики марксизма. Чтобы окончательно убедиться в этом, надо прочитать страницы, посвященные г. Бернштейном оценке *исторических* взглядов Маркса и Энгельса. При чтении этих страниц поистине волосы становятся дыбом. Но, по недостатку места, мы не будем разбирать их здесь [1]). Здесь мы отметим

---

[1]) Одно мимоходное замечание. Г. Бернштейн не одобряет нашего выражения: *монистическое* объяснение истории. У него слово monistisch оказывается равносильным с simplistisch. Чтобы не входить в длинные объяснения насчет того, почему нужно именно „*монистическое*" объяснение истории, мы скажем словами Ньютона: causas rerum naturalium non plures admitti debere, quam quae et verae sint et earum Phenomenis explicandis sufficiant. Г. Бернштейн не понимает, что, если развитие общественных—и в последнем счете экономических отношений не представляет собою коренной причины развития так называемого *духовного* фактора, то этот последний развивается *сам* из себя, а это *саморазвитие духовного фактора* есть не более, как одна из разновидностей того „*саморазвития понятия*", против которого наш „критик" предупреждает своих читателей, как против одной из опасных приманок гегельянской диалектики.

только следующий курьез, относящийся, впрочем, не к философско-исторической, а к философской «критике» марксизма. Г. Бернштейн говорит: «В выражении «материалистическое понимание истории» заранее заключены все недоразумения, которые вообще связаны с понятием материализма. Философский или естественно-исторический материализм вполне детерминистичен, чего нельзя сказать о марксистском понимании истории; оно не признает за экономическим основанием жизни народов никакого безусловно определяющего влияния на ее формы» (стр. 23—24). Выходит, что детерминист—только тот, кто признает за экономическим основанием жизни безусловно определяющее влияние на *формы* жизни (?!). Это—Геркулесовы столбы невежества и непонимания. Но это не все. Впоследствии, когда Каутский заметил в «Neue Zeit», что без детерминизма нет научного об'яснения явлений, наш «критик» поспешил заявить, что восстает, собственно, только против *материалистического* детерминизма, который состоит в об'яснении психологических явлений действием материи, между тем, как он, г. Бернштейн, признает также действие другого начала. Таким образом, г. Бернштейн благополучно пришел в ту мирную гавань *дуализма,* вход в которую украшен надписью: «*Человек состоит из души и тела*». Это—опять хорошо знакомая русскому читателю *Кареевщина.* Но эта Кареевщина плохо вяжется даже с тем кантианством, к которому хочет «вернуться» г. Бернштейн. Кант категорически утверждает, что alle Handlungen der vernünftigen Wesen, sofern sie Erscheinungen sind, in irgend einer Erfahrung angetroffen werden, stehen unter der Naturnothwendigkeit (все действия разумных существ, поскольку они представляют собою явления и так или иначе встречаются нам в опыте, подчинены естественной необходимости («Prolegomena», параграф 53). Что же это значит, что явления подчинены естественной необходимости? Это значит именно то, что они об'ясняются материалистически (ср. «Kritik der Urtheilskraft», параграф 78). Оказывается, стало быть, что г. Бернштейн восстает не только против материалистов, но *также и против Канта.* И все это затем, чтобы не *угрожать идеологическим интересам буржуазии,* т. е. чтобы не итти против буржуазного Cant'a. Cant wider Kant—вот какой девиз следовало бы избрать г. Бернштейну.

Если г. Бернштейн отказался от *материализма* для того, чтобы не «угрожать» одному из «идеологических интересов» буржуазии, который называется *религией,* то его отказ от *диалектики* вызван был его нежеланием пугать ту же буржуазию «потрясениями». Выше мы сказали, что он, наверное, и сам не прочь осудить «*отвлеченное или—или*», не считающееся с условиями места и времени, и что поэтому он сам бессознательно пользуется диалектическим методом. Это вполне верно, но теперь надо прибавить, что он бессознательно становится на конкретную почву диалектики только в тех случаях и только в такой мере, в какой диалектика представляет собой *удобное оружие в борьбе с мнимым радикализмом «революционеров», мыслящих по формуле: «да—да и нет—нет».* Это именно те случаи, когда всякий *филистер* делается *диалектиком.* Но тот же самый г. Бернштейн,—вместе со всеми филистерами всего земного шара,—готов городить против диалектики всякий вздор и взводить на нее самые нелепые обвинения всякий раз, когда ему кажется, что она может содействовать укреплению и развитию тех стремлений, которые кажутся им разрушительными. Маркс говорит, что немецкие филистеры увлекались диалектикой, что доб-

рое старое время, когда они знали ее лишь в ее мистифицированном виде и воображали, что она может служить для оправдания их консервативных стремлений, но тотчас же и решительно отвернулись от нее, когда узнали ее настоящий характер и поняли, что она рассматривает все существующее с его превосходящей стороны, что она ни перед чем не останавливается и ничего не боится, словом, что она *критична по самому своему существу*. Это же самое отношение к диалектике видим мы у г. Бернштейна, который во всей своей психологии является родным детищем немецкого филистерства. Оттого-то немецкие филистеры и приветствовали его «критику» громкими и продолжительными воплями радости, оттого-то они и произвели его в великие люди. Рыбак рыбака видит издалека.

Чтобы не «угрожать» буржуазии, г. Бернштейн восстал против диалектики и ополчился против им же самим сфабрикованной «Zusammenbruchstheorie». В то же самое время и все с тою же целью, он выступил Пиндаром *демократии*. «Демократия,—говорит он,—является в принципе уничтожением классового господства, если не фактическим уничтожением самих классов» (стр. 225). Мы прекрасно понимаем все преимущества демократии и все те выгоды, которые она дает рабочему классу. Но мы не хотим искажать истину даже ради демократии точно так же, как мы не станем ломать стулья даже ради Александра Македонского. Что демократия уничтожает классовое господство, это есть не более, как выдумка г. Бернштейна. Она оставляет его существовать в той области, к какой собственно и относится понятие о классе, т.-е. к *области экономической*. Она уничтожает только *политические привиллегии* высших классов. И именно потому, что она не уничтожает *экономического* господства одного класса над другим,—буржуазии над пролетариатом,—она не устраняет также ни взаимной борьбы пролетариата с буржуазией, ни необходимости для пролетариата бороться всеми теми средствами, какие только могут в данное время оказаться *целесообразными*. Рассуждая «по человечеству», всякий не поврежденный человек согласится с тем, что «потрясения», *взятые сами по себе*, ничего *желательного* в себе не заключают. Но всякий, не ослепленный предрассудками человек, должен также признать, что демократическая конституция совсем не обеспечивает от такого обострения классовой борьбы, которое может сделать неизбежными такие потрясения и перевороты. И напрасно г. Бернштейн пугает нас тем соображением, что классовая диктатура явилась бы признаком более низкой культуры. Великий общественный вопрос нашего времени, вопрос об уничтожении экономической эксплоатации человека человеком, решается не так просто и не так легко, как это кажется г. Бернштейну. Физическая борьба является, если хотите, зоологическим «атавизмом» всюду, где она ни происходит: ведь два борющихся человека напоминают собою двух борющихся зверей. Но кто, кроме «толстовцев», принципиально осудит всякое сопротивление злу посредством насилия? И разве хоть один серьезный человек может взять всерьез те доводы, с помощью которых толстовцы принципиально осуждают насилие? Для всякого мыслящего человека очевидно, что эти доводы представляют собою неумышленную карикатуру на мышление по любезной г. Бернштейну формуле: *«да, да и нет, нет»*, совершенно тожественной, как мы уже знаем, с гегелевским» *«отвлеченным» или—или* (насилие есть *или* зло, *или* добро). *«Ужасы»* всегда более или менее «ужасны». Это так. Этого никто не оспаривает,

но г. Бернштейн избрал очень плохой путь для их избежания: ему следовало бы обратиться к буржуазии и показать тем ее элементам, которые еще не погрязли в классовом эгоизме, что стараться замедлять современное рабочее движение значит совершать самый тяжкий грех против гуманности и культуры. В той мере, в какой его проповедь выходила бы удачной, она ослабляла бы сопротивление, оказываемое буржуазией движению пролетариата и тем ослабляла бы возможность «никому неприятных потрясений». Г. Бернштейн предпочел действовать иначе. Он стал затемнять классовое сознание рабочих, выступив с проповедью марксизма, «пересмотренного» им со специальной целью успокоения буржуазии. Этот прием оказался удачным в том смысле, что значительная часть образованной буржуазии хорошо поняла, до какой степени *выгодно для нее* распространение марксизма», «пересмотренного» г. Бернштейном, на счет старого, нефальсифицированного учения Маркса. Эта часть буржуазии приветствовала г. Бернштейна, как своего рода Мессию. Но для теории он умер и, конечно, никогда уже не воскреснет, как бы громко ни кричал он о том, что бывшие единомышленники его не поняли и что, в сущности, он мало изменился сравнительно с тем, чем был. Вот оно, усердие не по разуму.

VI.

Г. Бернштейн на каждом шагу теряется в неясности своих собственных понятий и путается в своих собственных противоречиях. Тем не менее, в его аргументации есть логический центр, вокруг которого группируются его мысли. Этим центром является *учение о доходах*.

«Совершенно неверно думать, — говорит он, — что современное развитие свидетельствует об относительном или даже абсолютном уменьшении числа собственников. Число собственников растет не «более или менее», но просто более, т.-е. растет абсолютно и относительно. Если бы деятельность и надежды социал-демократии зависели от того, что число собственников уменьшается, то она могла бы, в действительности, спокойно уснуть, но это совершенно неверно. Не с уменьшением, а с увеличением общественного богатства связаны надежды социал-демократии (стр. 90).

Ни Маркс, ни Энгельс и никто из их учеников не связывал своих надежд с *уменьшением* общественного богатства. Стараясь разорвать *такую* «связь», г. Бернштейн просто на просто сражается с ветряными мельницами. Но все марксисты были убеждены, что рост общественного богатства сопровождается в капиталистическом обществе *ростом общественного неравенства и уменьшением числа собственников*. Если бы г. Бернштейну удалось доказать противное, то надо было бы признать, что он нанес марксизму смертельный удар. Но беда в том, что г. Берштейн ровно ничего не доказал, кроме своего собственного непонимания. Доводы, которые он приводит в защиту своего смелого утверждения, сводятся почти всецело к тому, что умеренные доходы растут быстрее, чем население. Это—бесспорный факт. Но этот бесспорный факт ничего не доказывает. *Если общественный доход растет еще быстрее, чем число умеренных доходов, то рост этого числа вполне совместим с ростом общественного неравенства.* Мы доказали это в статье против г. П. Струве, специально посвященной вопросу о «притуплении» общественно-экономи-

ческого неравенства. К ней мы и отсылаем читателя, ограничиваясь здесь несколькими частными замечаниями.

Во-первых, рост числа умеренных доходов, вполне совместимый с ростом общественно-экономического неравенства, ни в каком случае не свидетельствует ни об абсолютном, ни,—еще менее,—об относительном увеличении числа собственников. *Собственность и доход*—два совершенно различных понятия.

Во-вторых, ссылки г. Бернштейна на распределение поземельной собственности так же *неточны,* как неубедительно его указание на рост числа умеренных доходов. Вот один из многих примеров.

Он говорит, что в Германии группа средних крестьянских хозяйств увеличилась в период 1882—1895 г. почти на 8 проц., а занимаемая ими площадь на 9 проц. (стр. 110). Но какой смысл имеют данные об увеличении абсолютного числа хозяйств или размера площади одной категории хозяйств, если не сообщается *все* число хозяйств *и вся* культурная площадь в стране? А если принять во внимание это обстоятельство, т.-е. рассмотреть размер *доли* средних крестьянских хозяйств в общем числе хозяйств и в общем итоге площади, то окажется, что площадь, занимаемая в Германии хозяйствами этой категории, испытала лишь совершенно ничтожное увеличение. В 1882 г. она составляла 11,90 проц. всей поземельной площади, а в 1895—12,37 проц., увеличение составляет, стало быть, *менее половины процента.* Но это мы говорим о *всей* поземельной площади Германии. А что касается собственно сельско-хозяйственной площади, то хозяйства указанной категории составляли в 1882 г. 12,26 проц., а в 1895 г.—13,02 проц.; увеличение не превышает 0,75 проц. [1]). Это так мало, что странно и употреблять здесь слово: увеличение.

Положение дел в германском земледелии так сложно, что в суждениях о нем никак нельзя довольствоваться голыми статистическими цифрами, а необходимо принимать в соображение географические особенности каждой данной местности, равно, как технические и экономические особенности каждой отдельной категории хозяйства, а также и *изменения* этих особенностей, совершающиеся в рассматриваемые периоды.

Что касается *Англии,* то г. Бернштейн позабыл прибавить и не знает, что мелкие хозяева, число которых местами действительно увеличивается там под влиянием заокеанской конкурренции, называются там *«британскими рабами»* (british slaves) [2]),—до такой степени *плохо* их экономическое положение.

Теория Маркса так же мало опровергается увеличением числа этих «рабов», как опровергалась бы она ростом sweating system в той или другой отрасли обрабатывающей промышленности.

Г. Бернштейн говорит также, что в восточной части *Американских Штатов* растет число мелких и средних хозяйств. Это опять неверно. В восточных штатах число мелких ферм *уменьшается,* и вообще в Северной

---

[1]) См. Die Landwirthschaft im Deutschen Reich. Nach der landwirthschaf lichen Betriebszählung vom. 14. Juni 1895. (Statistik des Deutschen Reiches, Neue Folge, Band 112, S. 11).

[2]) См. Final Report of H. M. Commissioners appointed to luquire into the subject of agricultural depression. London 1879, p. 36.

Америке заметна, по словам Левассера, некоторая тенденция *концентрации.*

В Бельгии новейшие статистические данные также указывают на концентрацию поземельной собственности [2]). *Относительное уменьшение числа землевладельцев является в ней твердо установленным фактом.*

VII.

«Односторонности в изложении г. Шульце-Геверница в истории развития современной Англии, против которых я очень резко восставал в свое время, не мешали ему, как в его сочинении «Zum sozialen Frieden», так и в монографии «Grossbetrieb in wirthschaflichen Fortschritt», установить факты, имеющие важное значение для познавания экономического значения современности,—говорит г. Бернштейн.—Я не вижу, в этом ничего дурного и охотно признаю, что я обратил внимание на многие факты, приведенные Шульце-Геверницем, а также и другими, вышедшими из школы Брентано, экономистами (Геркнером, Зинцхеймером), факты, которых я раньше не замечал вовсе или недостаточно оценивал. Я даже не стыжусь признаться, что кое-чему научился из книги Ю. Вольфа «Sozialismus und sozialistische Sesllschaftsordnung». Г. N. называет это эклектическим соединением (научного социализма) с учением буржуазных экономистов. Как будто $^{9}/_{10}$ элементов научного социализма не взяты из сочинения «буржуазных экономистов», как будто вообще существует партийная наука» (стр. 306 и 307).

«*Партийная наука*», строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование «*ученых*», *проникнутых духом партий и классовым эгоизмом.* Когда марксисты презрительно отзываются о буржуазной науке, они имеют в виду именно «ученых» этого рода. К числу этих «ученых» принадлежат и те господа, у которых г. Бернштейн столь многому «научился»: Ю. Вольф, Шульце-Геверниц и многие другие. Если $^{9}/_{10}$ научного социализма и взяты из сочинений буржуазных экономистов, то они взяты не так, как берет г. Бернштейн у брентанистов и других апологетов капитализма свои материалы для «пересмотра» марксизма. Маркс и Энгельс умели относиться к буржуазным ученым *критически,* а г. Бернштейн не сумел или не захотел отнестись к ним таким образом. «Учась» у них, он просто на просто подчинился их влиянию и незаметно для себя усвоил их апологетическую аргументацию. Он вообразил, что учение о росте умеренных доходов, как о доказательстве абсолютного и относительного увеличения числа собственников, представляет собою серьезное приобретение об'ективной науки, между тем, как на самом деле оно оказывается одной из апологетических выдумок. Если бы г. Бернштейн способен был к научному мышлению, то он не попал бы в такой просак, в каком мы видим его в настоящее время, но тогда он и не написал бы своей книги.

---

[1]) L'agriculture aux Etas-Unis, Paris et Nancy 1894, p. 61—62. приложение к настоящему изданию. Последний сев.-американский ценз показал, что концентрация дает себя знать там и в области сельского хозяйства.

[2]) См. книгу Вандервельда „La propriété foncière en Belgique“ и нашу заметку о ней в первой книжке „Зари“.

Уже осенью 1898 г. мы высказали ту мысль, что г. Бернштейн стал «критиковать» Маркса единственно потому, что не в состоянии был критически отнестись к буржуазной апологетике [1]). Тогда же мы отметили и тот любопытный факт, что даже наделавшая много шуму фраза г. Бернштейна: «*движение—все, а конечная цель—ничто*», заимствована г. Бернштейном у Шульце-Геверница. Не будучи в состоянии возразить нам по существу, г. Бернштейн ответил нам грубой бранью, отвечать на которую мы не видим надобности [2]). Мы очень дорожим теперь неприязнью г. Бернштейна и гордимся тем, что мы были одни из первых, *указавших* на отступничество г. Бернштейна и *заклеймивших* его. «*Дело идет о том, кто кого похоронит,—писали мы* в названной статье: «*Бернштейн марксизм или марксизм Бернштейна*». В 1898 г. такая постановка вопроса показалась слишком резкой многим нашим читателям. Теперь в рядах нефальсифицированных марксистов этот вопрос *всеми* ставится именно так, а не иначе. Дальнейший ход дела вполне подтвердил справедливость наших слов. Вдаваться в личные препирательства с г. Бернштейном мы не имели охоты прежде: не имеем ее и теперь. Но мы не можем устоять перед искушением отметить следующую интересную частность.

Г. Бернштейн понял направленные против него замечания наши в том смысле, что мы считаем положение рабочего в капиталистическом обществе «безнадежным», и заявил, что не желает спорить «с человеком, по понятиям которого наука требует, чтобы положение рабочего считалось безнадежным при всех условиях вплоть до великого переворота» (стр. 309—310). Видите, как строго! Но в книге строгого Бернштейна мы находим такое место:

В учении Маркса и Энгельса «неопровергнутым остается лишь следующее: что производительная способность в современном обществе гораздо сильнее, чем действительный, определяемый покупательной способностью спрос на продукты; что миллионы живут в дурных жилищах, плохо одеваются и недостаточно питаются, несмотря на то, что в изобилии имеются средства, чтобы создать для них достаточно жилищ, пищи и одежды; что следствием этого несоответствия в различных отраслях промышленности

---

[1]) В статье „Wofür sollen wir ihm dankbar sein", Sächsische Arbeiter-Zeitung № 253—255. Кстати, мы и до сих пор не можем понять, за что собственно благодарил Бернштейна Каутский на штуттгартском партейтаге. Книга Каутского „Bernstein und das sozialdemokratische Programm" вполне подтверждает нашу мысль о том, что благодарить было не за что.

[2]) Брань сопровождалась у нашего противника недобросовестными приемами спора. Так например, г. Бернштейну, хочется доказать, что теперь еще невозможно уничтожить классы. С этой целью он питирует Энгельса, который будто бы говорит, что уничтожение классов станет возможным „лишь на известной, относительно нашего времени очень высокой степени развития производительных сил" (стр. 325—326). Выходит, что, по Энгельсу, достигнутая нами ступень развития производительных сил еще недостаточна для устранения капитализма. На самом же деле, Энгельс говорит **совершенно противное**: „Sie (die Abschaffung der Klassen) hat also zur Voraussetzung einen Hölgerad der Entwicklung der Produktion, auf dem Aneignung der Produktionsmittel und Produkte .. durch eine besondere Gesellschaftsklasse nicht nur überflüssig, sondern auch ökonomisch, politisch und intellektuell ein Hinderniss der Entwicklung geworden ist. Dieser Punkt ist erreicht .. (курсив наш). Dührings „Umwälzung der Wissenschaft"; dritte Auflage, S. 304. XXV). Слишком уже усердствует г. Бернштейн в своем стремлении не испугать буржуазию.

является перепроизводство... Что поэтому существуют значительные неправильности в получении рабочими занятий, вследствие чего положение их становится в высшей степени необеспеченным, все больше повергая их в недостойную зависимость, создавая в одном месте чрезмерную работу, а в другом безработицу» (стр. 145—146).

Г. Л. Канцель, по своему обыкновению, плохо перевела г. Бернштейна. Этот последний говорит, что рабочие *поддерживаются* в недостаточной зависимости, а не попадают *все в бо́льшую зависимость,* как заставляет его говорить его переводчик. Но даже и в правильном переводе мысль г. Бернштейна побивает его самого. В самом деле, разве же не *безнадежно* положение того класса капиталистического общества, который, несмотря на поразительный рост производительности труда, *остается* в том экономическом положении и в той унизительной зависимости, о которых мы читаем у г. Бернштейна! Ясно, что—*безнадежно* и что вывести пролетариат из этого безнадежного положения может только *устранение капиталистического способа производства* [1]). Г. Бернштейн плохо свел концы с концами в своем новом миросозерцании.

Г. Бернштейн глубокомысленно вопрошает: «Не усиливает ли крупное расширение пространства мирового рынка (т.-е. размеров; мы вынуждены еще раз повторить, что г-жа Канцель очень плохо перевела разбираемую нами книгу. Г. П.) в связи с громадным сокращением времени, необходимого для передачи известий и транспорта; не усиливает ли оно возможности смягчения застоев; а затем колоссально возросшее богатство европейских промышленных государств, в связи с эластичностью современного кредита и возникновением промышленных картелей,—не уменьшило ли оно, по крайней мере, на долгое время, влияние местных или частных застоев на общее положение дела настолько, что общие деловые (т.-е. промышленные. Г. П.) кризисы, подобные прежним, должны считаться невероятными» (стр. 126).

Жизнь ответила на этот вопрос: с половины прошлого года [1]) цивилизованный мир переживает общий промышленный кризис, приближение которого предвидели некоторые буржуазные дельцы *уже в то время, когда г. Бернштейн писал свою книгу.*

VIII.

У Шекспира один придворный говорит о помешавшейся Офелии:

В ее словах нет половины смысла;
Все дико в них,—одни пустые звуки,
Но их безóбразность на размышленья
Наводит тех, кто им внимает...

---

[1]) Маркс признал бы положение рабочего в капиталистическом обществе **„безнадежным"** даже в том случае, если бы возможно было значительное его улучшение. „Лучшая одежда, пища, обращение и большой запас денег,—говорил он,—столь же мало уничтожают состояние зависимости и эксплуатацию наемного рабочего, как и рабов". (Капитал, I, С.-Петербург, стр. 534). Г. Бернштейн и сам поймет, что положение раба остается „безнадежным" в марксовом смысле, **вплоть до отмены рабства.** Заметим, впрочем, что слово „безнадежно" принадлежит не нам, а только **приписано** нам г. Бернштейном. Наш взгляд на положение работника в капиталистическом обществе высказан и обоснован **нами** во второй статье против г. П. Струве.

[2]) Писано в 1901 году.

То же приходится сказать и о книге г. Бернштейна: все дико в ней и нет ничего, кроме пустых звуков; но именно эта самая пустота звуков и наводит на грустные размышленья внимательного читателя. Во всех теоретических вопросах г. Бернштейн оказался слабее слабого. Каким же образом мог он в течение многих лет играть роль одного из самых выдающихся теоретиков своей партии? Над этим вопросом стоит подумать. И не легко найти сколько-нибудь утешительный ответ на него...

Другой вопрос не менее важный: во взглядах г. Бернштейна остались теперь лишь слабые следы марксизма. В действительности, он *гораздо ближе к мелко-буржуазным сторонникам «социальной реформы»*. А, между тем, он остается «товарищем», и его не просят удалиться из партии. Говорят: «как же исключить человека из партии за его взгляд? Это значило бы преследовать его за ересь». Люди, рассуждающие таким образом, забывают, что свобода мнений необходимо должна дополняться свободой взаимного сближения и расхождения и что эта последняя свобода не существует там, где тот или другой предрассудок заставляет итти вслед таких людей, которым лучше разойтись, в виду различия их взглядов. Но этим неправильным рассуждением только отчасти об'ясняется интересующий нас факт. По причинам, о которых мы не можем распространяться в этой статье, *оппортунизм* приобрел много сторонников во всех странах. И в этом распространении оппортунизма заключается самая главная опасность. Г. Бернштейн, взятый сам по себе, не только не страшен, но прямо смешон, отличаясь уморительным сходством с философствующим Санчо Пансой. Но «бернштейниада» очень страшна, как признак возможного упадка.

Дрянной русский перевод дрянной книжонки г. Бернштейна уже выдержал два «легальных» издания. Вероятно, скоро появится и третье. Удивляться этому нельзя. Всякая «критика» марксизма и *всякая* его пародия,— если только она проникнута *буржуазным* духом, — непременно понравится той части наших легальных марксистов, которая сама представляет собою *буржуазную пародию на марксизм*.

Август, 1901 г.

Предисловие к русскому изданию

„Манифеста" коммунистической партии".

В сентябре 1843 г. Маркс писал Руге, приступая к изданию «Deutsch-Französische Jahrbücher»:

«До сих пор философы имели в своем портфеле разрешение всех загадок, и глупому миру непосвященных оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Теперь философия сделалась светской... Если конструирование будущего и окончательные результаты для всех грядущих времен не наше дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем: я говорю о *беспощадной критике всего существующего,* беспощадной в двух смыслах: в том, что эта критика не боится собственных результатов, и в том, что она не отступает от столкновения с предержащими властями» [1]).

Этому критическому настроению одного из будущих авторов «Манифеста» вполне соответствовало настроение другого его автора, Фридриха Энгельса, как это хорошо видно из его интересной статьи «Die Lage Englands», которая была напечатана в «Deutsch-Französische Jahrbücher», и в которой много места отведено изложению взглядов Карлейля.

Карлейль признавался, что у него нет никаких «Морисоновых пилюль», никаких панацей для лечения общественных бедствий. Указав на это признанье, Энгельс замечает: «В этом он тоже прав. Еще очень несовершенна та общественная философия, которая выдает два-три положения за свой конечный результат и предлагает «Морисоновы пилюли». Нам не так нужны голые результаты, как *изучение.* Результаты без развития, которое ведет к ним,—ничто; это мы уже знаем со времен Гегеля. А результаты, которые фиксируются, как неизменные, и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже, чем бесполезны. Но результаты все-таки должны принять определенную, хотя и временную форму; развитие должно вывести их из туманной неопределенности и сделать из них ясные мысли» [2]).

В течение времени, протекшего с тех пор, как написаны были эти строки, социальная философия Маркса и Энгельса тоже пришла в своем развитии к известным результатам, которые получили первое систематическое выражение в «манифесте Коммунистической Партии» и затем пополнялись в других сочинениях его авторов. Эти результаты никогда не грешили «туманной неопределенностью». Напротив, даже люди, не сочувствовавшие им и пугавшиеся их, вынуждены были признать, что «изучение» привело Маркса и Энгельса к целому ряду ясных и оригинальных мыслей. Но если справедливо замечание Энгельса о том, что надо дорожить не столько *результатами,*

---

[1]) См. переписку Маркса с Арнольдом Руге в 4-й книжке „Socialdemokrat",— стр. 26—27.

[2]) „Deutsch-Französische Jahrbücher" SS. 167—168.

сколько тем *развитием,* которое девет к ним, и что вообще результаты имеют лишь *временное значение,* то можно спросить себя: не устарели ли результаты, изложенные в «Манифесте», и не осуждены ли они дальнейшим ходом того самого развития, которое некогда привело к ним? Один остроумный француз заметил, что он не хотел бы думать, как Вольтер, в такое время, когда Вольтер думал бы иначе. Мы должны последовать примеру этого француза. Если бы мы захотели думать, как Маркс и Энгельс, в такое время, когда Маркс и Энгельс думали бы иначе, то показали бы этим полную неспособность усвоить живой критический *дух* их учения и, отстаивая его мертвую *букву,* мы были бы от него гораздо дальше, чем те догматики, о которых говорил Маркс в цитированном выше письме к Арнольду Руге.

Маркс и Энгельс беспощадно критиковали все существующее и не боялись результатов своей критики. Ученики Маркса и Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые их учителями.

Казалось бы, что это само собою разумеется, и что говорить об этом излишне, в особенности теперь, когда во всей Европе—от Петербурга до Неаполя и от Самары до Дублина —развелось так много марксистов, стоящих «*под знаком критики*». Но в том-то и дело, что бывают разные «*знаки критики*». Давно уже было сказано, что не всякий, повторяющий: Господи, Господи!—войдет в царствие небесное. Теперь приходится сказать, что не всякий, твердящий «критика, критика», способен возвыситься над *догматизмом*. Люди, «критикующие» Маркса и Энгельса, многочисленны теперь, как песчинки на дне морском. Критика марксизма стала модой в некоторых кругах интеллигенции всех стран. Но мода и критика плохо уживаются одна с другой. И чем более критика марксизма становится делом моды, тем более утрачивает она *всякое критическое содержание.* Об'являя устарелыми те результаты, к которым пришли Маркс и Энгельс, господа критики не ставят на их место ничего *нового* и частью ограничиваются бессодержательным и скучным повторением слова «критика», а частью возвращаются на точку зрения *буржуазных современников* или даже *предшественников* Маркса и Энгельса. Само собою разумеется, что *такая* критика нисколько не спасает от догматизма, и что *такое* движение ни в каком случае не может быть названо *поступательным.*

Слабость «критической» мысли господ критиков Маркса с особенной яркостью обнаруживается в области философии. Здесь они противопоставляют так называемому ими догматизму материалистов довольно уже пожилую догму кантианцев о непознаваемости внешнего мира. Разбирать здесь эту догму было бы неуместно, и потому только мы заметим, что, отвергая материализм, господа критики не дают себе труда хорошенько ознакомиться с этой теорией и довольствуются тем представлением о ней, которое усердно культивируется во славу религии учеными, полу-учеными и совсем неучеными филистерами и попами разных стран и в основе которого лежит христианское противоположение матери духу [1]).

[1]) Главным научным источником, из которого черпают теперь эти господа свои сведения о материализме, является известная история материализма Ланге. Но Ланге сам никогда не мог взглянуть на материализм глазами трезвого и беспристрастного исследователя. Его книга сделала очень много не для критики материализма, а для распространения и укрепления в публике неправильного взгляда на его историческое развитие и на его значение для общественной науки нашего времени.

В «Манифесте Коммунистической Партии» мы имеем дело исключительно с «*социальной философией*» Маркса и Энгельса. О ней и пойдет у нас речь в нашем предисловии. Но и она очень обширна. Всестороннее расмотрение ее невозможно в этом предисловии. Поэтому мы рассмотрим здесь лишь *основную мысль* «Манифеста», а отдельные его положения рассмотрим в брошюре «Критика наших критиков», подготовляемой нами к печати.

«Основная мысль, пропитывающая собою весь «Манифест», та мысль, что в каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбежно обусловленное им строение общества составляют основу политической и умственной истории; что, соответственно этому, вся история, с тех пор, как разложилось первобытное общинное землевладение, была историей классовой борьбы... но что эта борьба достигла теперь той ступени, на которой эксплоатируемый и угнетаемый класс... не может освободиться от эксплоатирующего его класса..., не освободив в то же время и навсегда всего общества от эксплоатации, угнетения и классовой борьбы,—эта основная мысль принадлежит единственно и исключительно Марксу».

Так говорит Энгельс. Правда ли он? Не совсем. Во-первых, Энгельс неправ, сводя к нулю свое собственное участие в разработке основной мысли «Манифеста». Во-вторых, некоторые, очень важные *элементы* этой мысли встречаются в гораздо более ранней социально-политической литературе.

Профессор Антонио Лабриола в своем прекрасном опыте «В память Манифеста Коммунистической Партии» справедливо замечает, что уже древние историки, а в новое время итальянские историки эпохи Возрождения хорошо понимали значение классовой борьбы, происходившей на их глазах в тесных пределах городских республик. Не менее справедливо и то замечание Лабриолы, что классовая борьба, принявшая гораздо более широкие размеры в современном государстве, все более и более бросалась в глаза в первой половине девятнадцатого века. Но он ошибался, полагая, что историческое значение этой борьбы с наибольшею ясностью сознано было в конце этого периода,—именно, в промежуток времени от 1830 до 1850 г. В действительности, понимание классовой борьбы, как важнейшего двигателя исторического развития, уже в двадцатых годах достигло такой степени ясности, которая была превзойдена разве только в сочинениях авторов «Манифеста». В эпоху же 1830—1850 гг. понимание это отчасти затемнилось под влиянием причин, которые мы укажем ниже.

Уже в своих «Lettres d'un habitant de Geneve», вышедших в 1802 г., Сен-Симон говорит об отношениях между «имущим» и «неимущим» классами, и *борьбой этих классов* об'ясняет ход и исход французской революции. Но это сочинение содержит в себе лишь зародыши взглядов Сен-Симона. Гораздо полнее высказываются они в позднейших его произведениях,—напр., в «Organisateur» (знаменитая «Парабола»), в «Lettres à Messieurs les Jurés», «Du système industriel». «Catechisme des industriel» и «Orinions littéraires, philosophiques et industriels». Производство есть цель общественного союза, а потому люди, руководящие производством, всегда стояли и всегда будут стоять во главе общественного союза. До пятнадцатого столетия светская власть находилась в руках дворянства. Это не могло быть иначе потому, что дворянство руководило тогда земледельческими работами, а земледельческие работы были тогда единственно важной отраслью промышленной

деятельности [1]). Но мало по малу, в период от первого крестового похода до Людовика XI, возник и организовался в независимую от дворянства силу новый общественный класс,—промышленники в собственном смысле слова,—который еще больше окреп и вырос в эпоху, отделяющую царствование Людовика XI от царствования Людовика XIV. В течение всей этой эпохи промышленный класс не переставал бороться с дворянством и отнимать у него одну экономическую позицию за другою. Нуждаясь в сильной поддержке, он заключил союз с королевской властью, и этот союз определил собою дальнейшее политическое развитие Франции вплоть до того времени, когда королевская власть, в лице Людовика XIV, изменила своему верному союзнику и сделалась покровительницей аристократии. Это была ошибка, дорого стоившая Бурбонам, но не остановившая развития промышленного класса. Французская революция и последовавшие за ней события вызваны были борьбою нового промышленного порядка со старой феодальной системой, сторонники которой сделали во время реставрации новую попытку вернуть свое старое влияние и значение. Но их усилия осуждены на неудачу; их влияние навсегда утрачено. «В течение пятнадцати веков,—говорит Сен-Симон,—феодальная система постепенно дезорганизовалась, а промышленная система постепенно организовалась. Достаточно будет тактичного поведения главных представителей промышленности, чтобы окончательно установить промышленную систему и очистить общество от развалин того феодального здания, в котором жили когда то наши предки» [2]).

Исторические взгляды Сен-Симона были почти целиком усвоены его «приемным сыном», Огюстэном Тьерри, так много сделавшим впоследствии для французской исторической науки. Огюстэн Тьерри стоял на точке зрения «третьего сословия» и хорошо понимал это. В 1818 г. он писал в «Censeur Europeen»: «Кто из нас слышал о том классе людей, который сохранил для человечества промышленное искусство и привычку к труду во время наводнения Европы варварами? Постоянно подвергаясь притеснениям и грабежу со стороны своих победителей и повелителей, эти люди вели тягостное существование, получая в вознаграждение за свой труд лишь сознание того, что они поступают хорошо и сохраняют цивилизацию для своих детей и для всего мира. Эти спасители наших искусств были нашими отцами. Мы дети тех крепостных, тех данников, тех буржуа, которых беспощадно попирали завоеватели. Мы всем обязаны им... Но, недавно освобожденные рабы, мы хранили память лишь о семьях и о действиях своих господ. Только тридцат лет тому назад мы вспомнили, что наши отцы составляли нацию. Мы всем восхищались и все изучали, за исключением того, что было совершено ими. Мы были патриотами и забывали тех, которые в течение четырнадцати веков возделывали почву нашего отечества, которую так часто опустошали другие руки» [3]).

Два года спустя, Тьерри возвращается к той же теме и доказывает, что французы еще не имеют настоящей истории своего *народа*. История граж-

---

[1]) Opinions littéraires, philosophiques et industriels. Paris 1825, pp. 144—115. Ср. Gatechisme des industriels в Oeuvres de Saint-Simon, изданных О. Родригом, Paris, 1832, p. 18.

[2]) Oeuvres p. 59.

[3]) Цитировано им самим в его Dix ans d'Etudes historiques. Paris, 1837, préface, p. VIII.

дан, история подданных, еще не написана, а, между тем, она гораздо интереснее и способна вызвать гораздо больше симпатий, чем история высокопоставленных лиц и королей,—«единственная история, о которой нам говорят». Движение народных масс к свободе и благосостоянию представляет собою более величественное зрелище, чем походы завоевателей, а бедствия народа трогательнее бедствий королей, лишившихся своих престолов. Если бы нашлось перо, достойное написать историю народных масс, то французы узнали бы, что их города могут гордиться «не только тем, что в них жили те или другие аристократы или что через них проходил тот или другой король. Они узнали бы также, что политическая жизнь народа не ограничивалась уплатой податей и поставкой рекрут» [1]).

Уже эти красноречивые тирады ясно показывают, каким образом рост самосознания третьего сословия во Франции вызвал коренную перемену во взглядах французских историков. Для ученых плебеев того времени, история третьего сословия была интереснее истории двора и аристократии, и потому они почувствовали потребность разработать именно историю третьего сословия. А так как эта история в течение многих столетий была историей всего народа за исключением доворянства и духовенства, то неудивительно, что народная жизнь прошлых веков стала привлекать к себе главное внимание исторической науки, прежде занимавшейся лишь королями и аристократами. В исторической науке времен раставрации сказалось то же самое настроение третьего сословия, которое еще в семнадцатом веке начало сказываться в области изящной литературы и литературной критики. Известны психологические мотивы, вызвавшие появление так называемой *мещанской драмы*. «Что за дело мне, мирному гражданину монархического государства 18-го столетия,—писал Бомарше,—до смерти какого-нибудь пелопоннезского тирана или до принесения в жертву царской дочери в Авлиде? Все это совершенно мне не касается, во всем этом нет ничего поучительного для меня» [2]). Бомарше и его единомышленники хотели, чтобы на сцене с любовью и вниманием изображались быт и страдания людей современного им третьего сословия. Классическая трагедия раздражала и оскорбляла их своим пристрастием к высокопоставленным героям. «Изображать горе и несчастия людей среднего состояния! С горечью восклицал Бомарше,—Fi donc! Их можно только осмеивать! Смешные граждане и несчастные короли,—вот чем ограничивается область, доступная театру. Так мы и будем знать» [3]).

Буржуазия восемнадцатого столетия хотела «иметь свой портрет», и ее литературные представители попытались изобразить ее тогдашние черты в героях *мещанской драмы* [4]). Подобно этому, во время реставрации, буржуазия, отстаивавшая свои социально-политические завоевания от настойчивых посягательств со стороны приверженцев старого порядка, хотела слышать рассказ об ее собственных детских и юношеских годах, и ее ученые представители принялись писать для нее назидательное и интересное повествование о притеснениях, которым она некогда подвергалась, об ее усилиях

---

[1]) См. первое письмо об истории Франции, перепечатанное в Dix ans d'Etudes historiques, p. 325.

[2]) Essai sur le genre dramatique sèrieux в Oeuvres complètes. Paris 1828, t. I, p. 11.

[3]) Lettre sur la critique de Barbier de Seville в Oeuvres complètes t. I, p. 258.

[4]) Ср. Брюнетьера, Les époques du theâtre français, Paris 1896, p. 287.

завоевать себе лучшую долю и об ее успехах в борьбе против притеснителей. Так создалось новое направление в исторической науке, представлявшее собою огромный шаг вперед в ее развитии.

Историки прежнего времени, интересовавшиеся преимущественно королями и аристократами, видели в подвигах своих высокопоставленных героев главных двигателей исторического развития. Этот взгляд усвоен был и просветителями восемнадцатого века, у которых он, согласно их революционному настроению, видоизменился в учение о том, что мнения правят миром. Несостоятельное в теоретическом отношении учение это имело то преимущество, что отводило широкое место воздействию революционных *героев* интеллигенции на угнетаемую государством и высшими сословиями *толпу* среднего сословия. Но буржуазия времен реставрации, незадолго перед тем нанесшая смертельный удар старому порядку, уже не походила на подавленную толпу. Ее идеологи, проникнутые сознанием ее силы и значения, увидели в ней самой главного героя исторического движения. Мы уже знаем, с каким восторгом говорил Тьерри об ее заслугах перед человечеством и цивилизацией.

Но, раз заинтересовавшись историей своих «отцов», ученые представители буржуазии необходимо должны были составить себе совершенно новый взгляд на историческое происхождение и развитие общественных учреждений.

«Удивительна,—говорит Огюстэн Тьерри,—упорная склонность историков не признавать за массой никакой самодеятельности, никакого творчества. Если какой-нибудь народ выселяется, ища себе нового местожительства, то наши историографы и поэты об'ясняют это тем, что какой-нибудь герой решился основать новую империю с целью прославить свое имя; если возникает какое-нибудь новое государство, то это об'ясняется инициативой того или другого государя. Народ, граждане всегда представляют собою лишь материю, одухотворяемую мыслью отдельных людей. Хотите в самом деле знать, кто создал данные учреждения, кому принадлежит мысль данного общественного предприятия? Ищите тех, кому оно было нужно: им наверное принадлежит и первая мысль о нем, и желание действовать, и значительная часть в выполнении. Is fecit, cui prodest,—эта аксиома применима в истории не менее, чем в юриспруденции» [1]).

Эта новая точка зрения—точка зрения *общественного или классового интереса*—в связи с сочувствием к «отцам», вынесшим на своих плечах многовековую борьбу против высших сословий, неизбежно должна была привести к сознанию важного исторического значения борьбы различных общественных классов за свои интересы, т. е., короче—*классовой борьбы*. И действительно, уже в начале своей литературной деятельности Огюстэн Тьерри указывает на «борьбу классов и интересов» в Англии (lutte des classes d'hommes et des intérêts), как одно из главных последствий завоевания ее норманами [2]). Революционное движение в Англии 17-го века изображается им, как борьба третьего сословия с аристократией.

---

[1]) Dix ans d'études historiques, p. 348.

[2]) В статье Vue des revolutions d'Angleterre, Dix ans d'études historiques, p. 16.

«Всякий, чьи предки принадлежали к числу завоевателей Англии,—говорит он о первой английской революции,—покидал свой замок и ехал в королевский лагерь, где и занимал положение, соответствующее его званию. Жители городов толпами шли в противоположный лагерь. Тогда можно было сказать, что армии собирались—одна во имя *праздности и власти,* другая—во имя *труда и свободы.* Все праздношатающиеся, каково бы ни было их происхождение, все те, которые искали в жизни лишь достающихся без труда наслаждений, становились под королевские знамена, защищая интересы, подобные их собственным интересам; и наоборот, те из потомков прежних завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединились к партии общин» [1]).

Но особенно замечательно то, что и в религиозном движении того времени Тьерри видел лишь отражение «положительных, житейских интересов. «С обеих сторон,—говорит он,—война велась за положительные интересы. Все остальное было внешностью или предлогом. Люди, отстаивавшие дело *подданных,* были по большей части пресвитерианами, т.-е., не хотели никакого подчинения даже в религии. Те же, которые примыкали к противной партии, принадлежали к англиканскому или католическому исповеданию; это было потому, что даже в религиозной области они стремились к власти и к обложению людей налогами» [2]).

Переходя к современнику Тьерри—*Минье,* мы встречаем совершенно тот же взгляд на значение имущественных интересов и на роль классовой борьбы в истории цивилизованных стран. По словам Минье, «наиболее многочисленные и наиболее сильные интересы диктуют законы и достигают своей цели» (dictent la loi et arrivent à leur but [3]).

Легко понять отсюда, какое влияние имеют, по его мнению, интересы на развитие общества. «Общественное движение,—говорит он,—определяется господствующими интересами. Движение это стремится к своей цели посреди разных препятствий, останавливается, раз достигнута эта цель, и уступает место другому движению, которое сначала остается незаметным и обнаруживается только тогда, когда делается преобладающим. Таков был ход развития феодализма. Феодализм существовал в нуждах людей, еще не существуя фактически,—первая эпоха; во вторую эпоху он существовал фактически, постепенно переставая соответствовать нуждам, и это последнее обстоятельство положило конец его фактическому существованию. Еще ни одна революция не совершалась другим путем» [4]). Появление на исторической сцене городских коммун изменило все внутренние отношения тогдашних обществ. В Италии коммуны добиваются полного господства, и там возникает демократия. Во Франции они оказываются вынужденными соединиться с королевскою властью и тем положить основание абсолютизму. Наконец, в Англии, где они сондиняются с феодалами против короля, является конституционная монархия [5]).

Таким образом, взаимное отношение важнейших социальных элементов

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Da la feodalite, des institutions de St-Louis et de l'iufluence de la legislation de ce prince Paris, 182?, p. 47.
[4]) Ibidem, pp. 77—78.
[5]) Ibid., p. 83.

европейского общества,—т. е., аристократии и третьего сословия,—определило собою политическое развитие Европы. Чем более росло третье сословие, тем более приближалось окончательное падение старого общественного порядка. Во Франции эпоха этого падения была и эпохой революции, к которой Минье относился с самым горячим сочувствием. Его история французской революции лучше всех других его сочинений показывает, до какой степени ясно сознавал он историческое значение классовой борьбы. Он прекрасно понимает, что борьба политических партий во время революции выражала собою лишь противоречие классовых интересов. «Аристократические классы,—говорит он,—имели интересы, противоположные интересам национальной партии. Поэтому дворянство и высшее духовенство, сидевшее на правой стороне, были в постоянной оппозиции против этой партии, за исключением нескольких дней всеобщего увлечения [1]). Партия Дюпора, Барнава и Ламэтта представляла собою «род оппозиции внутри среднего класса» [2]). Конституция 1791 г. была делом среднего класса, оказавшегося тогда сильнее других; известно,—прибавляет Минье,—что сила, достигшая господства, всегда овладевает учреждениями» [3]). Антиреволюционные восстания в Кальвадосе, Жеводане и Вандее он об ясняет тем, что эти местности не сочувствовали революции, «так в них не было многочисленного среднего и образованного класса» [4]). Жирондисты являются в его глазах партией перехода от среднего класса к простонародию (la multitude), между тем, как в Дантоне, Робеспьере, Комилле Демулене, Ф. д'Энглантине, Марате и т. д., он видел истинных вождей нового движения, начавшегося при посредстве низшего общественного класса и направлявшегося против среднего класса, к которому принадлежали жирондисты по своему положению и по своим привычкам [5]). Десятое августа было «восстанием простонародия против среднего класса и конституционного трона, подобно тому, как 14-е июля было восстанием среднего класса против привилегированных классов, против абсолютной власти короны» [6]). Короче сказать, решительно вся история французской революции служит у Минье иллюстрацией того положения, которое можно с полным основанием назвать *формулой прогресса,* совершающегося в цивилизованных обществах: «перемены нарушают интересы; интересы создают партии; партии вступают в борьбу» [7]). Огюстэн Тьерри недаром говорил, что Минье был одарен большим талантом обобщения фактов и исторической индукции.

В течение всей своей жизни Минье был сознательным, откровенным и последовательным представителем «среднего класса». Его идеалом было социальное и политическое господство этого класса. Он был решительным врагом «простонародья», поскольку оно угрожало этому господству. «Бесчинства Коммуны были ему омерзительны» говорит его биограф Эдуард Пти [8]). Но этот друг жестокого усмирителя Коммуны Тьера, не испытывал перед революционным способом действий того жалкого чувства страха, сме-

---

[1]) Histoire de la revolution française, Paris, 1827, t. I. p. 105.
[2]) Ibid., p. 111.
[3]) Ibid., p. 210.
[4]) Ibid., p. 227.
[5]) Ibid., p. 276.
[6]) Ibid., p. 290.
[7]) Ibid., p. 213.
[8]) François Mignet par Eduard Petit. Paris 1889, p. 286.

шанного со злобой, который испытывают перед ним крупные и мелкие буржуа нашего времени. «Только силой можно добиться признания своих прав»,—замечает он в самом начале своей истории революции, прибавляя несколькими страницами ниже, что до сих пор «нет другого верховного владыки, кроме силы» [1]). Нынешние историки не любят таких сентенций. Старый Гизо об'яснит нам эту особенность их вкуса.

Взгляды Гизо на коренную причину общественного развития ничем не отличаются от взглядов Огюстэна Тьерри и Минье. Социальные отношения и в его глазах являются основой политических отношений. Бо́льшая часть писателей, ученых историков и публицистов,—говорит он в своих Essais sur l'historie de France»,—старались об'яснить данное состояние общества, степень или род его цивилизации, политическими учреждениями этого общества. Было бы благоразумнее начинать с изучения самого общества для того, чтобы узнать и понять его политические учреждения. Прежде, чем стать причиной, учреждения являются следствием; общество создает их прежде, чем начинает изменяться под их влиянием; и, вместо того, чтобы судить о состоянии народа по формам его правительства, надо прежде всего исследовать состояние народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц в зависимости от их социального положения, отношения различных классов лиц, словом, *гражданский быт людей* (l'état des personnes),— таков, без сомнения, первый вопрос, который привлекает к себе внимание историка, желающего знать, как люди жили, и публициста, желающего знать, как люди управлялись» [2]).

По словам Гизо, у всех народов, явившихся на историческую сцену Европы после падения Западной Римской империи, гражданский быт находился в тесной причинной связи с поземельными отношениями, а потому изучение поземельных отношений должно предшествовать изучению гражданского быта. «Чтобы понять политические учреждения, надо изучить различные слои, существующие в обществе и их взаимные отношения. Чтобы понять эти различные общественные слои, надо знать природу поземельных отношений» [3]). С этой точки зрения Гизо и смотрит на историю Франции первых двух династий. Она является у него историей борьбы между «*слоями*» тогдашнего населения этой страны.

История английской революции изображается им, как борьба буржуазии с аристократией. Он называет остроумным, но поверхностным, тот взгляд, согласно которому английская революция была более политической, чем социальной, между тем как французская стремилась изменить всю совокупность общества и правительства [4]). На самом деле обе революции имели одинаковое происхождение и одинаковую цель. Революционное движение в Англии началось под влиянием изменений в социальных отношениях

---

[1]) Histoire de la revolution française, t. I, pp. 3,13. Эти выражения напоминают известное выражение Маркса: „сила всегда была повивальной бабкой старого общества, беременного новым".

[2]) Essais sur l'histoire de France, dixième edition (первое изд. вышло в 1821 г.), pp. 73—74.

[3]) Ibid, pp. 75—76.

[4]) Histoire de la rlvolution e'Angleterre, Paris 181', t. l, preface p. XXI предисловие подписано: апрель 1826.

и в нравах английского народа. Между тем, как высшая аристократия утрачивала свое влияние на народ и развращалась, мелкие дворяне, фригольдеры и буржуа, занятые исключительно своими имущественными делами, все более богатели и все более подчиняли народ своему влиянию. Постепенно, без шума и почти без собственного ведома, они сосредоточили в своих руках почти все общественные силы,—«истинные источники власти» [1]). И по мере того, как совершалась эта коренная перемена в общественных отношениях, среднее сословие («les communes») начало нетерпеливо относиться к тирании. «Увеличение благосостояния вызвало нужду в ограничении произвола. Королевские права, в течение долгого времени не вызывавшие никаких протестов, стали казаться злоупотреблением» [2]). Так завязалась революционная борьба, имевшая множество разнообразных перепитий, но закончившаяся полным торжеством среднего класса.

Гизо умеет проследить влияние «общественного состава» не только на политический строй общества, но также и на совершающиеся в нем *умственные течения*. Соображения об истории французской литературы, высказанные им еще во время первой империи, заслуживали бы подробного рассмотрения. Но, по недостатку места, мы напомним здесь только его рассуждения о театре. По его мнению, судьбы театра отражают собою развитие общественных отношений. В древней Греции, где общественные дела находились в заведывании всего народа, театр служил всенародным развлечением, отражавшим привычки и вкусы всех свободных граждан. Напротив, в обществах нового времени, представляющих собою сложное сочетание различных классов, занятых трудом и вечно борющихся между собою за преобладание, театр становится развлечением высших классов. От этого много страдают его достоинства. Упрочив свое положение, высшие классы стремятся, обыкновенно, отделиться и удалиться от остальной части общества. Они утрачивают свойственные народу простые и естественные привычки и проникаются искусственностью. Поэтому область художественного творчества суживается и бледнеет. Для примера, Гизо указывает на судьбы английского театра после реставрации 1660 г. В своем презрении к народу английская аристократия стала пренебрегать даже Шекспиром, об'явив его неблаговоспитанным. Французская трагедия тоже была созданием высших классов, и потому ее время прошло вместе с падением старого порядка. Революция расчистила место для «новой драматической системы» [3]).

Конечно, здесь можно не согласиться с отдельными частностями. Но нельзя не признать, что путь исследования причинной связи явлений намечен здесь совершенно верно. И именно по этому пути пошли впоследствии наиболее даровитые критики и историки французской литературы, так хорошо подготовившие почву для материалистического об'яснения умственной истории цивилизованного человечества.

Политическая деятельность Гизо еще ярче обнаруживает его классовую точку зрения. Он сам говорит в своих «Воспоминаниях», что упрочение господства средних классов (des classes moyennes) было неизменным его политическим стремлением [4]). И он не только горячо и неустрашимо защи-

---

[1]) Ibid., pp. 9—10.

[2]) Ibid., pp. 11—12, ср. также Discours sur l'histoire de la revolution d'Angleterre.

[3]) См. чрезвычайно интересный Etude sur Shakspeare, в первом томе французского перевода сочинений Шекспира, Париж 1821.

[4]) Memoires, Париж 1858, t. I, p. 8.

щал интересы этих классов, но, по его собственным словам, он хотел еще более возвеличить их дело, «перенеся его в прошлое и обнаружив его интересы и превратности во всем течении французской истории» [1]). Это намерение было блестяще выполнено им в его политических памфлетах. Наибольшего внимания заслуживает памфлет, носящий заглавие «Du Gouvernement de la France et du ministére actuel» и вышедший в сентябре 1820 года. Здесь Гизо выступает убежденным защитником французской революции. Революция эта была войной, совершенно подобной международным войнам. «В течение тринадцати столетий во Франции было два народа: народ-победитель и народ побежденный. В течение тринадцати столетий побежденный народ боролся для того, чтобы свергнуть иго народа-победителя. Наша история есть история этой борьбы. В наши дни произошла решительная битва. Эта битва называется революцией» [2]). Результат ее очевиден. Народ, бывший когда-то побежденным, стал победителем и, в свою очередь, завоевал Францию. Пресловутая хартия только признала, по словам Гизо, этот несомненный *факт* и об'явила его *правом*. Представительное правление было гарантией этого нового права [3]). Споры, происходившие в палате депутатов, могли казаться странными и непонятными лишь тому, кто смотрел на них с точки зрения теоретика, не умея приурочить их к породившим их обстоятельствам. В действительности, споры велись «между равенством и привилегией, между средним классом и старой аристократией» [4]). Старый порядок и новая Франция ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. Всякая мысль об их примирении—химера [5]).

Мы уже знаем, что Гизо понимал причинную связь между общественными отношениями, с одной стороны, и умственными течениями, с другой. Политическая полемика дала ему лишний случай высказать свой взгляд на этот счет. Он заявляет, что «идеи, учения и самые конструкции» подчиняются обстоятельствам и принимаются народами только тогда, когда они являются орудием и обеспечением их интересов» [6]). История английской конституции особенно хорошо показывает, по его мнению, «до какой степени обстоятельства господствуют над мнимыми теориями представителей системы» [7]). Мы видим здание английской конституции и забываем о том, как оно строилось. «Мы приписываем человеческой мудрости прогрессивное развитие, бывшие плодом одной необходимости» [8]). Теоретики революции ошибались «*или лгали*» (курсив наш), провозглашая самодержавие народа. На самом деле речь шла не о самодержавии всего народа, а о победе одной части народа над другой его частью. Так как на стороне третьего сословия было огромное численное превосходство, то и возникла теория народного самодержавия. Эта теория была нужна в то время, потому что силе необходима доктрина: людям «непременно нужно думать и показать другим, что они правы» [9]).

---

[1]) Ibid., pp. 296—297.
[2]) Du gouvernement de la France, 1—2.
[3]) Ibid., p. 5.
[4]) Ibid., p. 22.
[5]) Ibid., p. 108.
[6]) Ibid., p. 91.
[7]) Ibid , p. 127.
[8]) Ibid., p. 290.
[9]) Ibid., p. 138.

Сторонники контр-революции всегда отлично понимали, что для достижения своей цели они должны захватить власть и воспользоваться ею сообразно своим интересам. Средний класс с своей стороны должен помнить, что ему нужно не разрешать власть, а овладеть ею [1]).

Представительное правление существует затем, чтобы сосредоточить в себе и выразить общественные нужды и стремления, а также затем, чтобы облекать властью тех, которые умеют понимать и удовлетворять эти стремления и нужды [2]). Само собою разумеется, что, по мнению Гизо, таким умением обладают лишь представители «среднего класса», а оттого и власть должна, по его теории, принадлежать именно этому классу, а не той population extérieure, (так называет Гизо рабочую массу), права которой нужно признавать и защищать, но которая может погубить и себя, и все государство, если только доберется до власти! [3]).

Когда Маркс и Энгельс писали в «Манифесте», что современная государственная власть есть не более, как комитет, выбранный для заведывания общественными делами буржуазии, они высказали тот же самый взгляд на созданное буржуазией представительное правление. Только они оценивали его уже не с точки зрения «*среднего класса*», а с точки зрения того именно «*внешнего населения*» (population extérieure), о господстве которого Гизо не мог подумать без страха.

Как бы там ни было, не подлежит ни малейшему сомнению то обстоятельство, что Гизо очень хорошо сознавал классовый характер представляемых и защищаемых им социально-политических тенденций. Когда сторонники старого порядка стали обвинять его в том, что, проповедуя борьбу классов, он разжигает будто бы дурные страсти, он отвечал, что ему хотелось только резюмировать историю Франции. Она полна борьбой сословий или, вернее, *сделана ею*. Это знали и это говорили за много веков до революции. Это знали и это говорили в 1789 г. Это знали и это говорили три месяца тому назад [4]). Я думаю, что и теперь все помнят об этом, хотя меня и упрекают в том, что я высказал это. Факты не уничтожаются по желанию и для удобства министерств и партий. Что сказали бы все те мужественные буржуа, которых посылали в Генеральные Штаты для защиты и завоевания прав третьего сословия, если бы, воскреснув теперь, они услыхали, что дворянство никогда не воевало с третьим сословием; что оно не чувствовало беспокойства при его возникновении, что оно не возмущалось при виде его роста, что оно не мешало его социальным и политическим успехам?.. Выродившиеся потомки расы, некогда господствовавшей над великой страною и заставлявшей трепетать королей, вы отрекаетесь от своих предков и от своей истории! Вы сознаете свое падение и потому протестуете против своего былого величия!» Поднимая речь о борьбе классов, Гизо совсем не имел в виду высказать что-либо новое: борьба классов—не теория и не гипотеза: это—самый простой факт. «И я повторяю,—восклицает Гизо,—что не только нет никакой заслуги за теми, которые его видят, но почти смешно отрицать его». Гизо стыдится того, что ему, буржуа, приходится читать дворянству уроки французской истории и доказывать ему, что оно стало «слишком смиренно

---

[1]) Ibid., p. 237.
[2]) Ibid., p. 283.
[3]) Ibid., p. 326, note.
[4]) Писано в 1820 году.

в своих воспоминаниях». А на обвинение его в том, что он разжигает страсти и сеет разделение между гражданами, он отвечает восклицанием: «Как! Мы должны забыть нашу историю только потому, что ее выводы оказались неблагоприятными для вас?».

Эти выписки [1]) достаточно характеризуют тогдашнее боевое настроение Гизо. Для более полной характеристики укажем впрочем, еще на эпиграф цитируемого здесь сочинения его «Du gouvernement de la France». Он взят из Паскалевых «Pensées» и гласит так: *«Приятно находиться на корабле во время бури, когда знаешь, что не погибнешь!»*

Во всем этом классовое самосознание буржуазии выражается так ярко, что мы не нуждаемся в дальнейших выписках. Поэтому мы не станем говорить здесь ни о книге Армана Карелля: «Histoire de la contre-revolution en Angleterre» (Париж, 1827), ни об относящихся к более позднему времени сочинениях Алексея Токвиля. Мы считаем твердо установленным тот факт, что уже во время реставрации Сен-Симон и многие ученые представители французской буржуазии видели в борьбе классов главнейшую пружину исторического развития народов нового времени.

Мы думали, что полезно установить этот факт, так как он, повидимому, остался неизвестным многим критикам «Манифеста Коммунистической Партии». Вот, напр., Эмиль Вандервельд категорически утверждает, что понятие о классовой борьбе есть «пробный камень демократического социализма, в отличие его от всех других настоящих и прошедших форм социализма буржуазного и утопического», и что это понятие «впервые было развито со всеми его последствиями в «Манифесте Коммунистической Партии»[2]). Признаемся, что от человека, написавшего, так сказать, юбилейную брошюру по поводу «Манифеста», можно требовать более внимательного отношения к своему предмету.

Точно также и господин Вернер Зомбарт, критикуя высказанный в «Манифесте» взгляд на великое историческое значение борьбы классов, ни единым словом не указывает на то, что в сороковых годах взгляд этот не был новым в политической литературе [3]). Вернер Зомбарт придает большое значение «истории догм» (Dogmengeschichte) в новейшем социализме. От него тоже можно было бы требовать лучшего знакомства с этой историей. В статье «Essai d'interprétation et de critique de quelques concepts du marxisme», напечатанной в февральской книжке «Devenir Social» за 1898 г.,

---

[1]) Сделанные из Avant-propos третьего издания брошюры Du gouvernement de la France.

[2]) „Золотая свадьба международного социализма" (перевод с французского). Лондон 1899 г., стр. 5, Одесса, 1905, стр. 3. В русском переводе, изданном в Лондоне, брошюра эта снабжена маленьким предисловием издателей, в котором „эволюция здоровой социалистической мысли в Европе" противопоставляется „долгам германского социализма". Почтенные сторонники „здоровой социалистической мысли" не заметили ни вышеуказанной, ни других ошибок Вандервельда и даже кое-что прибавили к ним из собственного запаса. Так, они называют Вандервельда „марксистом и притом одним из наиболее ученых и талантливых представителей парламентарного социализма". Последнее справедливо! Вандервельд действительно—один из наиболее ученых и талантливых представителей социализма (парламентарного и всякого другого) в Бельгии. Но марксистом он никогда не был, как могли бы убедиться в этом его русские издатели, ознакомившись с другими его сочинениями.

[3]) См. Sozlalismus und soziale Bewegung im 19 Jahrhundert SS. 1—2.

г. Бенедетто Кроче чрезвычайно старательно «критикует» учение Маркса и Энгельса о борьбе классов. Но и этот старательный критик, как видно, очень далек от мысли о том, что борьбу классов проповедывали еще теоретики буржуазии.

Укажем еще на Томаса Кэркопа, который, «критикуя» учение Маркса с самых различных сторон и довольно останавливаясь на «Манифесте», не догадывается спросить себя, точно ли мысль о классовой борьбе принадлежит исключительно Марксу [1]).

С критиками марксизма до сих пор почти всегда происходили такие оказии: они не замечали действительных промахов Маркса и Энгельса, но зато записывали на их счет такие ошибки, которых те никогда не делали.

Но промах промаху рознь. Разумеется, очень хорошо, когда основатели данной теории знают всех своих предшественников и не ошибаются в своих суждениях о них. Однако, никто не поставил бы Дарвину в большую вину тех ошибок, которые он сделал бы, говоря о месте, занимаемом его собственной теорией в истории учений об эволюции. Но если кто-нибудь взялся за *критику* дарвинизма, а особенно, если бы он захотел написать *историю трансформизма,* то он *обязан* был бы знать предшественников Дарвина, и тогда было бы в высшей степени странно, если бы он, говоря об этих предшественниках, удовольствовался простым повторением того, что сказал о них сам Дарвин.

То же можно заметить о критиках марксизма и об историках социализма. Под их пером совершенно непростительны такие промахи по части «истории догмы», которые были вполне понятны и извинительны под пером Маркса или Энгельса.

Но оставим пока *критиков* и вернемся *к предшественникам.*

Во время реставрации французская буржуазия пережила не одну бурю. Но, ободряемая своими недавними колоссальными победами над аристократией, она верила, что нет силы, способной положить предел ее господству, и бодро смотрела в будущее, находя, что очень приятно быть на корабле во время бури, когда знаешь, что не погибнешь. Она не боялась тогда говорить о классовой борьбе и насмешливо отказывалась позабыть историю своей собственной классовой борьбы в угоду выродившейся аристократии. Но увы! Все течет, все изменяется. Прошло каких-нибудь два-три десятка лет, и буржуазия была вынуждена взглянуть на классовую борьбу с другой точки зрения. Рабочий класс,—внешнее население, как называл его Гизо,—начал борьбу против ее собственного классового господства. Вследствие этого коренным образом изменилось настроение буржуазии: из *революционного* оно превратилось в *консервативное.* Сорок-восьмой год был страшным уроком для буржуазии. Как хорошо поняла она смысл этого урока, видно из того, что с этого времени ее теоретики стали проповедывать «*социальный мир*». Всегда чрезвычайно внимательно и чутко относившийся к положению и нуждам «среднего класса», Гизо уже в январе 1849 г., выпустил брошюру: «De la Démocratie», в которой воспевается социальный мир, ведущий к «свободе, спокойствию, благоденствию, достоинству» и ко всем другим «вещественным и духовным благам». Гизо и в 1849 г. помнил, что социальная война «*сделала*» историю Франции; но теперь война эта представляется ему же не двигателем

---

[1]) См. A. History of Socialism by Thomas Kirkop, London 190 , главы 7, 8 и 9.

прогресса, а каким-то ящиком Пандоры, из которого сыплются на его страну ужаснейшие бедствия. «Борьба различных классов нашего общества наполняет собою нашу историю»,—повторяет он. Революция 1789 г. была самым общим и самым могучим ее проявлением. Дворянство и третье сословие, аристократия и демократия, буржуазия и работники, собственники и пролетарии,—все это лишь различные формы и различные фазы социальной борьбы, от которой мы так долго страдаем... Это—бич, это—стыд, недостойный нашего времени. Внутренний мир, мир между различными классами граждан, социальный мир! Это—самая важная потребность Франции, это—крик спасения» [1]).

Преобладание средних классов составляет характеристическую черту французской истории после 1789 г. Указав на это, Гизо пишет целый панегирик буржуазии. Но он ясно видит, что ее господству грозит страшная опасность. «Теперь на арену вышел новый борец. Демократический элемент подразделился. Против средних классов выдвигают рабочие классы, против буржуазии—пролетариат. И эта новая война тоже ведется на смерть, потому что новый претендент так же исключителен, как и все прочие» [2]).

Пролетариат грозит уничтожить господство «средних классов». «Средние классы» боятся пролетариата, и потому их теоретики проповедуют *мир*. Но прочный мир может быть заключен только тогда, когда пролетариат перестанет оспаривать право буржуазии на существование. Гизо прекрасно понимает это. Он доказывает теперь, что все классы, существующие во Франции, составляют «естественные, глубокие элементы французского общества» [3]). И он утверждает, что признание справедливости этой мысли всеми борющимися между собою сторонами было бы огромным шагом вперед в направлении к социальному миру. В самом деле, признав справедливость этой мысли, пролетариат тем самым признал бы «*естественность*» своего подневольного положения. Но это-то и нужно было перепуганному идеологу буржуазии.

Не один Гизо проповедывал социальный мир и не один Гизо изменил свое отношение к классовой борьбе после того, как на арену выступил «новый борец». Мы уже знаем, как относился Минье к «бесчинствам» Парижской Коммуны. Что касается Ог. Тьерри, то для его настроения после 1848 г. характерно предисловие его к «Essai sur l'histoire du Tiers-Etat», вышедшему в 1853 г. История третьего сословия была историей социальной войны среднего класса с аристократией. Ог. Тьерри был, как мы знаем, одним из первых, обративших внимание читающей публики на классовый характер этой войны. Отрицать этот характер значило бы лишить историю третьего сословия всего ее значения. Но, с другой стороны, в 1853 г. Тьерри уже не мог говорить о классовой борьбе без серьезных оговорок. И вот он оговаривается. Он замечает, что классовая борьба, составляющая предмет его книги, не имеет ничего общего с классовой борьбой пролетариата против буржуазии. Описываемая им борьба была благодетельна по своим последствиям и велась в течение целых столетий, а борьба пролетариата с буржуазией началась «только вчера и совершенно нарушает общественную безопасность». Классовый интерес пролетариата кажется ему *узким*, а классовой интерес третьего сословия очень

---

[1]) De la Democratie, Париж 1849, p. 35.
[2]) Ibid., p. 107.
[3]) Ibid., p. 105.

широким потому, что третье сословие охватило всю нацию, за исключением дворянства и духовенства.

Это рассуждение чрезвычайно характерно в психологическом отношении, хотя,—как мы увидим ниже,—сторонникам революционной борьбы с буржуазией очень легко было опровергнуть Ог. Тьерри его же собственными доводами.

Научное убеждение в исторической важности классовой борьбы было, однако, так сильно у французских историков времен реставрации, что когда у них проходил страх перед революционным движением пролетариата, они снова начинали говорить своим прежним языком. Для примера мы опять сошлемся на Гизо.

В 1858 г. он издал свои «Воспоминания», в первом томе которых речь идет именно о том времени, когда он с пылким энтузиазмом молодости проповедывал классовую борьбу среднего класса с аристократией. Упомянув о своей брошюре «Du gouvernement de la France», представляющей, как мы уже знаем, самое горячее воззвание к такой борьбе, Гизо признается, что, перечитав ее через 36 лет после ее выхода, он вынес такое впечатление: «Рассматривая вещи по существу и в них самих, как историк и как философ, я не вижу в своей брошюре ничего такого, что я должен был бы взять назад. Я продолжаю думать, что высказанные в ней общие идеи справедливы, великие социальные факты правильно оценены, политические деятели хорошо поняты и верно изображены... Но... я слишком много требовал от людей».

Научная добросовестность взяла верх над страхом перед «новым борцом», и престарелый теоретик буржуазии уже не смотрит на классовую борьбу, как на стыд и горе Франции. Он утверждает, что в брошюре «Du gouvernement» социальные факты оцененены верно, а это значит, что социальная война—борьба классов—*сделала историю Франции*. Откровенно высказывая это, Гизо обнаружил несравненно больше уважения к научной истине, чем все те нынешние «ученые», которые избегают упоминания о классовой борьбе с таким же старанием, с каким христиане должны, по совету апостола Павла, избегать всяких разговоров о «мерзостях», запрещенных седьмой заповедью.

Итак, было время, когда буржуазия прекрасно понимала историческую роль классовой борьбы. Если она теперь не понимает или делает вид, что не понимает этой роли, если она проповедует «социальный мир», то это очень хорошо об'ясняется дальнейшей историей буржуазного общества, страхом перед «новым борцом». И если в настоящее время теоретики буржуазии охотно распространяются на тему о «социальном мире» и ставят в тяжелую вину социал-демократам их проповедь классовой борьбы, то социал-демократы могут ответить им, как отвечал когда-то Гизо теоретикам аристократии: «Выродившиеся потомки класса, некогда безраздельно господствовавшего над цивилизованным миром и заставлявшего трепетать королей, вы отрекаетесь от своих предков и от своей истории!» И, подобно Гизо, мы имеем право насмешливо удивляться тому, что наши противники стали слишком смиренны в своих воспоминаниях, и иронически спрашивать их: «Неужели мы должны забыть историю только потому, что ее выводы оказались неблагоприятными для вас?»

А как понимать всех социалистов, которые, под предлогом критики марксизма, хотят умалить значение классовой борьбы и, подобно его превосходительству, господину министру Мильерану, заявляют, что не следует

восстановлять рабочих против буржуазии? Предоставляем судить об этом самому читателю.

В настоящее время социализм не может не стоять на точке зрения классовой борьбы. Но социалисты не всегда стояли на ней. Пока социализм находился в детском периоде своего развития, его приверженцы тоже готовы были оплакивать классовую борьбу, как стыд и горе человечества. Этому, как будто, противоречат вышеизложенные взгляды Сен-Симона. Но не нужно забывать, что у Сен-Симона речь везде идет о борьбе *промышленников* против *феодалов,* а не о борьбе *пролетариата* с *буржуазией.* Пролетариат не существует для Сен-Симона, как класс, способный играть самостоятельную роль в истории. В «Женевских письмах» он говорит «неимущим», что, захватив власть во время революции, они сумели создать только *голод.* А в своей «Промышленной системе» он, желая побудить буржуазию к принятию его воззрений, пугает ее рабочим классом, в среде которого идеи равенства («турецкого равенства», как выражается он) могут, по его словам, получить широкое, но вредное для цивилизации значение [1]). Буржуа-предприниматели были в глазах Сен-Симона естественными руководителями рабочих. Авторы «Манифеста» справедливо говорят, что творцы утопических систем «видели уже антагонизм классов, равно, как и влияние разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видели в пролетариате никакой исторической самодеятельности, никакого, свойственного ему, политического движения». Верные этому воззрению, социалисты-утописты обращались не к пролетариату, а ко всему современному им обществу. Так, Ж. Перейр в своих лекциях, читанных в парижском Атенее в 1831 г., категорически заявлял от лица сен-симонистов, что они, как «люди прогресса», хотят спасти все человечество, «а не тот или другой народ, не тот или другой класс» [2]). Подобно этому и в глазах фурьеристов одним из главных достоинств доктрины их учителя являлось то обстоятельство, что она не выражала собою борьбы «противоположных интересов в обществе» [3]). Наконец, укажем еще на Луи Блана, который в январе 1845 г. писал во введении к своей знаменитой брошюре «Organisation du travail»: «В этой книге я обращаюсь к вам, богатые, потому что в ней говорится о бедных. Ибо их дело есть ваше дело» [4]).

---

[1]) Du sustеme industriel, Paris 1821, pp. 205—207.

[2]) Lecons sur l'industrie, Paris 1832, p. 39.

[3]) V. Considerant, Destinee Sociale t- II, 3-e ed, pp. 8 и след.

[4]) Судите после этого об учености и глубокомыслии господина профессора Кареева, замечающего в своей статье о книге „к вопросу о развитии монистического взгляда на историю": „Автор сделал непростительную ошибку, оставив без рассмотрения историка социалиста Луи-Блана, который выступил много раньше Маркса и в воззрениях которого мы видим, с одной стороны, дальнейшее развитие взглядов О. Тьерри и Гизо на классовую борьбу в истории, а, с другой, и дальнейшее развитие идей Сен-Симона (старые и новые этюды об экономическом материализме, С.-Петербург, 1896, стр. 211).

Ог. Тьерри и Гизо в свое время проповедывали классовую борьбу среднего класса с дворянством. Вся история Франции учила, по их словам, тому, что третье сословие не дождется никаких добровольных уступок от аристократии. Луи Блан уверял, что дело бедных есть дело богатых, и обращался с своим проектом организации труда не к пролетариату, а к буржуазии. Г. Кареев называет это дальнейшим развитием взглядов Ог. Тьерри и Гизо на классовую борьбу в истории. Это свидетельствует лишь о неразвитости его собственных взглядов на классовую борьбу и на историю социализма.

Такие взгляды социалистов-утопистов представляют собою и в теоретическом, и в практическом отношении огромный шаг назад в сравнении с вышеизложенными взглядами идеологов революционной буржуазии и об'ясняются неразвитостью тогдашнего капитализма. Они не остались, конечно, без вредного влияния на развитие классового самосознания рабочих, но они не остановили этого развития и не могли остановить его. Рост капитализма вел за собою, как численный рост пролетариата, так и умственное его пробуждение. Уже в октябре 1836 г. существовавший в Лондоне «Рабочий союз» принял устав, который очень недвусмысленно указывал на необходимость разрыва рабочего класса с партиями господствующих классов [1]). С другой стороны, во Франции большинство членов тайных революционных обществ вербуется в среде рабочего класса. Какие идеи распространялись между членами этих обществ, показывает следующий отрывок из диалога, происходившего при принятии новых членов в коммунистическое общество «Времен года».

«*Вопрос.* Из кого состоит теперь аристократия?

Ответ. Родовая аристократия была уничтожена в июле 1830 г., теперь аристократами являются богачи, которые составляют такую же жадную аристократию, как и старая.

Вопрос. Можно ли ограничиться низвержением правительства?

Ответ. Надо уничтожить всех аристократов и все привилегии, иначе не выйдет.

Вопрос. Принадлежат ли к народу те, которые, подобно аристократам, имеют права, не исполняя никаких обязанностей?

Ответ. По настоящему они не должны принадлежать к нему. Они представляют собой для общественного тела то же, что нарыв для тела отдельного человека.

Устранение нарыва есть первое условие выздоровления. Уничтожение аристократии есть первое условие возвращения общественного тела к справедливому состоянию» и т. д. [2]).

С нашей нынешней точки зрения, практические программы тогдашних коммунистов-заговорщиков являются еще менее удовлетворительными, чем их теоретические воззрения. И, однако, их твердая уверенность в том, что освобождение рабочего класса («народа») немыслимо без борьбы с высшими классами («аристократией»), очень выгодно отличает их от социалистов-утопистов. Конечно, борьба кучки людей, составивших заговор во имя народных интересов, ни в каком случае не может быть названа *классовой* борьбой. Но, когда главный контингент заговорщиков поставляется рабочими, заговор представляет собой *зародыш* революционной борьбы рабочего класса. А взгляд общества «Времен года» на «аристократию» указывает на тесную генетическую связь идей тогдашних французских революционеров-коммунистов с идеями буржуазных революционеров восемнадцатого века и либеральной оппозиции реставрационной эпохи.

Мы видели, что классовой интерес пролетариата казался Огюстэну Тьерри узким, а интерес третьего сословия широким, так как сословие это

---

[1]) Die Entstehung und die oekonomische Grundsätze des Chartismus von Dr. Iohn L. Tilbstley, Jena, 1898 стр. 2—4.

[2]) De la Hodde. Histoire des Societes secretes et du parti republicain, Paris 1850. p. 224.

охватывало всю нацию, за исключением аристократии. Французские революционеры-коммунисты исходили, подобно Огюстэну Тьерри, из сознания необходимости бороться против *аристократии* в интересах *всей остальной части общества*. Но они справедливо указывали на то, что родовая аристократия уступила место денежной и что поэтому борьба за широкие общественные интересы должна вестись уже не против дворянства, а против буржуазии. Логика была, очевидно, на их стороне, и они имели полное право упрекать своих буржуазных противников в непоследовательности.

По мере того, как росло и обнаруживалось противоречие интересов эксплоатируемых с интересами эксплоататоров, росло и крепло сознание необходимости борьбы между пролетариатом и буржуазией. Но в самом сознании этом было еще очень много утопических элементов. В коммунистической и социалистической литературе сороковых годов понятие о борьбе классов далеко еще не достигло той степени ясности, какая была ему свойственна, например, у Гизо. В этом отношении буржуазная идеология превзойдена была только «Манифестом».

Взгляд Маркса и Энгельса на борьбу классов, на значение политики в этой борьбе и на зависимость государственной власти от господствующих классов тождествен со взглядами на те же предметы Гизо и его единомышленников. Вся разница в том, что одни отстаивают интересы пролетариата, между тем, как другие защищали интересы буржуазии. Местами «Манифест» говорит языком памфлетов Гизо, или, если хотите, некоторые памфлеты Гизо отчасти говорят языком «Манифеста» [1]). Но у авторов «Манифеста» понятие о борьбе классов является составною частью стройной исторической теории, между тем, как в исторической теории Гизо, Тьерри, Минье и других современных им идеологов буржуазии еще не сведены концы с концами. И это составляет, разумеется, огромное преимущество «социальной философии» Маркса и Энгельса.

Ниже мы внимательно рассмотрим это преимущество. Но прежде нужно подвергнуть критике некоторые «критические» замечания некоторых критиков марксизма.

Г. Вернер Зомбарт говорит:

«Начиная «Коммунистический Манифест» словами: «Вся история общества была до сих пор историей борьбы классов», Карл Маркс высказал одну из величайших истин, наполняющих наше столетие. Но он высказал не всю истину. Ибо неверно то, что вся история общества сводится единственно к борьбе классов. Если мы, вообще, хотим обнять всемирную историю одной формулой, то мы должны будем, я думаю, сказать, что вся история общества вращается вокруг двух *противоположностей*, которые я назову *социальной* и *национальной* противоположностью, понимая слово *национальность* в самом широком смысле. Человечество в своем развитии сначала собирается в общества, которые первоначально ведут взаимную борьбу, но потом внутри них начинается борьба их членов за более высокое положение... Таким образом, мы видим, с одной стороны,

---

[1]) Для примера напомним приведенные выше строки из брошюры Гизо о демократии, написанной в 1849 году: „Борьба различных классов наполняет собою всю нашу историю... Дворянство и третье сословие, аристократия и демократия, буржуазия и работники, все это лишь различные формы и различные фазы социальной борьбы“... Это почти дословно то, что говорится в начале первой главы „Манифеста“.

стремление к тем же целям отдельных членов. Таковы, кажется мне, две противоположности, наполняющие собою всю историю» [1]).

Маркс нашел часть истины. Критически мыслящий г. Зомбарт с своей стороны дополнил сказанное Марксом, и теперь мы, к нашему счастью и удовольствию, обладаем полной истиной, свободной от крайностей и преувеличений. Это очень приятно, но, во-первых, взаимная борьба отдельных членов общества за более высокое положение не есть еще борьба классов, как это прекрасно доказывают своим примером современные нам предприниматели, которые ожесточенно борются между собою за покупателей, но чужды всякой мысли о *классовой* борьбе с себе подобными. А, во-вторых, что такое «национальная борьба» г. Зомбарта? Это есть не что иное, как борьба отдельных государств между собою. Спрашивается, неужели же авторы «Манифеста» упустили из виду историческое значение этой борьбы? Это было бы странно. Тем более странно, что те же авторы и в том же «Манифесте» говорят, что буржуазия всякого данного государства ведет непрерывную борьбу с буржуазией других государств («Манифест» стр. 13). В чем же дело? Просто на просто в том, что г. Вернер Зомбарт плохо понял мысль «Манифеста».

В каком смысле употребляет Маркс слово *общество?* В том же самом смысле, в каком употреблял его Гизо, рассуждая о зависимости *политического* строя от *общественного* [2]). И у того, и у другого слово *общество* есть сокращенное обозначение того, что они же называли гражданским обществом в *отличие от государства.* Когда авторы «Манифеста» говорят, что буржуазия каждой данной страны ведет непрерывную борьбу с буржуазией других стран, то они имеют в виду борьбу *между государствами, международную* или—по терминологии г. Вернера Зомбарта—*национальную* борьбу. А когда они говорят, что вся история общества была до сих пор историей борьбы классов, они подразумевают историю *гражданского общества,* или, иначе, *внутреннюю историю государств* [3]). Эта история была, по их мнению, историей борьбы классов, и относительно *этой* истории с ними по существу соглашается их «критик». Выходит, значит, что сделанная г. Зомбартом поправка есть не более, как плод недоразумения.

Маркса и Энгельса чаще всего «критикуют» таким образом: сначала их немножко не поймут или исказят, а потом немножко поправят. И так поступают милостивые критики, а немилостивые совсем уже не стесняются с ними: они бесцеремонно приписывают им ахинею, глубокомысленно заявляя, что пора уже покончить с марксовой «догмой».

Бенедето Кроче находит неясным самое понятие о борьбе классов. «Я готов сказать,—говорит он,—что история есть борьба классов: 1) когда существуют классы; 2) когда они имеют противоположные интересы; 3) когда они сознают их противоположность. Но это приведо бы нас к тому юмористическому положению, что история есть борьба классов только тогда, когда она есть... борьба классов! В действительности случилось, что классы не имели противоположных интересов и очень

---

[1]) Socialismus und soziale Bewegung im jahundert, SS. 1—2.
[2]) См. выше.
[3]) Ср. предисловие к „Zur Kritik", где хорошо видно, какое значение придает Маркс слову „общество". Ср. также „die helige Familie", S. 189.

часто они не сознают их противоположности, что очень хорошо известно социалистам, которые стараются, иногда безуспешно (так, например, это до сих пор им не удавалось и в крестьянской среде), породить ее сознание в новейшем пролетариате» [1]).

Эти замечания могут показаться на первый взгляд довольно меткими и потому заслуживают внимания.

Борьба классов имеет место только там и только тогда, где и когда существуют классы. Это, конечно, совершенно верно: странно было бы говорить о классовой борьбе в таком обществе, в котором отсутствуют классы. Но в каком же обществе они отсутствуют? Только в самом первобытном. Но оно неустойчиво: уже на очень ранней ступени развития еще задолго до полного разложения родовой организации, в среде «дикарей» появляется имущественное неравенство, а вслед за ним не только антагонизм интересов, но и *сознание этого антагонизма.* Одним из самых замечательных произведений эскимосской поэзии является сказка, герой которой,—сын *бедной* вдовы,—мстит своим *богатым* сородичам за испытанные от них унижения. А между тем у эскимосов до сих пор еще чрезвычайно сильно чувство солидарности, воспитанное первобытным коммунизмом.

Кроме того, нужно помнить, что в первобытном обществе очень рано возникает разделение труда между мужчинами и женщинами, чем порождается *антагонизм полов,* сказывающийся и в пище, и в нравах, и в развлечениях, и в искусстве, и даже в языке. Тому, кто упустит из виду материальные и духовные последствия этого антагонизма полов, останутся совершенно непонятными многие важные стороны первобытной жизни. А, если мы перейдем к более развитым обществам, то без труда заметим, как существование в них различных классов, так и их беспрерывную борьбу, отражающуюся и в государственном устройстве, и в праве, и в религии, и в поэзии, и во всем, вообще, художественном творчестве.

Верно и то, что интересы различных общественных классов не всегда *противоположны.* Но для возникновения классового антагонизма достаточно простого *различия* интересов. Там, где между бедными и богатыми еще не установились отношения наемников к нанимателям, нередко замечается именно только это различие, которое, однако, порождает жестокую борьбу классов. А иногда для возникновения классовой борьбы не нужно и имущественного неравенства, а достаточно различия местных интересов, как это хорошо видно из первоначальной истории Афин с ее борьбой между диакриями, паралиями и педиеями [2]).

Говоря, что антагонизм интересов не всегда сознается общественными классами, г. Кроче высказывает мысль, верную только отчасти. Возьмем хоть русскую историю. Много ли в ней можно насчитать крестьянских восстаний? Очень немного: восстание Разина и Пугачева в Великороссии и казацкие войны в Малороссии наполняют собою лишь некоторые, сравнительно весьма непродолжительные периоды, отделенные один от дру-

---

[1]) Critique de quelquet concepts du marxisme в Devenir jocial, Fevrier 1898, pp. 121—122.

[2]) См. Griechische Gechichte von E. Curtius I. B., Berlin, 1857, SS. 254—255, ср. Hegel's Philosophie der Geschichte (heraugegeben von E. Gans). S. 261: „Der Unterschied der Stände berucht auf der Verchiedenheit der Localität".

того более или менее длинными промежутками. Но чем характеризуются эти промежутки? «Социальным миром?» Нет, о социальном мире или хотя бы о перемирии и тогда ничего не было слышно. «Социальная война» не прекращается и в эти промежутки, она только изменяет свой характер, *из явной делаясь скрытною*. Общество попрежнему остается разделенным на два враждебных лагеря: здесь—«паны», господа»,—там—«хлопы», «мужики». Каждый из этих двух лагерей очень хорошо видит стену враждебных чувств, взглядов и действий, отделяющую его от другого лагеря: «господа» бранят «мужиков» и стараются «подтянуть» их как можно больше, «мужики» смеются над «господами» и сопротивляются «подтягиванию» всеми зависящими от них способами. И каждый год, даже каждый месяц, скрытая война то там, то здесь переходила в явную, ограниченную, правда, малым районом; мужики «бунтуют», господа «усмиряют» с помощью находящейся в их распоряжении военной силы. Наши народники были правы, утверждая, что борьба крестьян за землю и волю проходит красной нитью через всю русскую историю. Но что же такое эта борьба за землю и волю, если не классовая борьба?.. «Мужик» прекрасно сознавал противоположность своих интересов с интересами помещиков. И если, тем не менее, борьба, веденная им, не может быть названа *сознательной классовой борьбою,* то только потому, что для сознательной классовой борьбы недостаточно видеть антагонизм интересов, а нужно еще понимать, какими средствами могут быть побеждены люди, защищающие противоположные интересы. Русское крестьянство, как известно, не отличалось этим пониманием. Поэтому и веденная им борьба была в значительной степени «стихийной» борьбою. Но она не переставала быть классовой борьбой.

Г. Кроче смешивает сознательную борьбу с сознанием антагонизма и потому думает, что там, где нет *сознательной* классовой борьбы, классовая борьба совершенно не имеет места. Он не понимает, что более или менее ожесточенная, явная или скрытая, сознательная или бессознательная классовая борьба есть повсеместное следствие разделения общества на классы.

Верно, наконец, и то, что современные социалисты всеми силами стараются развивать самосознание рабочих. Но мы не понимаем, каким образом г. Кроче может ссылаться на этот бесспорный факт, как на довод против учения о борьбе классов. О современных социалистах можно сказать словами «Манифеста»: «Они отличаются от других рабочих партий только тем, что на различных стадиях, через которые проходит борьба пролетариев против буржуа, они всегда защищают общие интересы движения в его целом». Но из этого вытекает только тот вывод, что не все рабочие отличаются одинаковой степенью классового самосознания и не все одинаково хорошо понимают общие интересы рабочего движения.

Разделение общества на классы вызывается экономическим его развитием. Но ход *идей* опережается ходом *вещей*. Поэтому, *сознание людьми* отношений, существующих между ними в общественном процессе производства, отстает от *развития* этих отношений. Кроме того, даже в пределах одного и того же класса сознание развивается не одинаково быстро: одни из его членов раньше, другие позже схватывают сущность данного порядка вещей Этим создается возможность идейного воздействия передовых на отсталых, социалистов на таких пролетариев, которые еще не

дошли до социалистического миросозерцания [1]). Г. Кроче хочет, повидимому, сказать, что классового сознания вовсе нет там, где еще нужно развивать его. Но, во-первых, недостаточное развитие самосознания еще не означает его отсутствия. А во-вторых, если бы и можно было встретить теперь таких рабочих, которые верили бы в гармонию их интересов с интересами предпринимателей, то о таких отсталых и совершенно лишенных классового самосознания рабочих нужно было бы сказать, что они еще не разделались с миросозерцанием, свойственным периоду классовой борьбы другого рода, борьбы третьего сословия с аристократией. Тогда третье состояние еще не сознавало экономического антагонизма, таившегося в его собственных недрах. Нельзя удивляться, если взгляды, выработавшиеся в эпоху классовой борьбы одного рода, отчасти сохранились, как пережиток, до нашей эпохи, ознаменовавшейся классовой борьбой другого рода; ведь развитие сознания отстает от развития экономики.

Выходит, что в современном обществе, куда ни оглянешься, везде увидишь влияние борьбы классов. Выходит также, что «юмористические» положения высказывает никто другой, как сам г. Кроче.

Г. Кроче—умный и способный человек. Но в его мышлении недостает диалектического элемента, и этим недостатком обусловливаются почти все его «критические» потуги и неудачи [2]).

Пойдем дальше. Выше мы сказали, что авторы «Манифеста» обладали стройной исторической теорией, между тем, как в исторических взглядах идеологов буржуазии не были сведены концы с концами. Теперь нам надо пояснить и указать это.

Ог. Тьерри, Минье, Гизо и другие историки, стоявшие на точке зрения интересов «среднего класса», видели в имущественных отношениях самую главную, самую глубокую основу политического строя данной страны и даже взглядов, господствующих в ней [3]).

---

[1]) Что это воздействие совершается в общем совсем не „безуспешно", доказывается повсеместным ростом социалистической партии.

[2]) Заметим мимоходом, что отождествление „крестьян" с „новейшими пролетариями" в высшей степени странно со стороны человека, все таки недурно знакомого с литературой предмета.

[3]) Если это предисловие попадет в руки ученого проф. Кареева, то он воскликнет по нашему адресу, как воскликнул уже по адресу другого писателя: „Это говорится о Гизо, признававшем такую важную роль за индивидуальным развитием! Это говорится об Ог. Тьерри с его теорией рас, играющей такую роль в об'яснении событий!" („Старые и новые этюды", стр. 209). Но ученый профессор воскликнет так только по незнанию дела. Гизо действительно приписывал большое значение индивидуальному развитию, но это развитие фигурирует у него, как желательное последствие общественного развития, а не как одна из его основных причин. Что касается Тьерри, то в его исторической теории отводится большое место не „расам", а завоеванию одной расы другою. С какою же целью совершаются завоевания? На этот вопрос Тьерри, не колеблясь, ответил бы: ради положительных (имущественных) интересов. Так, по крайней мере, отвечает его знаменитая книга: Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Вспомните следующее место. Перед гастинской битвой один из ангелов говорит: „Мы должны защищаться потому, что дело идет не о новом короле, а совсем о другом предмете.. Норман роздал земли своим военачальникам, своим всадникам, всем своим людям.. И если он сделается нашим королом, он вынужден будет передать в распоряжение своих людей наше имущество, наших жен и дочерей". С своей стороны, Вильгельм-завоеватель говорил своим воинам: „Сражайтесь хорошенько и убивайте всех, ибо если мы победим, мы все будем богаты. То, что я приобрету, приобретете и вы,

В этом отношении их взгляды мало чем отличаются от взглядов Маркса и Энгельса, и когда Маркс впоследствии писал, что правовые отношения и государственные формы не об'ясняются ни собственной своей природой, ни, так называемым, общим развитием человеческого духа, а коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель называл гражданским обществом [1]), — он только повторял выводы, к которым значительно раньше его пришла, под влиянием общественного развития и связанной с ним борьбы классов, историческая наука. Вся разница сводилась к тому, что у предшественников Маркса происхождение имущественных отношений и интересов оставалось совсем невыясненным, между тем, как у Маркса оно выходило совершенно понятным.

У Гизо, Минье, Тьерри и у всех историков и публицистов, стоявших на их точке зрения, имущественные отношения общества нередко об'яснялись *завоеванием*. Но они сами указывали на то, что завоевание совершается ради известных «*положительных интересов*». Откуда же берутся эти интересы? Ясно, что их существование обусловливается имущественными отношениями, как в стране завоевателей, так и в той стране, которая подпадает под их иго [2]). Получается заколдованный круг: имущественные отношения и интересы об'ясняются завоеванием, а завоевание об'ясняется имущественными отношениями и интересами. Пока историческая теория не вышла из этого заколдованного круга, она по необходимости впадала в эклектизм и в противоречия. Таких противоречий не мало у всех вообще историков рассматриваемого направления.

Иногда историки аппелировали к человеческой природе. Но одно из двух: человеческая природа или остается неизменной в продолжение исторического процесса, или она изменяется. Если она остается неизменной, то очевидно, что не ею могут быть об'ясняемы перемены, совершающиеся в истории. А если она сама изменяется, то ссылки на нее ничего не об'ясняют, так как нам надо прежде всего об'яснить причины ее собственных изменений: новый заколдованный круг, новый источник противоречий и эклектизма в исторической науке.

Ярким примером такого эклектизма и таких противоречий может служить знаменитая книга Токвиля «О демократии в Америке», которую Ройе-Колляр называл продолжением книги Монтескье «О духе законов». Токвиль говорит, что раз дан известный социальный строй, его можно рассматривать, как первую причину большей части законов, обычаев и идей, «определяющих собою поведение наций». Чтобы понять законодательство и нравы данного народа, надо начать с изучения социального строя [3]). Но откуда же берется социальный строй? В ответ на это Токвиль ссылается на человеческую природу. Мы уже знаем, что такие ссылки ничего не об'ясняют. Знал или, по крайней мере, подозревал это и сам Токвиль, который еще в своих письмах из Америки говорил: «Здесь процветают такие учре-

---

то, что я завоюю, завоюете и вы; если у меня будет земля, будет она и у вас". (См. стр. 300 первого тома парижского издания 1825 т.). Возражения г-на Кареева против „экономического материализма" так полны недоразумений и так бессодержательны, что заставляют вспоминать слова Прудона: „Il faut qu'un professeur parle, parle, parle, non pas pour dire quelque chose, mais pour ne pas rester muet".

[1]) Zur Kritik der politischen Oekonomie, Vorwort.

[2]) См. примечание 68.

[3]) См. De la Democratie en Amerique, Paris 1836, t. I, p. 74.

ждения, которые непременно вызвали бы переворот во Франции. Люди здесь такие же, как и у нас, но только они поставлены в другие условия» [1]).

Из этих слов вытекает тот неизбежный и несомненный вывод, что человеческая природа совсем не дает нам ключа для понимания американских учреждений.

В других местах Токвиль старается об'яснить происхождение социального строя действием *законов*. Но так как, по его же словам, законодательство страны об'ясняется ее социальным строем, то мы опять наталкиваемся на противоречие. Сам Токвиль более или менее смутно сознавал это противоречие и старался справиться с ним. Но все его усилия остались напрасными: его анализ оказался в этом случае совершенно бессильным.

Историческая теория Маркса разрешает это противоречие и тем самым вносит ясность и последовательность туда, где до тех пор было много важных частностей, глубоких мыслей и верных замечаний, но не было основного принципа, способного связать все эти важные частности, глубокие мысли и верные замечания в одно стройное целое.

По теории Маркса, социальный строй—общественные отношения людей—об'ясняется их *экономическими отношениями:* «анатомию гражданского общества надо искать в его экономии». Чем же создаются отношения этого рода? Если бы Маркс стал об'яснять их происхождение взглядами, чувствами или вообще «природой» людей, то он попал бы в те же самые противоречия, в каких вращались его предшественники. Но Маркс об'ясняет его совершенно иначе.

Чтобы *жить,* люди должны *производить.* Чтобы производить, они должны известным образом сочетать свои усилия, установить друг с другом известные отношения, которые у Маркса называются *производственными отношениями.* Совокупность этих отношений и составляет *экономическую структуру общества,* на основе которой вырастают все другие (социальные) отношения людей и, между прочим, весь *«гражданский быт»,* игравший такую важную роль в теориях французских историков времен реставрации.

В каждую данную эпоху характер производственных отношений определяется не «случаем» и не «природой» людей, а теми естественными условиями, среди которых людям приходится бороться за свое существование. От этих условий и прежде всего от свойств географической среды зависит состояние *производительных сил,* находящихся в распоряжении людей. Данному состоянию производительных сил соответствуют данные отношения производства, а данным отношениям производства соответствует данный социальный строй, свойства которого, влияя на психику людей, обусловливают собою умственное, нравственное и все вообще, так называемое, *духовное* развитие людей.

Но самый процесс производства и сочетание человеческих усилий в этом процессе, увеличивая запас опыта, ведут к дальнейшему развитию производительных сил, вследствие которого возникает и постепенно усиливается *несоответствие* между этими силами, с одной стороны, и производственными отношениями—с другой. Прежде эти отношения содействовали дальнейшему росту производительных сил, теперь они начинают задерживать его. Тогда начинается *революционная* эпоха общественного развития, которая рано или поздно заканчивается разрушением устарелых производ-

[1]) Nouvelle correspondance de Alexis Tocqueville, Paris 1866; письмо к отцу от 3-го июня 1830 г.

ственных,—а, следовательно, и имущественных,—отношений и всего «гражданского быта».

Борьба против устарелых производственных отношений заставляет людей стать в критическое отношение не только к старому общественному порядку, но также к тем идеям, к тем чувствам, и, вообще, к той *«психике»*, которая выросла на почве старого порядка. Революционному движению в области общественных отношений соответствует, поэтому, революционное движение в области духовной жизни. «Трудно ли понять,—говорят Маркс и Энгельс во второй главе «Манифеста»,—что с образом жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным положением,—меняются также их представления, воззрения, понятия, словом, все их миросозерцание; что же доказывает история идей, если не то, что умственная деятельность преобразуется вместе с материальной?».

Такова историческая теория Маркса и Энгельса. Эта теория пропитывает собой весь «Манифест» и составляет то, что можно, не рискуя ошибиться, назвать его основною мыслью.

С точки зрения этой основной мысли авторы «Манифеста» оценивают и свою собственную эпоху. Если они считают ее *революционной,* то именно и единственно потому, что они замечают несоответствие между созданными капитализмом производительными силами и свойственными капитализму отношениями производства. «Современное буржуазное общество с его организацией производства и обмена,—говорят они,—как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, находится в положении волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собою историю возмущения современных производительных сил против современной организации производства, против имущественных отношений, этих условий жизни для буржуазии и ее господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества» («Манифест», стр. 8).

«Так как буржуазные отношения производства ставят рабочих в тяжелую зависимость по отношению к капиталу, то неудивительно, что в их среде существует недовольство, которое растет вместе с ростом указанного противоречия и переходит в революционное движение, направляющееся против всего нынешнего общественного порядка. Буржуазия «не только выковала оружие, которое нанесет ей смертельный удар, она породила также людей, которые направят это оружие—современных работников, пролетариев» («Манифест», стр. 9).

Все это показывает, до какой степени неверно характеризуется историческая теория Маркса и Энгельса общеупотребительным термином: *экономический материализм.* Если он должен обозначать теорию, признающую имущественный интерес главнейшим двигателем исторического прогресса, то французских историков времен реставрации можно с полным правом назвать экономическими материалистами. Но эти «экономические материалисты» были на самом деле совершенно чужды материализма и оставались *идеалистами,* поскольку не делались эклектиками. Происхождение имущественных отношений и интересов получало у них совсем не материалистическое об'яснение. Если же теория Маркса была насквозь пропитана материализмом, то вовсе не потому, что она отводила в истории чрезвычайно важную роль

имущественным интересам, а потому, что, приурочивая развитие этих интересов к развитию производственных отношений, вызываемому ростом производительных сил, она впервые дала материалистическое об'яснение эволюции общественной мысли, совершенно утратив идеалистическое об'яснение этой эволюции свойствами человеческого «духа» или вообще человеческой «природы». Неудивительно поэтому, что *полумарксисты,* восстающие против *материализма,* упорно держатся за выражение: «*экономический* материализм».

Они понимают, что под этим выражением могут укрыться совершенно идеалистические взгляды [1]).

Бывший марксист и социал-демократ, г. Бернштейн находит, что историческая теория Маркса и Энгельса наиболее точно обозначается предложеным Бартом названием: *экономическое понимание истории.* После всего сказанного излишне говорить, что это мнение г. «критика» основывается лишь на полном непонимании истинного характера «критикуемой теории [2]).

Раз заговорив об этом, критике», напомним читателю, что, по его мнению, историческая теория Маркса и Энгельса сама прошла через процесс развития, в результате которого получилось некоторое ограничение роли экономического «фактора» в истории, в пользу других, *не экономических «факторов».* В пользу этого своего мнения г. Бернштейн приводит такие доводы. В 1859 г. в предисловии к «Zur Kritik der politischen Oeconomie», Маркс признает за определяющий фактор данные материальные производительные [3]) силы и производственные отношения «людей», между тем, как позже, в споре с Дюрингом, Энгельс «еще при жизни Маркса и в согласии с ним», дает историческому материализму другое «об'яснение». Именно: «там значится, что, *последние* [4]) *причины* всех общественных перемен и переворотов надлежит искать не в головах людей, а в изменениях способа производства и обмена. Но последние причины не исключают одновременно действующих других причин,—причин второй, третьей и других степеней,— и ясно, что, чем значительнее ряд таких причин, тем сильнее ограничивается, как качественно, так и количественно определяющая сила последних причин. Факт влияния их остается, но окончательная форма вещей зависит не от него одного [5]).

Г. Бернштейн думает, что «в позднейших работах Энгельс еще больше ограничил определяющую силу производственных отношений». В доказательство он указывает на два письма Энгельса, напечатанных в «Socialistischer Akademiker» за октябрь 1895 года и написанных:—одно—в 1890 г.,

---

[1]) Хороший пример: исторические взгляды Сен-Симона имели идеалистическую основу, а, между тем, и он, как мы видели, был экономических материалистом не меньше Минье, Гизо или Ог. Тьерри.

[2]) Г. Бернштейн утверждает, что „на основе материалистического понимания истории покоится учение о классовой борьбе" („Условия возможности социализма", Лондон 1900, стр. 17). Читатель знает теперь, что учение о классовой борьбе возможно не только на основе материалистического понимания истории. Но какое дело до этого г. Бернштейну? Он „критикует", а не изучает.

[3]) Русский переводчик г. Э. Бернштейна поставил вместо производительных—производственные силы („Условия возможности социализма", стр. 6). Это совершенная безсмыслица.

[4]) Русский переводчик, вместо „последних" причин, поставил „конечныя" причины, о которых в теории Маркса не может быть и речи.

[5]) Ibid., стр. 9.

а другое—в 1894 г. Содержание этих писем хорошо характеризуется двумя цитатами, сделанными из них г. Бернштейном.

Первая из них гласит: «Таким образом, имеются бесчисленные, взаимно-скрещивающиеся силы, бесконечная группа параллелограмов сил, дающих *равнодействующую,*—историческое событие,—которая сама опять может рассматриваться, как продукт силы, работающей, как целое, без сознания и воли, ибо то, что каждый в отдельности желает, встречает помеху со стороны всех других, и то, что получается, есть нечто, чего не желал никто» (письмо 1890 г.).

Во второй цитате мы читаем следующее: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и проч. развитие покоится на экономическом. Но все они реагируют одно на другое и на экономический базис» (письмо 1895 года).

Сделав эти цитаты, г. Бернштейн замечает: «Читатель согласится, что это звучит несколько иначе, чем приведенное в начале место из Маркса» [1]).

«В начале» им приведено место из знаменитого предисловия к «Zur Kritik», говорящее о том, что способ производства материальной жизни обусловливает собою процесс социальной, политической и умственной жизни. Допустим на минуту, что место это действительно «звучит» иначе, чем вышеприведенные цитаты из писем Энгельса и посмотрим, как «звучит» «Манифест», написанный за одиннадцать лет до выхода в свет книги «Zur Kritik der politischen Oeconomie».

Мы уже обращали внимание читателя на то, что развитие производительных сил признается там самой глубокой причиной общественного развития. В этом отношении точка зрения «Манифеста» *тождественна* с точкой предисловия к «Zur Kritik». А как обстоит дело с «параллеограмами сил», и с взаимодействием различных «факторов» общественного развития?

«Манифест» показывает, каким образом успехи буржуазии в экономической области вели ее к политической борьбе и к политическим завоеваниями, которые, в свою очередь, ложились в основу ее дальнейших успехов в области экономии. Он об'являет, что *всякая классовая борьба есть борьба политическая,* и указывает пролетариату на захват им *политической* власти, как на необходимое условие его *экономического* освобождения. Словом, на счет политического «фактора» мы читаем здесь то же самое, что и в письме Энгельса 1895 г.,—политическое развитие покоится на экономическом, но вместе с тем реагирует на экономический базис.

Выходит, что взгляд, который кажется г. Бернштейну довольно поздним результатом эволюции исторической теории Маркса и Энгельса, в действительности, был еще высказан с 1848 г., т.-е. в такое время, когда, по гипотезе г. Бернштейна, Маркс и Энгельс должны бы были быть,—если здесь можно так выразиться,—«чистыми экономистами».

Но ведь это выходит пока еще только по отношению к политическому «фактору», а по отношению к другим это, может быть, и неверно?

Посмотрим. «Манифест» говорит, что умственная деятельность преобразуется вместе с материальной: «Когда древний мир пришел в упадок, древние религии были побеждены христианством. Когда христианские идеи уступали место просветительным идеям XVIII в., феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть с революционной тогда буржуазией». Уже в этих сло-

[1]) Там же, ст. 9.

вах заключается признание взаимодействия между экономическим развитием общества с одной стороны и умственным его развитием с другой. Но признание остается здесь скрытым, и потому его еще можно оспаривать. Но последняя глава «Манифеста» не оставляет уже ровно никакого сомнения на этот счет. В этой главе, выясняя отношение коммунистов к другим рабочим партиям, авторы говорят, что коммунисты стремятся выработать в умах рабочих как можно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Почему же коммунисты делают это? Очевидно, потому, что признают значение *идей*. Впрочем авторы и сами спешат пояснить их цель. Коммунистическая партия,—говорят они,—«хочет, чтобы общественные и политические условия, которые принесет с собой господство буржуазии, могли послужить немецким рабочим оружием против той же буржуазии, чтобы борьба против нее началась тотчас же после падения реакционных классов в Германии». Здесь обнаруживается совершенно тот же взгляд на значение *умственного* «фактора», который мы отметили по отношению к «фактору» *политическому;* умственное развитие основывается на экономическом, но затем, в свою очередь, влияет на него (через посредство социально-политической деятельности людей). Выходит, что и идейный «фактор» был признаваем Марксом и Энгельсом не только во время полемики с Дюрингом, но еще в 1848 г.—и даже не только в 1848 г., а еще в эпоху издания «Deutsch-Französische Jahrbücher». По крайней мере, относительно Маркса это ставят вне всякого сомнения следующие замечательные строки из его статьи о гегелевской философии права:

«Ни один класс не может сыграть этой (освободительной) роли, не вызвав на время энтузиазма в себе и в массе. В течение этого времени он братается со всем обществом, его признают *всеобщим представителем,* ему сочувствуют, как таковому; в течение этого времени права и требования этого класса являются правами и требованиями всего общества, а сам он—головой общества и его сердцем».

Как видите, общественно-преобразовательная роль сознания вообще и даже энтузиазма, в частности, признается здесь самым категорическим образом. Психический «фактор» реагирует на общественные (а, следовательно, и экономические) отношения. А затем Маркс поясняет, каким образом указанное им отношение всего общества к «классу-освободителю» вырастает на почве борьбы классов: «чтобы одно сословие явилось сословием-освободителем par excelence, нужно, чтобы какое-нибудь другое сословие явилось в общем сознании, наоборот, сословием-поработителем. Отрицательно-универсальное значение французского дворянства и духовенства обусловливало положительно-универсальное значение стоявшего рядом с ними и против них класса буржуазии» [1]).

Вывод: уже с самого начала своей деятельности основатели научного социализма выражали тот же взгляд на взаимное отношение различных «факторов» исторического развития, какой мы встречаем в выписках, делаемых г. Бернштейном из писем Энгельса, писанных в девяностых годах. Да иначе и быть не могло: если бы в начале своей политической карьеры Маркс и Энгельс в самом деле не придавали значения политическому у духовному «факторам» и не допускали бы воздействия их на экономическое развитие общества, то их практическая программа была бы совершенно дру-

[1]) Deutsch-Französische Jahrbücher, S. 82.

гая: они не говорили бы, что рабочий класс не может освободиться от экономического ига буржуазии, не захватив в свои руки политической власти. И точно так-же они не говорили бы о необходимости развития самосознания рабочих: зачем развивать его, если оно не играет никакой роли в общественном движении, и если все делается в истории независимо от сознания, одною силою экономической необходимости? Но кто же не знает, что развитие самосознания рабочих было ближайшей практической задачей Маркса и Энгельса с самого начала их общественной деятельности? А г. Бернштейну, как бывшему «марксисту», не мешало бы также знать и то, что энергичная умственная работа, совершавшаяся в начале сороковых годов в среде французских и английских рабочих, служила Марксу одним из главных доводов против тех писателей, которые, подобно Бруно Бауэру, не хотели знать «массы» и возлагали все свои упования на «критически-мыслящих личностей» [1]).

Попробуем построить другую гипотезу: в начале своей деятельности Маркс и Энгельс смотрели на «факторы» теми самыми глазами, какими смотрел на них Энгельс в девяностых годах. А в середине этой деятельности, около времени выхода книги «Zur Kritik», Маркс—один или вместе с Энгельсом — почему-либо изменил этот свой взгляд и впали в ту крайность, которой ожидал г. Бернштейн в предисловии к названной книге.

Но и эта гипотеза не выдерживает критики. Не выдерживает по той причине, что в названном предисловии высказывается как раз тот же взгляд на «факторы», который, по мнению г. Бернштейна, возник лишь в результате *эволюции* исторической теории Маркса. Читатель без труда согласится с нами, если даст себе труд вдуматься в ту самую цитату, накоторую ссылается наш глубокомысленный «критик». «Способ производства материальной жизни вообще обусловливает собою процесс социальной, политической и умственной жизни». Это значит, что социальный, политический и умственный «факторы» вырастают на экономической почве.

Далее: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями или... с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Эти отношения перестают быть формами, способствовавшими развитию производительных сил, и становятся препятствием для него».

Имущественные отношения относятся к области *права*. В данное время данные имущественные отношения способствуют развитию производительных сил. Это значит, что правовые формы, выросшие на данном экономическом базисе, в свою очередь, реагируют на развитие экономики. Потом,—и между прочим, благодаря этому реагированию, — наступает такое время, когда данные правовые формы начинают мешать развитию производительных сил. Это опять значит, что эти формы реагируют, хотя теперь уже в обратном смысле,—на развитие общественно-экономических отношений. Вследствие противоречия между производительными силами и имущественными отношениями наступает эпоха социального переворота. *Что* достигается этим переворотом? *Какая* цель преследуется им? Устранение старых и установление новых отношений производства, новых правовых учреждений.

---

ie heilige Familie, S. 125.

Для чего же нужно это устранение и это установление? Для дальнейшего развития производительных сил. Это снова и снова означает, что правовые формы, выросшие на данной экономической основе, с своей стороны влияют на эту основу. Неужели это не то же самое, что говорилось в «Манифесте», повторялось почти во всех других сочинениях Маркса и было указано в цитируемых г. Бернштейном письмах Энгельса?

А психический «фактор»? Может быть, о нем в предисловии говорится не то, что в других сочинениях Маркса и Энгельса? О нем мало говорится в предисловии, но то, что говорится там, нисколько не противоречит тому, что сказано в письмах Энгельса. Развитие производительных сил ставит людей в известные отношения производства, ведет к возникновению известных правовых форм. Данным правовым формам соответствуют известные правовые понятия людей. С дальнейшим ростом производительных сил, по мере того, как их состоянию перестают соответствовать старые правовые формы, в головах тех людей, интересы которых нарушаются таким несоответствием, возникает сомнение в пригодности и справедливости старых правовых учреждений; у них являются новые понятия о праве и о справедливости, соответствующие вновь достигнутой обществом ступени развития производительных сил. В сторону этих новых понятий о праве и о справедливости направляется критическая деятельность борцов против старого порядка, ведущая к созданию новых правовых учреждений, дающих новый толчок развитию производительных сил, и т. д., и т. д. Это говорится в предисловии, и мы спрашиваем *беспристрастного читателя, противоречит ли это хоть на волос тому, что* высказал Энгельс в своих письмах.

Конечно, не противоречит. Но предисловие написано более отвлеченным языком и притом по совершенно другому поводу. Именно, в предисловии Маркс хотел оттенить, что общественные отношения «не об'ясняются ни своей собственной природой ни так называемым общим развитием человеческого духа». С этой целью он выставлял на вид преимущественно *экономическую основу* развития названных отношений. А Энгельс в своих письмах обращался к человеку, который,—подобно многим из наших соотечественников,—думал, что в теории «экономического материализма» нет места для действия политического, правового и духовного «факторов», а потому он, мимоходом указав на экономическую основу всех этих «факторов», особенно оттенял то обстоятельно, что эти «факторы», выросши на экономической почве, воздействуют на нее с своей стороны. Вот только и всего. Если бы г. Бернштейн был способен пойти хоть немного дальше *слов* разбираемой им теории и проникнуть в ее *содержание,* то он с большою легкостью понял бы, что исторические взгляды, изложенные в предисловии «Zur Kritik», оставляют ровно столько же места для действия «причин второй, третьей и т. д. степени» как и учение, содержащееся в анти-Дюринге, а заключающееся в письме от 1890 г. рассуждение Энгельса о том, что исторические события могут рассматриваться, как продукт силы, работающей бессознательно, есть то же самое, что в предисловии говорит Маркс о действии основной причины общественного развития, независимой от сознания и воли людей. Здесь полнейшее тождество, а г. Бернштейн ухитрился понять слова Энгельса, как нечто, изменяющее смысл предисловия и дополняющее его. О, «критик»!

В другом месте своей брошюры наш «критик» указывает на преувеличенную оценку Марксом «творческой способности революционной силы в деле социалистического преобразования современного общества». Но

революционная сила есть сила политическая. Выходит, стало быть, что Маркс грешил преувеличенной оценкой творческой способности политической силы. Но тот же Маркс, в то же время и по словам того же «критика», грешил тем, что не придавал значения никаким другим «факторам», кроме экономического. Пойми, кто может!

Г. Бернштейн критикует не только историческую теорию Маркса и Энгельса, но также и их учение о борьбе классов. По его словам, борьба классов ставит в настоящее время перед пролетариатом уже не те практические задачи, на какие указывали авторы «Манифеста». Борьба пролетариата с буржуазией в наиболее развитых странах цивилизованного мира не может повести теперь к диктатуре пролетариата, и потому разговоры о ней становятся простым фразерством. Но пусть лучше говорит сам г. Бернштейн.

«Имеет ли, например, смысл повторять фразу о диктатуре пролетариата в такое время, когда во всевозможных учреждениях представители социал-демократии практически становятся на почву парламентской борьбы, пропорционального представительства и народного законодательства, противоречащих диктатуре? Она в настоящее время настолько пережита, что иначе нельзя согласить ее с действительностью, как путем отнятия у слова «диктатура» его истинного значения и придания ему какого-нибудь смягченного смысла» [1]).

Во второй половине 80-х годов у нас появился особый вид «социалиста», главная и, можно сказать, мучительная забота которого заключалась в том, чтобы не испугать либерала. Призрак испуганного либерала до такой степени пугал социалистов этого вида, что вносил несказанную путаницу во все их теоретические рассуждения. Г. Бернштейн очень напоминает таких «социалистов». Его главная забота состоит в том, чтобы как-нибудь не испугать демократическую буржуазию. Если он отказывается от материализма и рекомендует вернуться к Канту, то единственно потому, что кантианизм оставляет место для религиозного суеверия, а г. Бернштейну не хочется шокировать религиозные суеверия современного буржуа. Если г. Бернштейн восстает против материалистического учения о необходимости, то лишь потому, что, будучи применено к общественным явлениям, это учение не оставляет никакого места для упований пролетариата на благожелательность буржуазии, а следовательно, и для взаимного сближения этих двух классов. Наконец, если г. Бернштейн не любит «фразы» на счет диктатуры пролетариата, то это опять-таки единственно потому, что она неприятно режет слух даже самой «демократической» буржуазии. Но людям, не пугающимся призрака испуганных буржуа, вопрос о диктатуре пролетариата представляется совсем не в том свете, в каком видит его г. критик.

Диктатура всякого данного класса означает,—как это прекрасно знал еще Минье,—*господство* этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые нарушают эти интересы [2]). В этом смысле можно сказать, что,

---

[1]) Условия возможности социализма, стр. 158.

[2]) Просим читателя припомнить выше приведенное положение Минье: „Известно, что сила, достигшая господства, всегда овладевает учреждениями". Когда данный клас „овладевает учреждениями", наступает эпоха его диктатуры.

например, французская буржуазия добилась диктатуры еще в эпоху первого Учредительного Собрания и затем, с некоторыми перерывами, продолжала пользоваться ею вплоть до наших дней, когда даже так называемый Жоресом социалистический министр Мильеран не может воспрепятствовать расстреливанию рабочих, осмеливающихся не повиноваться капиталистам. При таком положении дела задача французского пролетариата состоит прежде всего в том, чтобы устранить «условия возможности» этой диктатуры буржуазии. К числу важнейших из этих условий принадлежит неразвитость классового самосознания производителей, значительная часть которых до сих пор еще находится под влиянием эксплоататоров. Одна из важнейших практических задач партии заключается, поэтому, в просвещении непросвещенных, в подталкивании отсталых, в доразвитии неразвитых. Парламентская и всякая другая легальная политическая деятельность представителей социал-демократии содействует осуществлению этой важной задачи и потому *заслуживает всякого уважения и одобрения.* Но она хороша тем, что устраняет духовные «условия возможности» диктатуры буржуазии и создает духовные «условия возможности» будущей диктатуры пролетариата. Она не противоречит диктатуре пролетариата; она подготовляет ее. Называть *фразой* указание рабочим на необходимость диктатуры их класса может только тот, кто утратил всякое представление об «*окончательной цели*» (Endziel) и думает лишь о «движении» (Bewegung)... в сторону буржуазного социализма.

Но, по словам г. Бернштейна, классовая диктатура принадлежит к более низкой культуре, «и... надобно признать за шаг назад, за политический атавизм мысль о том, будто переход из капиталистического общества в социалистическое должен непременно совершиться под формами развития эпохи, которой еще незнакомы были или знакомы были лишь в самой несовершенной форме современные методы пропаганды и проведения законов и недоставало необходимых к тому органов» [1]).

Диктатура данного класса есть, как мы сказали, господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для подавления всех общественных движений, прямо или косвенно угрожающих этим интересам. Спрашивается, можно ли назвать политическим атавизмом стремление к такому господству того или другого класса современного общества? Нет, нельзя. В этом обществе существуют *классы.* Там, где существуют классы, неизбежна *классовая борьба.* Там, где есть *классовая борьба,* необходимо и естественно *стремление каждого из борющихся классов* к полной победе над своим противником и к полному над ним господству. Буржуазия и ее идеологи могут осуждать—во имя «нравственности» и «справедливости»—такое стремление всякий раз, когда пролетариат обнаруживает его с заметной силой. Но мы знаем, что уже в январе 1848 г. Гизо называл классовую борьбу стыдом и горем Франции. Но мы знаем также, что это осуждение классовой борьбы и завоевательных стремлений рабочего класса было подсказано буржуазии лишь инстинктом самосохранения, и что классовая диктатура представлялась ей совсем в другом свете, когда она еще вела свою многовековую тяжбу с аристократией и была твердо убеждена в том, что ее корабля не потопит никакая буря. Рабочему классу не может

---

[1]) Там же, стр. 159.

и не должна импонировать та будто бы нравственность и та яко бы справедливость, к которым взывают буржуа времен упадка [1]). Минье говорил, что только силою можно добиться признания своих прав, и что до сих пор нет другого верховного владыки, кроме силы. Это было как нельзя более справедливо в наше время борьбы пролетариата с буржуазией. Если бы мы вздумали уверять рабочих, что в буржуазном обществе сила уже не имеет того значения, какое она имела при старом «порядке», то мы сказали бы им явную и вопиющую неправду, которая—как и всякая неправда—только удлинила бы и увеличила бы «мучения родов».

Правда,—сила и насилие совсем не одно и то же. В международных политических отношениях значение каждого государства определяется его силой, но из этого вовсе не следует, что признание прав сильного в каждом отдельном случае предполагает насильственные действия. То же—и в междуклассовых отношениях. Значение каждого данного класса всегда определяется его *силой*, но для признания его значения далеко не всегда нужно *насилие*. Роль насилия иногда суживается, иногда расширяется в зависимости от политического устройства данной страны. Г. Бернштейн думает, что в современных демократических странах рабочий класс для достижения своих целей не имеет надобности в насилии. Это слишком оптимистический взгляд, внушенный нашему «критику» его постоянной заботой о том, чтобы не испугать буржуазных демократов. Современная Франция обладает демократической конституцией, и, однако, никто из людей, знакомых с внутренней жизнью этой страны, не поручится за то, что ее пролетариат не будет вынужден сопротивляться открытой силой насилию, испытываемому им со стороны буржуазии. Более того. Всякий знакомый с контитуцией Франции скажет, что в этой стране к восстанию пролетариата легко может привести сама логика избирательного права [2]). Или возьмите хоть Соединенные Штаты Северной Америки. Это—тоже демократическая страна. Но в этой демократической стране освобождение негров могло быть куплено лишь ценою междоусобия, и нельзя поручиться за то, что американскому пролетариату не придется *насилием* расчищать себе путь к своему экономическому освобождению. По мнению г. Бернштейна, «вся практическая деятельность социал-демократии сводится к тому, чтобы создать такие обстоятельства и условия, которые сделали бы возможным и необходимым переход современного общественного строя в высший без конвульсивных потрясений» [3]). В этих его словах есть доля истины. Социал-демократия действительно заинтересована в том, чтобы переход в высший общественный порядок совершился

---

[1]) И это тем более, что диктатура пролетариата положит конец существованию классов, а следовательно, их борьбе со всеми вызываемыми ею и теперь неизбежными страданиями. Но буржуазия не хочет и, по своему общественному положению, не может понять этого. Она стремилась к диктатуре и находила ее необходимым и вполне позволительным средством достижения цели во время своей борьбы с аристократией. Но она стала осуждать это средство и находит его излишним с тех самых пор, как зашла речь о диктатуре рабочего класса. Это напоминает дикаря, следующим образом пояснившего различие между добром и злом: „Добро—это когда я что нибудь отниму у других, а зло—это когда у меня что нибуть отнимут". И нужно иметь много доброй воли, чтобы, подобно г. Бернштейну, находить убедительными доводы буржуазии, пугающейся мысли о диктатуре пролетариата.

[2]) Ср. J. Jaures. Le Socialisme francais в Cosmopolis, Janvier 1898 pp. 119 – 121.

[3]) Там же, стр. 158.

без потрясений. Но, значит ли это, что она должна отказаться от диктатуры пролетариата? Совсем нет! Идя в Пекин, союзные европейско-американско-японские войска были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы занятие китайской столицы совершилось без пролития крови, но, тем не менее, они, ни на минуту не покидали мысли об ее занятии. Никакая цель не может измениться от того, что люди стремятся достигнуть ее с наименьшими усилиями. Но когда люди твердо решили во что бы то ни стало достигнуть данной цели, выбор средств зависит уже не от них самих, а от обстоятельств. И именно потому, что социал-демократия не в состоянии предвидеть все те обстоятельства, при которых рабочему классу придется завоевывать свое *господство* [1]), она не может принципиально отказываться от *насильственного способа* действий. Она должна помнить старое, испытанное правило: если хочешь мира, готовься к войне.

Нам скажут, может быть, что сам Энгельс под конец жизни настоятельно советовал социалистическим партиям всех стран избегать насильственных действий и оставаться на почве мирной борьбы законными средствами [2]). На это мы ответим вот что:

Энгельс дал этот свой совет, основываясь на трех соображениях: 1) на том, что социалистическая революция предполагает высокое развитие сознания рабочей массы, для которого нужно время [3]); 2) на том, что немецкие охранители всеми силами стараются теперь толкнуть немецкую социал-демократию на восстание, надеясь разбить ее и тем положить конец ее непрерывным успехам [4]), и 3) на том, что современное вооружение войска делает безнадежными всякие попытки уличных восстаний [5]).

Первые два из этих соображений не нуждаются ни в каких «поправках» и ни в каких комментариях. Они изложены так ясно и так очевидно справедливы, что против них не станут возражать ни те, которые действительно умеют критиковать учение Маркса и Энгельса, ни даже те, которые годны только на то, чтобы красоваться «под знаком критики». Но эти два соображения осуждают не насильственные действия вообще, а только преждевременные насильственные действия, и потому не имеют ничего общего с доводами сторонников мирного развития quand même.

Что касается третьего соображения, то при внимательном анализе смысл его оказывается не совсем таким, каким он представляется на первый взгляд...

Если мы сопоставим рассуждение Энгельса с знаменитыми заключительными строками «Манифеста Коммунистической Партии», то мы

---

[1]) Мы уже сказали раньше, зачем нужно пролетариату такое господство.

[2]) См. его (помеченное мартом 1895 г.) предисловие к сочинению Маркса о классовой борьбе во Франции в 1848–50 гг.

[3]) „Die Zeit der Ueberrumpelungen, der von kleinen bewussten Minoritäten an der Spitze bewusstloser Massen durchgeführten Revolutionen ist vorbei Wo es sich um eine vollständige Umgestaltung der gesellschaftlichen Organisation handelt, da müssen die Massen selbst dabei sein, selbst schon begriffen haben, worum sich handelt, für was sie eintreten sollen. Damit aber die Massen verstehen, was zu thun ist, dazu bedarf es langer, aus dauernder Arbeit" etc. Die Klassenkämpfen in Frarkreich. Vorwort, J. 16. XXVI.

[4]) Ibid., S. 17.

[5]) Ibid., SS. 14—15.

увидим, что к концу своей жизни Энгельс значительно изменил свой взгляд на роль открытых восстаний в освободительной борьбе пролетариата. Между тем, как в эпоху опубликования «Манифеста» он и Маркс считали открытое восстание неизбежным условием победы рабочего класса, Энгельс к концу своей жизни признал, что при известных обстоятельствах легальный путь тоже может привести к победе, а на восстание стал смотреть, как на такой способ действий, который при современной технике военного дела сулит социалистам не победу, а жестокое поражение, и не перестанет сулить его до тех пор, пока сама армия не проникнется социалистическим духом.

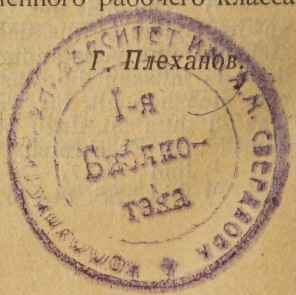
Этот новый взгляд Энгельса заслуживает, разумеется, полного внимания и уважения, но он нимало не противоречит тому, что мы сказали выше о возможном значении насильственных действий в революционной борьбе рабочего класса. Он только выясняет нам условия, необходимые для успешности такого рода действий.

К этому надо прибавить, что иное дело диктатура данного класса и иное дело насильственные действия, предпринимаемые этим классом в своем стремлении к диктатуре. Во время реставрации, Гизо и его единомышленники чрезвычайно энергично и вполне сознательно стремились к установлению диктатуры «среднего класса», но никто из них не думал о насильственных действиях вообще и об уличном восстании, в частности. Гизо, наверное, резко осудил бы тогда всякий план такого восстания. Но это не мешало ему быть *революционером*, потому что он ни на минуту не переставал развивать в умах людей «среднего класса» сознание враждебной противоположности их интересов с интересами аристократии и доказывать им, что всякая мысль о примирении с ней есть *вредная химера*. Совершенно такими же революционерами (только стоявшими на точке зрения другого класса) явились Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической Партии», и совершенно такими же революционерами остались они до последнего своего издыхания. В этом отношении взгляды их не изменились ни на волос, вопреки уверениям тех «критиков», которые целиком состоят, по выражению Маркса, из «с одной стороны» и «с другой стороны», которым очень хотелось бы освободить пролетариат, не обидев при этом буржуазии, и о которых можно сказать словами Ницше: Selig sind diese Schläfrigen denn sie sollen bald einnicken.

Вот все, что нам хотелось сказать об основной мысли «Манифеста» и о выгодах, непосредственно из нее вытекающих. Отдельные его положения будут, как сказано, рассмотрены нами в брошюре «Критика наших критиков». Мы увидим там, *были ли правы*, и если да, то *в какой мере были правы* Маркс и Энгельс, когда они говорили, что производительные силы буржуазного общества переросли современные ему производственные отношения; и что это противоречие между производительными силами, с одной стороны, и производственными отношениями, с другой—является глубокой социальной основой революционного движения современного рабочего класса.

Г. Плеханов.

Женева, август 1900 г.



ПЕРЕВОДЫ ЦИТАТ КНИГИ „В ЗАЩИТУ РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА“.

ЦИТАТЫ К СТАТЬЕ: „Г-н П. СТРУВЕ В РОЛИ КРИТИКА МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ“.

I. Как только тот или иной вопрос становится ясным, тотчас же являются такие противники его, которые под видом новшества всячески стараются затемнить и запутать вопрос. Я лично часто имел дело с такими противниками и возражениями.

КУНО ФИШЕР.

II. Эти господа все занимаются марксизмом, но так, как вы видели это во Франции 10 лет назад и о которых Маркс говорил: «Одно могу сказать—я не марксист!» Об этих господах он, вероятно, сказал бы то же, что говорил Гейне о своих подражателях: «Я посеял драконов и собрал блох».

Из письма Энгельса к П. Лафаргу от 27 окт. 1890 г.

III. Мы делаем это предположение на основании следующих слов г. П. Струве: «Во всяком случае, для Марксовой теории характерно предположение об усилении противоречий между хозяйственными явлениями и правовыми нормами!» (Ibid., стр. 671).

IV. «За последние 40 лет произошла большая перемена в положении всех цивилизованных обществ, во всем мире, вследствие применения механических и научных факторов в деле производства и транспорта продуктов. Затруднение уже не в редкости и дороговизне предметов первой необходимости и удобств жизни, как прежде, но в борьбе за полную долю труда, которая большей части населения доставляет единственный способ получить право на достаточное количество этих предметов первой необходимости и удобств, как бы дешевы и обильны они ни были. Растущее затруднение (борьба за полную долю труда при наличии обилия и дешевизны продуктов) находит свое выражение в системе тарифов, в экспортных премиях и других коммерческих ограничениях, принятых и поддерживаемых всеми цивилизованными нациями, кроме нашей».

IV/A. «Мровая продуктивность,—говорит оно,—естественно превзойдет обычную потребность в продуктах».

V. «Излагаемое мною воззрение исключает, как Марксово, так и Штаммлерово понятие о «социальной революции». Приспособление права к социальному хозяйству не прекращается ни на мгновение и именно развитие данного общественного порядка и преобразует, и расширяет эту рамку».

VI. Уэббы: «Обычное право и древние статуты безжалостно применялись в дополнение к Combination acts и часто на основании насильственно притянутого толкования. Шотландские судьи в особенности... применяли уголовное судопроизводство к простым казусам. Вся система наказний, характеризующая политику Регентства, в этот период дошла до тираннии, не превзойденной ни одним из монархов Священного Союза». (История Тредюнионизма, Лондон, 1894 г., стр. 84—85).
Кулеман: «Положение рабочего после мира 1815 года стало еще тяжелее, вследствие необычайного понижения оплаты труда в зависимости от общего падения цен. Поэтому понятно повсеместное образование тайных обществ и устройство заговоров, вызывавших кровавые репрессии». (Цеховое движение. Иена, 1910 г., Т. 3).

VII. «Она (революция), правда, захватила мир врасплох, а, между тем, она была только довершением длительной работы, внезапным и насильственным завершением того, что совершалось на глазах десяти поколений». (А. де-Токвиль — «Старый режим и революция». 2 изд. Париж, 1856 г., стр. 55).

VIII. «В каждую эпоху законодательство бывало, таким образом, вынуждено затрагивать господские привиллегии. Так было повсюду, и повсюду пробил час, когда речь шла уже не о преобразовании, а о безвозвратном их уничтожении».
(Анри Дониоль—Французская революция и Феодализм. 2-ое изд., стр. 6; Париж, 1876).

IX. «Поэтому-то этот век питал такое отвращение к феодальному строю и дворянским правам». (Дониоль, там же, та же страница).

X. «Десять веков спустя у людей осталась только ненависть к этим федальным крепостям. Когда-же они строились, они питали к ним только любовь и признательность: крепости воздвигались не против, но ради них». (История политических установлений Старой Франции, том IV, 682—683).

XI. Французская Революция и Феодализм—стр. 44, ср. также стр. 42: «Более того—что имеет особое значение—все это подчеркнуто, потому что в последнее время проявлялось с особенною интенсивностью».

XII. «Таким образом, нашему времени выпало на долю подозревать за социальными реформами ловушки, расставленные оппортунизмом».

XIII. «Ибо вся жизнь есть непрерывная цепь эволюций органической материи, всегда связанных с соответственным изменением формы». (Геккель—Морфология организмов—глава XVII).

XIV. В теории эволюции, представляющей собою бесспорно наиболее характерную и блестящую сторону Марксовского социализма,—говорит г. Струве,—лежит и его уязвимое место—именно в его будто бы непобедимой «диалектике» (ibid., стр. 686). В чем тут дело, ясно показывают непосредственно следующие за этим местом слова того же г. П. Струве: «От этих

столь многих противоречий можно спастись только решительно отбросив идею «социальной революции», как теоретическое понятие». У Гете Фауст говорит Мефистофелю: «Пентаграмма тебя мучает!» О нашем «притупленном» критике можно сказать, что его «мучает» понятие об общественной «катастрофе» в связи с понятием о некоей диктатуре.

XIV/A. «Что понимаем мы под средним сословием? В XIX веке увеличилось ли оно или сократилось? Геттинген, 1897 г., стр. 27. На речь Гошена указывает своим читателям также Роберт Мейер в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2-ое изд., 2-ой том, стр. 366.

XV. «Мелкая торговля сейчас переживает такую же промышленную революцию, какую испытало на себе в начале этого века мануфактурное производство: мелкий лавочник представляет аналогию ручному ткачу,— говорит Макрости в своей интересной The Growth of Monopoly in english Jndustry». (Fabian Tract, № 88, стр. 3).

XVI. «Я, не колеблясь, утверждаю, что поденная плата не может служить критерием действительной стоимости затраченного труда». (Т. Брасси—«О труде и оплате». Лондон, 1873, стр. 66).

XVII. «Я не нашел в Австрии никого, кто был бы против 8—9-часового рабочего дня; каждый приводил в доказательство один и тот же довод,—что интенсивность труда возрастет с укорочением рабочего дня». (Альбер Метэн: «Социализм без доктрин, Австралия и Новая Зеландия». Париж, 1901, стр. 132).

XVIII. «В обычное время, приблизительно говоря, безработных бывает менее десятой части промышленных рабочих и, вероятно, менее двадцатой части состоящих на жалованьи (включая женщин и детей)».—Американский рабочий, том I, стр. 584.

XIX. «Итак, положение рабочего было тогда (в середине века) очень сносным и, добавил бы, согласно данным современной критики, что оно должно было быть много лучше положения наших рабочих. Этот, так называемый, раб. находился в условиях, которые рабочие нашего считают завидными». (P. Hubert-Valleroux: «Корпорации искусств и ремесл» и т. д. Париж, 1885, стр. 44—45. Ср. также Alfred Franklin. Частная жизнь в старину—искусства, нравы, обычаи парижан XI—XVIII век. Как делались хозяевами. Париж, 1889, стр. 65: «При глубоком и беспристрастном изучении цехового устройства выявляется та истина, что положение рабочего в 13 и 14-м веке превосходило его теперешнее положение».

XX. «Изменение есть вид существования, который следует за другим видом существования той же вещи. Поэтому, все изменяющееся, есть пребывающее—меняется лишь его состояние». («Критика чистого разума». Изд. Кербаха, 2-е изд., стр. 179).

XXI. Гегель давно же показал, как несостоятельны ходячие рассуждения на ту тему, что природа скачков не делает. «Оказалось,—говорит он,—что изменения бытия, есть вообще не только переход одной величины в другую, но и переход качественного в количественное и обратно, есть постановление, представляющее собою перерыв постепенности и качественно иное

сравнительно с предыдущим бытием». («Наука о логике»—сочинения Гегеля, III том, 2-е изд., стр. 434).

XXI/A. Гегель очень хорошо замечает, что: «Нечто есть первое отрицание отрицания».

ЦИТАТЫ К СТАТЬЯМ: „CANT ПРОТИВ КАНТА".

XII. Книги имеют свою судьбу.

XXIII. Вот вопрос!

XXIV. Не следует допускать больше причин для явлений природы, чем в самом деле имеется и чем их нужно для об'яснения их.

XXV. «Оно (уничтожение классов), предполагает, следовательно, высокую ступень развития производительных сил, на которой присвоение орудий производства и продуктов его одним общественным классом не только становится излишним, но и препятствует дальнейшему экономическому, политическому и интеллектуальному прогрессу. Эта ступень достигнута». («Переворот в науке, совершенный Дюрингом». 3-е издание, стр. 304).

ИТАТЫ К ПРЕДИСЛОВИЮ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ „МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧ. ПАРТИИ".

XXVI. «Минуло время неожиданных революций, совершаемых несознательными массами, под руководством сознательного меньшинства. Где дело касается полного преобразования общественного строя, там должны принимать участие сами массы с сознанием того, что происходит, за что они борются. Но, чтобы массы поняли, что им делать, необходима длительная работа» и т. д. Классовая борьба во Франции. Предисловие, стр. 16.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00003052779